Джейн Остен

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

перевод Александра Ливерганта

КЛАССИКА

МИФ

Любовь и дружба
Джейн Остин

Аннотация
Джейн Остен. Любовь и дружба
Любовь и дружба
Леди Сьюзен
Замок Лесли
Над книгой работали

Аннотация

Джейн Остен было всего четырнадцать, когда она написала в трех тетрадях свой дебютный рассказ «Любовь и дружба», иронизируя над модными в то время сентиментальными романами. Но читатели смогли познакомиться с ним лишь после ее смерти.

Юная Лаура с восторгом бросается в водоворот событий, когда случай сводит ее с Эдвардом, бежавшим из дома после того, как отец стал настаивать на браке с нелюбимой. Лаура и Эдвард полны возвышенных романтических чувств, но достаточно ли этого, чтобы устроить счастливое и безбедное будущее?

В книгу также вошли рассказы «Леди Сьюзен» и «Замок Лесли».

Джейн Остен
Любовь и дружба

Original title:
LOVE AND FREINDSHIP
Jane Austen

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Ливергант А., перевод, 2026
© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Любовь и дружба

Графине де Февилид посвящает этот роман автор, ее покорный и преданный слуга.

Обманут в дружбе, в чувствах предан

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Изабелла — Лауре

Как часто, в ответ на мои постоянные просьбы рассказать моей дочери во всех подробностях о невзгодах и превратностях вашей жизни, вы отвечали: «Нет, друг мой, на вашу просьбу я отвечу согласием не раньше, чем мне не будет угрожать опасность пережить вновь подобные ужасы».

Что ж, время это приближается. Сегодня вам исполнилось пятьдесят пять лет. Если верить в то, что может наступить время, когда женщине не грозит настойчивое ухаживание постылых поклонников и жестокое преследование упря-

мых отцов, то именно в эту пору жизни вы сейчас вступаете.

Изабелла

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Лаура — Изабелле

Хотя я никак не могу согласиться с вами в том, что и впрямь наступит время, когда меня не будут преследовать столь же многочисленные и тяжкие невзгоды, какие мне довелось пережить, я готова, дабы избежать обвинений в упрямстве или в дурном нраве, удовлетворить любопытство вашей дочери. Пусть же та стойкость, с какой я сумела перенести выпавшие на мою долю многочисленные несчастья, поможет ей справиться с теми злоключениями, которые предстоит перенести ей самой.

Лаура

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Лаура — Марианне

Как дочь моей ближайшей подруги, вы, полагаю, имеете право знать грустную историю моей жизни, которую ваша мать так часто упрашивала меня рассказать вам.

Отец мой родом из Ирландии и жил в Уэльсе; матушка была дочерью шотландского пэра и итальянской певички; родилась я в Испании, а образование получила в женском монастыре во Франции. Когда мне исполнилось восемнадцать, отец призвал меня возвратиться под родительский кров, в Уэльс. Дом наш находился в одном из самых живописных уголков долины Аска. Хотя сейчас из-за перенесенных невзгод красота моя уже не та, что прежде, в молодости я была очень хороша собой, однако покладистым нравом не отличалась. Я обладала всеми достоинствами своего пола. В монастыре всегда успевала лучше остальных, успехов для своего возраста добивалась неслыханных и в очень скором времени превзошла своих учителей.

Я была средоточием всех мыслимых добродетелей, являя собой пример добропорядочности и

благородства.

Единственным моим недостатком (если это можно назвать недостатком) была излишняя чувствительность к малейшим неприятностям моих друзей и знакомых, в особенности же — к неприятностям моим собственным. Увы! Как все изменилось! Хотя сейчас собственные мои злоключения действуют на меня ничуть не меньше, чем раньше, несчастья других ничуть меня более не волнуют. Слабеют и мои многочисленные способности: я уже не в состоянии ни столь же хорошо петь, ни столь же изящно танцевать, как когда-то, — Minuet de la cour[1] я забыла напрочь.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Лаура — Марианне

Круг нашего общения был невелик: ни с кем, кроме вашей матери, мы не встречались. Быть

---

[1] Notes: 1

Придворный менуэт *(фр.)* — французский, строго регламентированный парный танец. *Здесь и далее прим. ред.*

может, она уже рассказывала вам, что после смерти родителей, находившихся в весьма стесненных обстоятельствах, она вынуждена была перебраться в Уэльс. Там-то и зародилась наша дружба. Изабелле шел тогда двадцать первый год, и (между нами говоря), хотя была она недурна собой и весьма обходительна, в ней не было и сотой доли той красоты и тех способностей, коими обладала я. Изабелла, правда, повидала мир. Два года она проучилась в одном из лучших лондонских пансионов, две недели провела в Бате и однажды вечером даже ужинала в Саутгемптоне.

— Лаура, — не раз говаривала она мне, — остерегайся бесцветной суетности и праздного мотовства английской столицы. Держись подальше от скоротечных удовольствий Бата и от вонючей рыбы Саутгемптона.

— Увы! — восклицала я в ответ. — Как, скажи на милость, избежать тех пороков, которые никогда не встретятся на моем пути? Велика ли вероятность того, что мне удастся вкусить праздную жизнь Лондона, удовольствия Бата или попробовать вонючую рыбу Саутгемптона?! Мне, которой суждено попусту растратить дни моей юности и красоты в скромном коттедже в долине Аска?

Ах! Тогда я и помыслить не могла, что скоро

сменю скромный родительский дом на призрачные светские удовольствия.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Лаура — Марианне

Однажды, поздним декабрьским вечером, когда отец, матушка и я сидели у камина, мы вдруг, к нашему величайшему изумлению, услышали громкий стук в дверь нашего скромного сельского жилища.

Мой отец вздрогнул.

— Что там за шум? — спросил он.

— Похоже, кто-то громко стучит в нашу дверь, — ответила матушка.

— В самом деле?! — вскричала я.

— И я того же мнения, — сказал отец, — шум, вне всяких сомнений, вызван неслыханно сильными ударами в нашу ветхую дверь.

— Да! — воскликнула я. — Сдается мне, кто-то стучится к нам в поисках пристанища.

— Это уже другой вопрос, — возразил он. — Мы не должны делать вид, что знаем, по какой причине к нам стучатся, хотя в том, что кто-то *и в самом деле* стучится в дверь, я почти убежден.

Тут второй оглушительный удар в дверь прервал моего отца на полуслове и немало встревожил матушку и меня.

— А не стоит ли пойти посмотреть, кто там? — сказала матушка. — Слуг ведь нет.

— Пожалуй, — ответила я.

— Разумеется, — добавил отец, — совершенно согласен.

— Так пойдемте? — сказала матушка.

— Чем скорей, тем лучше, — откликнулся отец.

— О, давайте не терять времени понапрасну! — вскричала я.

Тем временем третий удар, еще более мощный, чем два предыдущих, разнесся по всему дому.

— Я убеждена, что кто-то стучится в дверь, — сказала матушка.

— Похоже на то, — сказал отец.

— По-моему, вернулись слуги, — сказала я. — Мне кажется, я слышу, как Мэри идет к дверям.

— И слава богу! — вскричал отец. — Мне уже давно не терпится узнать, кто это к нам пожаловал.

Мои догадки полностью подтвердились. Не прошло и нескольких мгновений, как в комнату вошла Мэри и сообщила, что к нам стучатся молодой джентльмен и его слуга; они сбились с пути, замерзли и умоляют пустить их обогреться у огня.

— Неужто вы их не впустите? — спросила я.

— Ты не возражаешь, дорогая? — спросил отец.

— Конечно, нет, — ответила матушка.

Не дожидаясь дальнейших распоряжений, Мэри немедленно покинула комнату и вскоре вернулась с самым красивым и приветливым молодым человеком, какого мне когда-нибудь приходилось лицезреть. Слугу же она отвела к себе.

На мою тонкую натуру уже и без того произвели сильнейшее впечатление страдания незадачливого незнакомца, поэтому, стоило мне встретиться с ним глазами, как я ощутила, что от этого человека будет зависеть счастье или несчастье всей моей жизни.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Лаура — Марианне

Благородный молодой человек сообщил нам, что зовут его Линдсей; руководствуясь собственными соображениями, однако, впредь я буду называть его «Тэлбот». Он поведал, что его отец — английский баронет, что мать умерла много лет назад и что у него есть сестра весьма средних способностей.

— Мой отец, — продолжал он, — подлый и корыстный негодяй — об этом я говорю только вам, своим ближайшим, самым преданным друзьям. Ваши добродетели, мой любезный Полидор, — продолжал он, обращаясь к моему отцу, — и ваши, дорогая Клавдия, и ваши, моя прелестная Лаура, позволяют мне всецело вам довериться.

Мы поклонились.

— Мой отец, соблазнившись призрачным блеском богатства и громких титулов, требует, чтобы я всенепременно сочетался браком с леди Дороте-ей. Но этому не бывать! «Леди Доротея, слов нет, прелестна и обаятельна, я бы предпочел ее любой другой женщине, но знайте же, сэр, — заявил я ему, — брать ее в жены, потворствуя вашим

прихотям, я не намерен!» Нет! Никогда не пойду я на поводу у своего отца!

Мы все с восхищением внимали сим мужественным речам. Между тем молодой человек продолжал:

— Сэр Эдвард был удивлен; возможно, он не ожидал столь резкой отповеди.

«Скажи, Эдвард, — вскричал он, — где набрался ты этого несусветного вздора? Подозреваю, что из романов».

Я промолчал: отвечать было ниже моего достоинства. Вместо этого я вскочил в седло и в сопровождении преданного Уильяма отправился к своим тетушкам.

Поместье моего отца находится в Бедфордшире, тетушка живет в Миддлсексе, и, хотя мне всегда казалось, что географию я знаю вполне сносно, я неожиданно очутился в этой прелестной долине, которая, насколько я могу судить, находится в Южном Уэльсе, а никак не в Миддлсексе.

Побродив некоторое время по берегам Аска, я вдруг сообразил, что не знаю, в какую сторону идти, и принялся оплакивать свой горький жребий. Между тем стемнело, на небе не было ни единой звезды, которая могла бы направить мои стопы, и трудно сказать, что бы со мной сталось,

если бы спустя некоторое время не разглядел я в окружавшей меня кромешной тьме далекий свет, который, когда я приблизился, оказался огнем, призывно пылавшим в вашем камине. Преследуемый всевозможными несчастьями, а именно страхом, холодом и голодом, я, не колеблясь, попросил приюта, каковой, пусть и не сразу, был мне дан. И вот теперь, обожаемая моя Лаура, — продолжал он, взяв меня за руку, — скажи, могу ли я надеяться, что буду вознагражден за все злоключения, что мне пришлось претерпеть? Скажи же, когда я буду вознагражден тобой?

— Сию же минуту, дорогой и любезный Эдвард, — отвечала я.

И мы были немедленно обручены моим батюшкой, который, хоть и не был священником, получил богословское образование.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Лаура — Марианне

Проведя несколько дней после свадьбы в долине Аска, я нежно распростилась с отцом, матушкой и моей Изабеллой и отправилась вместе с Эдвардом в Миддлсекс к его тетке. Филиппа приняла нас с чувствами самыми искренними и теплыми. Приезд мой оказался для нее весьма приятным сюрпризом, ибо она не только ровным счетом ничего не знала о моем браке с ее племянником, но не имела ни малейшего представления о моем существовании.

В это время у нее в доме находилась с визитом сестра Эдварда Августа, девушка и в самом деле весьма средних способностей. Меня она встретила с неменьшим изумлением, однако вовсе не с такой же сердечностью, как Филиппа. В том, как она меня приняла, ощущалась неприятная холодность и отталкивающая сдержанность, что было в равной степени печально и неожиданно. Во время нашей первой встречи она не проявила ни живого участия, ни трогательного сочувствия, столь свойственных людям, встречающимся впервые. Она не употребляла теплых слов, в ее знаках внимания не было ни живости, ни сердечности; я было раскрыла ей объятия, готовясь прижать ее к своему сердцу, однако она мне взаимностью не ответила.

Короткий разговор между Августой и ее братом, который я поневоле, стоя за дверью, подслушала, еще более увеличил мою к ней неприязнь и убедил меня в том, что сердце ее не более создано для нежностей любви, чем для тесных уз дружбы.

— Неужто ты думаешь, что батюшка когда-нибудь смирится с этой опрометчивой связью? — спросила Августа.

— Августа, — ответил благородный молодой человек, — признаться, я полагал, что ты обо мне лучшего мнения. Неужто могла ты подумать, что я способен уронить себя настолько низко, чтобы придавать значение вмешательству отца в мои дела? Скажи мне, Августа, скажи со всей искренностью: ты помнишь, чтобы я хотя бы раз, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать, обращался к отцу за советом или справлялся о его мнении в любом, даже самом пустячном, деле?

— Эдвард, — возразила она, — по-моему, ты себя недооцениваешь. Мой дорогой брат, да ты не потакал прихотям батюшки с пяти лет, а не с пятнадцати! И все же у меня есть предчувствие, что, обращаясь к отцу с просьбой проявить великодушие к твоей жене, ты в самом скором времени вынужден будешь уронить себя в своих собственных глазах.

— Никогда, никогда, Августа, не уроню я таким образом своего достоинства, — сказал Эдвард. — Проявить великодушие! Лаура в великодушии отца нисколько не нуждается! Какую, по-твоему, помощь может он ей оказать?

— Ну, хотя бы самую незначительную, в виде съестных припасов и вина, — ответила она.

— Съестное и вино! — вспылил мой супруг. — Уж не думаешь ли ты, что столь возвышенный ум, как у моей Лауры, более всего на свете нуждается в столь низменных и ничтожных вещах, как съестное и вино?!

— А по-моему, нет ничего более возвышенного, — возразила Августа.

— Ты что же, никогда не испытывала сладостные муки любви, Августа? — спросил Эдвард. — На твой извращенный вкус, жить любовью невозможно? Ты что, не можешь себе представить, какое счастье жить с любимым, хоть и без гроша за душой?

— С тобой, — сказала Августа, — невозможно спорить. Быть может, впрочем, со временем тебя удастся убедить, что…

Окончание ее речи мне помешала дослушать очень красивая юная леди, которая ворвалась в комнату, распахнув дверь, за которой я стояла.

Услышав, что лакей представил ее «леди Доротея», я тут же покинула свой пост и последовала за ней в гостиную, ибо хорошо помнила, что эту самую леди прочил моему Эдварду в жены безжалостный и жестокосердный баронет.

Хотя, исходя из формальных соображений, свой визит леди Доротея наносила Филиппе и Августе, у меня есть некоторые основания полагать, что (узнав о браке Эдварда и его приезде) она возжелала прежде всего увидеть меня.

Я вскоре заметила, что, хотя леди Доротея была хороша собой и обходительна в обращении, во всем, что касается изысканных мыслей, восприимчивости и нежных чувств, она принадлежала к существам столь же неполноценным, что и Августа.

В доме Филиппы она провела не более получаса и за это время ни разу не поделилась со мной своими тайными мыслями, не вызвала меня на конфиденциальный разговор. А потому вы с легкостью представите себе, моя дорогая Марианна, что нежными чувствами к леди Доротее я не воспылала, не испытала к ней искренней привязанности.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Лаура — Марианне
(в продолжение предыдущего)

Не успела леди Доротея нас покинуть, как объявился, причем столь же неожиданно, еще один посетитель. То был сэр Эдвард; узнав от Августы о свадьбе ее брата, он, вне всяких сомнений, приехал попрекнуть сына за то, что тот посмел со мной обручиться без его ведома. Однако Эдвард его опередил: стоило сэру Эдварду войти в комнату, как он, со свойственной ему решительностью, обратился к отцу со следующими словами:

— Сэр Эдвард, я знаю, какую цель вы преследовали, приехав сюда. Явились вы с гнусным намерением попрекнуть меня тем, что я заключил нерасторжимый союз с моей Лаурой без вашего согласия. Но, сэр, я этим союзом горжусь… Горжусь тем, что вызвал неудовольствие своего отца!

И с этими словами он взял меня за руку и, покуда сэр Эдвард, Филиппа и Августа отдавали в своих мыслях должное его беспримерной отваге,

вывел меня из дома к еще стоявшей у дверей карете отца, и мы немедленно отправились в путь, спасаясь от преследования сэра Эдварда.

Вначале форейторам было приказано выехать на лондонскую дорогу, однако, по трезвом размышлении, мы распорядились ехать в М., город, в котором жил ближайший друг Эдварда и который находился всего в нескольких милях отсюда.

В М. мы прибыли спустя пару часов и, назвавшись, были незамедлительно приняты Софией, женой друга Эдварда. Представьте себе мои чувства, когда я, лишившись три недели назад ближайшей подруги (ибо таковой я считаю вашу матушку), вдруг поняла, что вижу перед собой ту, что воистину достойна называться ею. София была немного выше среднего роста и великолепно сложена. От ее прелестных черт веяло легкой истомой, отчего она казалась еще красивее… Чувствительность была ее отличительной чертой. Мы бросились друг другу в объятия и, поклявшись быть верными нашей дружбе до конца дней, немедленно поведали друг другу самые заветные свои тайны… Наш разговор по душам был прерван Огастесом, другом Эдварда, который, по обыкновению, гулял в одиночестве и только что вернулся.

Никогда прежде не приходилось мне становиться свидетелем столь трогательной сцены, какой явилась встреча Эдварда и Огастеса.

— Жизнь моя! Душа моя! — воскликнул первый.

— Мой обожаемый ангел! — отвечал второй.

И они бросились друг другу в объятия. На нас с Софией сцена эта произвела неизгладимое впечатление… Одна за другой рухнули мы на диван без чувств.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Та же — той же

К концу дня мы получили от Филиппы следующее письмо:

«Ваш внезапный отъезд привел сэра Эдварда в ярость. Августу он увез к себе в Бедфордшир. Как бы ни хотелось мне вновь наслаждаться вашим прелестным обществом, не могу заставить себя разлучить вас со столь близкими и достойными

друзьями… Когда же ваш визит к ним завершится, надеюсь, вы вернетесь в объятия вашей Филиппы».

На это эмоциональное послание мы ответили соответствующим образом и, поблагодарив Филиппу за любезное приглашение, заверили ее, что, если податься нам будет некуда, мы непременно им воспользуемся. Хотя любому здравомыслящему существу столь благородный ответ пришелся бы по душе, она, с присущим ей своенравием, осталась нами недовольна и спустя несколько недель, то ли желая отомстить нам за наше поведение, то ли изменить свое одинокое существование, вышла замуж за молодого и необразованного искателя приключений. Сей неразумный шаг (хотя мы и понимали, что он, весьма вероятно, лишит нас наследства, которое мы были вправе ожидать от Филиппы) не вызвал у нас, при всей нашей чувствительности, ни единого вздоха. В то же время из страха, что шаг этот станет для обманутой невесты источником нескончаемых страданий, случившееся, когда мы впервые о нем узнали, взволновало нас чрезвычайно. Страстные призывы Огастеса и Софии считать их дом нашим домом с легкостью убедили нас никогда более с ними не расставаться.

В обществе моего Эдварда и этой прелестной пары провела я самые счастливые мгновения своей жизни. Время летело незаметно во взаимных заверениях в неизменной дружбе и вечной любви, наслаждаться коими нам не мешали назойливые и незваные посетители: вернувшись домой, Огастес и София весьма своевременно позаботились о том, чтобы сообщить своим соседям, что, коль скоро счастье их целиком и полностью зависит только от них самих, они ни в чьем обществе более не нуждаются. Но увы, дорогая моя Марианна! Такое счастье, какому я тогда предавалась, было слишком безоблачным, чтобы длиться вечно, и все наши радости были разом уничтожены одним страшным и внезапным ударом. После всего того, что я вам уже рассказывала об Огастесе и Софии, паре, счастливее которой не было на свете, вам, полагаю, нет нужды объяснять, что союз их не входил в планы их жестоких и корыстных родителей, которые с упрямым упорством понапрасну пытались заставить и Огастеса, и Софию пойти под венец с теми, кто был им глубоко ненавистен. Несмотря на все эти старания, молодые люди с героической стойкостью, достойной восхищения и преклонения, наотрез отказывались подчиняться родительской деспотии.

После того как, заключив тайный брак, Огастес и София сбросили оковы родительского самоуправства, они вознамерились не поступаться добрым о себе мнением, которое завоевали в свете, и не принимать предложение родителей заключить перемирие — тем самым еще отважнее отстаивая свою благородную независимость, на которую, впрочем, никто уже более не покушался.

Когда мы приехали, женаты молодые люди были уже несколько месяцев, при этом жили они на широкую ногу. Дело в том, что за несколько дней до того, как обручиться с Софией, предприимчивому Огастесу удалось выкрасть из секретера своего недостойного отца весьма значительную сумму денег.

К нашему приезду, однако, их расходы существенно возросли, средства же были почти полностью израсходованы. Несмотря на это, сии возвышенные существа считали для себя унизительным хотя бы на минуту задуматься о своем бедственном положении, и одна лишь мысль расплатиться с долгами повергала их в краску стыда. И какова же была награда за столь бескорыстное поведение?! Несравненного Огастеса арестовали, и мы поняли, что всем нам пришел

конец. Столь вероломное предательство безжалостных и бессовестных негодяев, совершивших это грязное дело, наверняка ранит вашу нежную душу, дражайшая Марианна, ничуть не меньше, чем потрясло оно Эдварда, Софию, вашу Лауру, да и самого Огастеса. В довершение этого несравненного варварства нас известили, что в самом скором времени в доме будет учинен обыск. Ах, что нам оставалось делать?! Мы испустили глубокий вздох и упали без чувств на диван.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Лаура — Марианне
(продолжение)

Когда мы немного пришли в себя от охвативших нас горьких чувств, Эдвард призвал нас задуматься, что предпринять в сложившейся ситуации, — он же тем временем отправится навестить своего посаженного в тюрьму друга, чтобы вместе с ним оплакать его горькую судьбу.

Мы пообещали, что задумаемся, и он отправился в город. В отсутствие Эдварда мы выполнили его желание и после длительных размышлений пришли к выводу, что лучше всего нам будет покинуть дом, куда в любой момент могут ворваться судебные приставы. А потому мы с огромным нетерпением ждали возвращения Эдварда, дабы сообщить ему результаты наших раздумий. Однако Эдвард не возвращался. Напрасно считали мы минуты до его возвращения, напрасно рыдали, напрасно даже вздыхали — Эдварда не было. Для наших нежных чувств это был слишком жестокий, слишком неожиданный удар; мы ничего не могли поделать — разве что упасть в обморок. Наконец, собрав всю решимость, на какую только была способна, я поднялась и, сложив вещи, свои и Софии, довела ее до кареты, которую перед тем предусмотрительно распорядилась заложить, и мы немедленно выехали в Лондон. Поскольку дом Огастеса находился всего в двенадцати милях от города, в столицу мы въехали довольно скоро, и, оказавшись в Холборне, я опустила стекло и принялась спрашивать у каждого проходившего мимо прилично одетого человека, не видел ли он моего Эдварда.

Но оттого, вероятно, что ехали мы слишком

быстро и отвечать на мои вопросы они не успевали, я, признаться, мало что выяснила, а вернее, и вовсе ничего.

— Куда прикажете ехать? — спросил форейтор.

— В тюрьму Ньюгейт, славный юноша, — ответила я, — к Огастесу.

— О нет, нет! — воскликнула София. — Только не это, в Ньюгейт я ехать не в состоянии. Я не смогу вынести вида моего Огастеса в столь чудовищном застенке. Даже рассказ о его страданиях омрачает мне душу; если же я воочию увижу, как он мучается, то не выдержу…

Поскольку я была целиком согласна с тем, как она оценивает свои чувства, форейтору было незамедлительно приказано возвращаться в деревню. Вас, быть может, удивит, моя дорогая Марианна, что в бедственном положении, в котором я тогда оказалась, лишенная всякой помощи и без крыши над головой, я ни разу не вспомнила моих отца и матушку, а также родительский кров в долине Аска. Чтобы хоть как-то объяснить свою забывчивость, должна сообщить вам одно незначительное обстоятельство, о котором еще не упоминала. Я имею в виду смерть родителей, которая случилась через несколько недель после моего отъезда. После их кончины я

стала законной наследницей всего их состояния. Но увы! Дом, как оказалось, никогда не был их собственностью, состояние же — всего лишь их пожизненная рента. Такова несправедливость мира! К вашей матушке я бы вернулась с превеликим удовольствием, была бы счастлива познакомить ее с моей прелестной Софией и с радостью провела бы остаток дней в их обществе в долине Аска, если бы одно обстоятельство не воспрепятствовало осуществлению этих радужных планов, а именно: матушка ваша вышла замуж и уехала в Ирландию.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Лаура — Марианне
(продолжение)

— У меня есть родственник в Шотландии, — сказала мне София, когда мы выехали из Лондона, — который наверняка будет рад нас приютить.

— Приказать форейтору ехать в Шотлан-

дию? — спросила было я, но тут же одумалась и воскликнула: — Увы, столь долгое путешествие будет для лошадей слишком обременительным.

Не желая, однако, действовать сообразно лишь своим, весьма нетвердым, знаниям о выносливости лошадей, я обратилась за советом к форейтору, который, как выяснилось, придерживается на сей счет моего мнения. А потому мы сообща приняли решение в ближайшем же городе сменить лошадей и остаток пути проделать на почтовых. Прибыв на последнюю станцию, находившуюся всего в нескольких милях от дома родственника Софии, и не желая навязывать ему свое общество, мы написали ему очень изящное, продуманное письмо, где описывалось наше отчаянное положение и говорилось о нашем намерении провести у него в Шотландии несколько месяцев. Как только письмо это было отправлено, мы приготовились следовать за ним следом и с этой целью уже садились в экипаж, когда наше внимание привлекла въехавшая на двор станции карета с короной, запряженная четверкой лошадей. Из кареты вышел джентльмен весьма почтенных лет. Стоило только мне его увидеть, как сердце мое взволнованно забилось, и, бросив на него взгляд не столь мимолетный, как в пер-

вый раз, я испытала к этому человеку внезапную симпатию; догадка меня осенила: то был мой дед. Убедившись, что в своих предположениях никак не могла ошибиться, я в ту же минуту опрометью бросилась вон из экипажа, где только что разместилась, и, последовав за сим знатным незнакомцем в комнаты, куда его проводили, бросилась перед ним на колени и взмолилась, чтобы он признал во мне свою внучку. Пожилой джентльмен вздрогнул и, внимательно изучив черты моего лица, поднял меня с колен, по-отечески крепко обнял и воскликнул:

— Как же мне не признать тебя?! Тебя, вылитую копию моей Лаурины и дочери Лаурины, светлый образ и подобие моей Клавдии и матери Клавдии! Да, я торжественно заявляю: ты — дочь первой из вышеназванных и внучка второй!

В эту минуту, обеспокоенная моим внезапным бегством, в комнату за мной следом вбежала София, и стоило сему почтенному джентльмену бросить на нее — пусть и мимолетный — взгляд, как он с ничуть не меньшим изумлением вскричал:

— Еще одна внучка! Да, да, я узнаю тебя, ты — дочь старшей дочери моей Лаурины, о чем неопровержимо свидетельствует твое сходство с

красавицей Матильдой.

— Ах, — отвечала София, — стоило мне только увидеть вас, как сердце мне подсказало: нас связывают тесные родственные узы. Вот только какие именно?.. Этого я определить не смогла…

Тут он раскрыл ей свои объятия, и, пока они нежно обнимались, дверь в комнату распахнулась, и на пороге вырос молодой человек редкой красоты. Стоило только лорду Сент-Клеру (а это был он) увидеть его, как он вздрогнул, отшатнулся и, воздев руки, вскричал:

— Боже! Еще один внук! Какое счастье! На протяжении каких-нибудь трех минут я обрел сразу нескольких наследников. Это, в чем я нисколько не сомневаюсь, Филандер, сын прелестной Берты, третьей дочери моей Лаурины. Теперь, чтобы собрались все внуки моей Лаурины, не хватает лишь Густава!

— А вот и он! — воскликнул юный красавец, который в это самое мгновение вошел в комнату. — Перед вами тот самый Густав, которого вы так хотели видеть. Я — сын Агаты, четвертой и самой младшей дочери вашей Лаурины.

— Я вижу, что это и в самом деле вы, — сказал лорд Сент-Клер. — Но скажите мне, — продолжил он, с опаской глядя на дверь, — на этом постоялом

дворе есть и другие мои внуки?

— Больше ни одного, милорд.

— В таком случае я, не мешкая более, обеспечу вас, всех до одного. Вот четыре банкноты по пятьдесят фунтов каждая… Возьмите их и запомните, что свой долг отца и деда я исполнил.

И с этими словами он незамедлительно покинул комнату, а затем и дом.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Лаура — Марианне
(продолжение)

Можете себе представить, как были мы потрясены внезапным отъездом лорда Сент-Клера.

— Подлый старикан! — воскликнула София.

— Недостойный пращур! — вырвалось у меня, после чего мы тут же одновременно лишились чувств и упали друг другу в объятия. Не знаю, сколько времени пролежали мы в обмороке; когда же пришли в себя, то обнаружили, что

находимся в комнате одни: не было ни Густава, ни Филандера, ни наших банкнот. Пока мы оплакивали свою горькую судьбу, дверь отворилась, и слуга объявил о приезде некоего Макдональда. Это и был кузен Софии. Та поспешность, с какой он отправился к нам на помощь сразу после получения нашей записки, настолько говорила в его пользу, что я чуть было не назвала его, хоть и видела впервые в жизни, нежным и преданным другом. Увы! Макдональд нисколько не заслуживал этого комплимента, ибо хоть и сообщил нам, что весьма опечален нашими злоключениями, однако, по его же собственным словам, история наша не вызвала у него ни единого вздоха, ни одного проклятия в адрес отвернувшихся от нас небес. Он сообщил, что его дочь очень рассчитывает, что София вернется вместе с ним в Макдональд-холл и что мне, как подруге его кузины, также будут там очень рады. После чего мы все вместе отправились в Макдональд-холл, где были очень ласково приняты Жанеттой, дочерью Макдональда и хозяйкой дома. Жанетте было тогда всего пятнадцать. Сердца от природы доброго, наделенная восприимчивым нравом и приятной наружностью, она могла бы, будь эти качества должным образом поддержаны и

развиты, стать украшением человеческой природы; к несчастью, однако, отец ее не обладал достаточно возвышенной душой, дабы восхищаться чертами столь многообещающими, а потому пытался любыми средствами помешать их становлению. Ему удалось погасить горение ее пылкого сердца, и она вынуждена была ответить согласием на предложение молодого человека, с которым он же ее и познакомил. Обручиться им предстояло через несколько месяцев, и, когда мы приехали, Грэхем находился в доме с визитом. Вскоре мы поняли, что он собой представляет: то, что выбор Макдональда пал на него, чувствовалось буквально во всем. Нам говорили, что он разумен, развит не по годам и приятен в обращении. Судить о подобных пустяках мы не считали себя вправе, но коль скоро у нас не оставалось никаких сомнений, что он бездушен, никогда не читал «Вертера» и волосы его при всем желании не назовешь золотистыми, мы ничуть не удивились, что Жанетта не испытывает к нему никакого чувства. Уже одно то, что избран он не ею, а ее отцом, было настолько не в его пользу, что, даже заслуживай он ее во всех прочих отношениях, являлось в глазах Жанетты достаточно веской причиной, чтобы его отвергнуть. Этими

соображениями мы и вознамерились с ней поделиться, представив ситуацию в ее истинном свете и нисколько не сомневаясь, что добьемся успеха у этой весьма здравомыслящей особы, чьи просчеты были вызваны как отсутствием доверия к своему собственному мнению, так и пренебрежением к мнению своего отца. Как и рассчитывали, мы нашли в ней полное понимание и безо всякого труда сумели уговорить, что Грэхема она не полюбит никогда и что не подчиняться отцу — ее долг. Пожалуй, лишь наши заверения в том, что она должна связать свою жизнь с кем-то другим, вызывали у нее некоторые сомнения. Некоторое время она твердила, что не знает ни одного молодого человека, к которому бы испытывала привязанность, однако когда мы сказали ей, что этого просто не может быть, призналась, что капитан Маккенри и в самом деле нравится ей больше других молодых людей, ей известных. Признание это вполне нас удовлетворило, и, перечислив положительные качества Маккенри и убедив ее, что она от него и впрямь без ума, мы пожелали узнать, признавался ли сей достойный джентльмен Жанетте в любви.

— Коль скоро он еще ни разу не говорил мне о своих чувствах, — сказала Жанетта, — у меня нет

никаких оснований полагать, что он меня хоть сколько-нибудь любит.

— В том, что он вас обожает, — возразила ей София, — не может быть никаких сомнений… Привязанность всегда обоюдна. Скажите, неужели он ни разу не бросил на вас восхищенного взгляда, ни разу не сжимал вашу руку, не обронил случайную слезу… не вышел из комнаты без всякой видимой причины?

— Мне, во всяком случае, такое не запомнилось, — ответила Жанетта. — Верно, он всегда выходил из комнаты, когда его визит подходил к концу, но ни разу не было, чтобы он покидал комнату внезапно, даже не поклонившись.

— Уверяю вас, душа моя, — вступила в разговор я, — вы глубоко заблуждаетесь: не может быть, чтобы он ни разу не оставлял вас в смущении, отчаянии, не покидал комнату в поспешности. Вдумайтесь, Жанетта: было бы странно, если в создавшейся ситуации он поклонился вам на прощание или вел себя как любой другой гость.

Убедив Жанетту в нашей правоте, мы посчитали своим долгом подумать о том, каким образом сообщить Маккенри о тех чувствах, какие испытывала к нему Жанетта…

В конце концов мы договорились, что расска-

жем Маккенри об этих чувствах, написав ему анонимное письмо:

«О счастливый возлюбленный прекрасной Жанетты! О благородный обладатель ее сердца, сердца той, что отдана другому! Скажи, почему ты до сих пор не признался в своих чувствах предмету своей любви?! Вдумайся: еще несколько недель, и всякой радужной надежде, какая у тебя наверняка еще теплится, настанет конец, ибо несчастная жертва отцовской жестокости будет обручена с постылым и отвратным Грэхемом! Так почему же ты, жестокосердный, потворствуешь ее и твоему будущему несчастью?! Поделись же поскорей тем планом, который у тебя наверняка созрел! Ваш тайный союз спасет вас обоих и явится залогом вашего будущего счастья!»

Благородный Маккенри, чья скромность, в чем он впоследствии признался, была единственной причиной того, что он столь долго скрывал свою необузданную страсть к Жанетте, понесся, получив сие пылкое послание, на крыльях любви в Макдональд-холл и с таким жаром выразил свои чувства к той, кто внушил их ему, что после нескольких встреч наедине молодые люди, к нашей с Софией вящей радости, отбыли в Гретна-

Грин, где и вознамерились отпраздновать свой союз, предпочтя это место всем остальным, хотя от Макдональд-холла оно и находилось на весьма почтительном расстоянии.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

Лаура — Марианне
(продолжение)

Лишь спустя почти два часа после их отъезда Макдональд и Грэхем заподозрили недоброе. Впрочем, даже и тогда отсутствие влюбленных не вызвало бы подозрений, если бы не следующее незначительное происшествие. Отперев однажды по чистой случайности одним из своих собственных ключей потайной ящик в библиотеке Макдональда, София обнаружила, что в ящике этом он хранит важные бумаги, а также некоторое количество крупных банкнот. Этим открытием она поделилась со мной, и, договорившись, что лишить этой суммы, возможно

к тому же добытой нечестным путем, такого гнусного негодяя, как Макдональд, будет только справедливо, мы решили, что всякий раз, когда кому-нибудь из нас случится оказаться в этой комнате, мы будем изымать из ящика одну или несколько банкнот. Этот хорошо продуманный план мы часто и с успехом осуществляли, но, увы, именно в день бегства Жанетты, в ту самую минуту, когда София торжественно извлекла из ящика пятую по счету банкноту, собираясь переложить ее в свой кошелек, в комнату, причем без всякого предупреждения, ворвался не кто-нибудь, а сам Макдональд. София (которая, при всем своем обезоруживающем мягкосердечии, умела, когда ситуация того требовала, держаться с тем достоинством, на какое способен только прекрасный пол) окинула распоясавшегося проходимца суровым взглядом и срывающимся от возмущения голосом поинтересовалась, по какому праву тот врывается в комнату без стука, нарушая тем самым ее уединение. Бессовестный Макдональд, не пытаясь даже отвести от себя обвинение, попытался в свою очередь пристыдить Софию за то, что та якобы хочет завладеть его деньгами. Этого София стерпеть не могла.

— Негодяй! — вскричала она, поспешно пряча

банкноту обратно в ящик. — Как смеешь ты обвинять меня в поступке, одна мысль о котором вгоняет меня в краску?!

Однако низкий негодяй как ни в чем не бывало продолжал поносить оскорбленную Софию, да еще в столь непристойных выражениях, что в конце концов сия нежная натура не выдержала и, желая отыграться, в сердцах поведала ему о бегстве Жанетты, а также о том, какую активную роль мы в этом сыграли. В самый разгар их ссоры случилось войти в библиотеку и мне, и вы легко можете себе представить, что и я, ничуть не меньше Софии, была оскорблена огульными обвинениями в свой адрес злонамеренного и презренного Макдональда.

— Низкий негодяй! — вскричала я. — Кто позволил тебе бессовестно очернять безукоризненную репутацию этого ангела во плоти?! Отчего в таком случае не подозреваешь ты и меня?

— Будьте покойны, сударыня, — ответил он, — точно так же я подозреваю и вас и потому требую, чтобы вы обе немедленно покинули этот дом. Даю вам на сборы полчаса.

— Мы сделаем это с охотой, — ответила София, — в душе ведь мы уже давно возненавидели тебя и, если бы не дружеские чувства к твоей

дочери, не оставались бы так долго под твоей крышей!

— И вы еще называете это дружескими чувствами?! — вопросил он. — Хороша дружба — отдать мою единственную дочь на поругание беспринципному авантюристу!

— Да! — воскликнула я. — Во всех наших несчастьях меня утешает лишь мысль, что этим дружеским поступком в отношении Жанетты мы сполна рассчитались за гостеприимство, оказанное нам ее отцом!

— За что я вам обеим от души благодарен! — съязвил он.

Сложив наш гардероб и ценные вещи, мы немедля покинули Макдональд-холл и, пройдя пешком мили полторы, никак не меньше, присели отдохнуть на берегу прозрачного, чистого, как горный ключ, ручья. Живописное место это располагало к раздумьям. С востока нас обступали огромные вязы, с запада — высокая крапива. Перед нашим взором бежал, что-то задумчиво бормоча, ручей, а за нашей спиной вилась дорога. Красивые места, нас окружавшие, настраивали на мечтательный лад. Молчание, которое хранили мы обе, первой нарушила я:

— Как же здесь прелестно! Жаль, что Эдварда и

Огастеса нет сейчас рядом с нами!

— Ах, дорогая моя Лаура! — вскричала София. — Пожалей меня — не вспоминай о том несчастье, какое стряслось с моим брошенным в тюрьму мужем. Я готова на все — лишь бы только узнать о судьбе Огастеса! Где он? Еще в Ньюгейте или уже на виселице? Увы, я слишком ранима: справляться о его судьбе — выше моих сил! Ах! Умоляю тебя, не произноси впредь при мне этого имени… Я не могу его слышать без содроганий!

— Прости меня, София, за то, что невольно досадила тебе, — ответила я и, желая сменить тему разговора, предложила ей насладиться благородным величием вязов, под сенью коих скрывались мы от восточного ветра.

— Заклинаю тебя, Лаура, — отозвалась София, — постарайся избегать столь печальной темы. Пожалуйста, впредь не упоминай этих вязов, не ущемляй мои чувства. Они напоминают мне об Огастесе. Он был им сродни: такой же высокий, такой же статный, такой же величавый… Он обладал тем самым благородным величием, что отличает и их.

Боясь, как бы вновь невольно не расстроить Софию, заговорив на тему, которая могла бы в очередной раз напомнить ей об Огастесе, я за-

молчала.

— Почему же ты ничего не говоришь, моя Лаура? — проговорила она после короткой паузы. — Я не в состоянии переносить эту тишину, ты не должна оставлять меня наедине с моими печальными раздумьями — они ведь постоянно вызывают в памяти Огастеса.

— Какое великолепное небо! — воскликнула я. — Как хороши белые облака на лазурном небосводе!

— Ах, Лаура, — ответила София, поспешно опуская глаза, воздетые было к небу, — не расстраивай меня. Не привлекай мое внимание к тому, что столь неумолимо напоминает мне атласный жилет моего Огастеса, синий в белую полоску. Пожалей же свою несчастную подругу и не заговаривай на темы, бесконечно безотрадные.

Что мне было делать? София была столь ранима, нежные чувства, которые она испытывала к Огастесу, столь обострены, что у меня не было сил заводить разговор на любую другую тему, ибо я очень боялась, что тема эта может каким-то непредсказуемым образом вновь задеть ее чувства, вызвать в памяти печальный образ ее супруга. Вместе с тем продолжать хранить молчание было бы жестоко — она ведь умоляла меня

не молчать.

Но тут случилось нечто такое, что отвлекло меня от этой печальной дилеммы, а именно: фаэтон, проезжавший мимо по вившейся невдалеке от нас живописной дороге, на мое счастье, внезапно перевернулся. Произошел этот случай и в самом деле как нельзя более кстати, ибо отвлек Софию от грустных мыслей, неотступно ее преследовавших. Немедля покинув наше укрытие, мы бросились на помощь тем, кто еще несколько мгновений назад восседал в модном фаэтоне и обозревал окрестности, теперь же, низко пав, лежал, распростертый, в пыли.

— Вот прекрасный повод задуматься о скоротечных радостях этого мира! — успела проговорить я, покуда мы с Софией со всех ног бежали к месту происшествия. — Согласись, фаэтон этот ничуть не меньше, чем «Жизнь кардинала Вулзи», способен увлечь пытливый ум!

София не успела ответить мне, ибо все наши мысли заняты были открывшимся нам ужасным зрелищем… Первое, что бросилось в глаза, были два джентльмена, изысканно одетые и при этом обливающиеся кровью…

Мы приблизились… То были Эдвард и Огастес… Да, дражайшая Марианна, это были наши мужья.

София издала пронзительный крик и рухнула наземь как подкошенная. Я истошно закричала и впала в безумие. Некоторое время мы обе были без чувств, когда же наконец пришли в себя, спустя несколько мгновений лишились сознания вновь. Час с четвертью мы не могли выйти из этого прискорбного состояния: София всякую минуту падала в обморок, а я столь же часто впадала в безумие. Наконец жалобный стон незадачливого Эдварда (только в нем еще теплилась жизнь) окончательно привел нас в чувство. Пойми мы сразу, что хотя бы один из них жив, мы бы, вероятно, так не отчаивались и что-то предприняли, но коль скоро сочли, когда их увидели, что их уже нет в живых, то решили, что помочь им уже невозможно, и полностью предались горю. Вот почему, стоило только нам услышать стенания моего Эдварда, мы тут же перестали сокрушаться, со всех ног бросились к бедному юноше и, упав перед ним на колени, взмолились, чтобы он не умирал.

— Лаура, — прошептал он, вперив в меня мутный взор, — боюсь, я перевернулся…

Я была вне себя от радости: ведь он еще в сознании.

— Ах, скажи мне, Эдвард! — вскричала я. —

Умоляю, скажи, пока ты еще жив, что произошло с тобой с того ужасного дня, когда Огастеса арестовали и судьба нас разлучила.

— Да… — ответил он и, издав глубокий вздох, скончался.

София тут же вновь упала в обморок. Мое горе выразилось иначе. Я потеряла дар речи, глаза мои закатились, лицо стало бледным, как у покойника, и я почувствовала, что разум меня покидает…

— Только не говорите со мной о фаэтонах! — закричала я не своим голосом. — Дайте мне скрипку… Я сыграю ему, я утешу его в этот горький час… Эй вы, нежные нимфы, берегитесь громовых раскатов Купидона, бегите разящих стрел Юпитера… Взгляните на эту еловую рощу… Я вижу баранью ногу… Мне сказали, что мой Эдвард не умер, но меня обманули… они приняли его за огурец…

Еще долго продолжала я издавать сии истошные и бессвязные крики над телом моего Эдварда…

Прошло уже два часа, как я оплакивала Эдварда, и наверняка бы на этом не остановилась, ибо ничуть не устала, если бы София, которая только что в очередной раз пришла в сознание, не призвала меня задуматься о том, что приближается

ночь и с каждой минутой становится все более сыро и промозгло.

— И куда же мы пойдем, — спросила я, — чтобы скрыться от мрака и сырости?

— В этот белый коттедж, — ответила София, указывая на небольшой уютный дом, что скрывался за вязами и только сейчас открылся моему взору.

Я согласилась, и мы тотчас же направились туда. Мы постучали, дверь нам открыла старая женщина; на нашу просьбу пустить нас переночевать она сообщила, что дом ее очень невелик, что в нем всего-то две комнаты, однако одну из них она готова нам предоставить. Мы очень обрадовались и последовали за доброй женщиной в дом, где, к вящему нашему удовольствию, увидели ярко пылающий в камине огонь. У хозяйки дома, вдовы, была дочь семнадцати лет. Всего семнадцати! Прекрасный возраст! Но увы! Девушка оказалась очень нехороша собой. Звали ее Бриджет… Ждать от нее было нечего. Трудно было предположить, что ее отличают возвышенные чувства, благородные помыслы. Это была всего-навсего добропорядочная, скромная, услужливая молодая женщина. Испытывать неприязнь к такой, как она, было не за что: она вызывала

скорее презрение, чем отвращение.

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Лаура — Марианне
(продолжение)

Вооружитесь же, мой благородный юный друг, всей философией, какой только владеете; соберите все мужество, какое имеется у вас в наличии, ибо на этих страницах ваши чувства подвергнутся самому тяжелому испытанию. Ах! То, что мне пришлось перенести, — ничто в сравнении с тем, о чем я собираюсь вам поведать. Кончина отца, матушки и мужа, хоть и явилась для меня тяжким ударом, была сущим пустяком в сравнении с тем несчастьем, которому предстояло выпасть на мою долю. На следующее утро София пожаловалась на сильнейшую боль в нежных ее членах, которая сопровождалась мучительной головной болью. Свое состояние она объяснила простудой, которую подхватила из-за того, что

накануне вечером то и дело падала в обморок на влажную от росы траву. По всей вероятности, именно так дело и обстояло; что же до меня, то ее участи мне удалось избежать лишь потому, что, впав в безумие, я так громко рыдала и кричала, оплакивая своего покойного мужа, что тем самым разогнала кровь в жилах и спаслась от промозглой ночной сырости, тогда как Софии, которая подолгу и без движения лежала на холодной земле, уберечься не удалось. Ее недомогание чрезвычайно меня взволновало, ибо, каким бы пустячным оно ни казалось, внутреннее чувство подсказывало мне: в конечном счете болезнь эта станет для нее роковой.

Увы! Опасения мои полностью подтвердились: с каждым днем Софии становилось все хуже, пока наконец она была уже не в силах подняться с постели, гостеприимно предоставленной нам доброй нашей хозяйкой. Вскоре недомогание ее обернулось скоротечной чахоткой, и через несколько дней Софии не стало. Горько оплакивая свою подругу (можете мне поверить, горе мое было неизбывно), я утешала себя лишь тем, что не бросила ее на произвол судьбы. Я рыдала над ней каждый день — омыла ее нежный лик слезами, сжимала своими руками нежные ее руки…

«Моя любимая Лаура, — сказала она мне за несколько часов до смерти, — пусть мой несчастный конец научит тебя быть благоразумной и избегать обмороков… Хотя в определенные моменты они приятны и действуют успокаивающе, поверь мне: в конце концов, если обмороки эти будут повторяться слишком часто и в холодное время года, они могут подорвать твое здоровье… Моя судьба послужит тебе примером… Я пала жертвой того горя, какое испытала, потеряв Огастеса… Один роковой обморок стоил мне жизни… Берегись обмороков, дорогая Лаура… Безумие гораздо менее опасно. Впав в безумие, человек размахивает руками, и, если приступ, его охвативший, не слишком силен, он даже может пойти на пользу… Впадай в безумие как можно чаще… Главное, не лишайся чувств…»

Это были ее последние слова, обращенные ко мне, — совет бедной Лауре, которая всегда ему неукоснительно следовала.

Похоронив свою подругу, безвременно ушедшую из жизни, я немедля (хоть и была глубокая ночь) покинула ненавистную мне деревню, в которой она умерла и неподалеку от которой расстались с жизнью мой муж и Огастес. Я успела отойти от деревни всего на несколько ярдов,

когда меня нагнала почтовая карета, куда я тут же и села, вознамерившись ехать в Эдинбург, где надеялась найти какого-нибудь сердобольного друга, который пожалеет меня и утешит.

Когда я садилась в карету, было так темно, что я не сумела разобрать, сколько человек со мной едет; понятно было лишь, что пассажиров много. Впрочем, о том, кто именно меня сопровождает, я тогда не думала, ибо целиком отдалась своим грустным мыслям. Карета погрузилась в тишину, прерываемую лишь громким храпом одного из пассажиров.

«Что за негодяй и невежда! — подумала я. — Подобное поведение можно объяснить лишь полным отсутствием воспитания! Этот грубиян способен на кое-что и похуже! Такому, как он, ничего не стоит совершить самое кровавое преступление!» Так думала я, и точно так же наверняка рассуждали и остальные пассажиры.

Наконец забрезжил рассвет, и я разглядела, кто был тот негодяй, что всю ночь не давал мне спать. Им оказался сэр Эдвард, отец моего покойного мужа. Рядом с ним сидела Августа, а на одном со мной сиденье — ваша матушка и леди Доротея. Представьте же себе мое удивление, когда я обнаружила, что нахожусь среди своих

старых знакомых! Но изумление мое возросло еще больше, когда, выглянув в окно, я обнаружила на втором этаже дилижанса мужа Филиппы, а также с ним рядом — Филандера и Густава.

— О боже! — вскричала я. — Неужто я и впрямь окружена моими ближайшими родственниками и добрыми знакомыми?!

Стоило мне произнести вслух эти слова, как все взгляды устремились в тот угол, где я сидела.

— Ах, моя Изабелла! — продолжила я, бросаясь в объятия леди Доротеи. — Прижмите же вновь к груди несчастную вашу Лауру. Увы! Когда мы с вами расстались в долине Аска, я была счастлива, ибо стала женой лучшего из Эдвардсов. Тогда у меня еще был отец, была мать, я не знала бед и треволнений… Теперь же, кроме вас, у меня никого не осталось…

— Что?! — перебила меня Августа. — Выходит, мой брат мертв? Говорите, заклинаю вас, что с ним сталось!

— Да, холодная и бесчувственная нимфа, — ответила я, — вашего несчастного обожаемого брата больше нет! Можете радоваться: отныне вы — единственная наследница сэра Эдварда!

Хотя ненавидела ее с того самого дня, когда мне удалось подслушать ее разговор с моим Эдвардом,

я тем не менее, вняв мольбам ее и сэра Эдварда, поведала им сию печальную историю. Они были потрясены до глубины души: даже жестокое сердце сэра Эдварда и черствое сердце Августы были тронуты сей печальной повестью. По просьбе вашей матушки я поведала им обо всех несчастьях, выпавших на мою долю с той самой минуты, как мы расстались. Об аресте Огастеса и исчезновении Эдварда, о нашем приезде в Шотландию, о нечаянной встрече с нашим дедом и нашими кузенами, о пребывании в Макдональд-холле, о той величайшей услуге, какую мы оказали Жанетте, а также о том, как нас за это отблагодарил ее отец… О его бесчеловечном поведении, о его ни на чем не основанных подозрениях и о том, как жестоко он с нами обошелся, заставив покинуть его дом… О том, как горько оплакивали мы потерю Эдварда и Огастеса, и, наконец, о печальной кончине моей незабвенной подруги.

Во время моего повествования на лице вашей матушки изобразились жалость и удивление — удивления, увы, было больше. Проявилась ее бесчувственность и в том, что поведение мое, которое на протяжении всех моих приключений и выпавших на мою долю невзгод было идеальным, она сочла во многих ситуациях небезупречным.

Но коль скоро сама я была убеждена, что всегда вела себя так, как подсказывала мне моя честь и мое воспитание, я мало обращала внимания на ее слова и попросила, вместо того чтобы подвергать сомнению мою безупречную репутацию своими неоправданными упреками, удовлетворить мое любопытство и сообщить, как она здесь оказалась. Как только она, идя навстречу моим пожеланиям, во всех подробностях изложила мне все, что случилось с ней после нашего расставания (если история эта вам еще не известна, ваша матушка вам ее расскажет), я обратилась с такой же просьбой к Августе, сэру Эдварду и леди Доротее.

Августа сообщила мне, что, с детства питая любовь к красотам природы и рассматривая виды Шотландии на иллюстрациях Гилпина, испытала столь сильное желание насладиться этими несравненными видами воочию, что уговорила своего отца отправиться в путешествие на север, а леди Доротею — их сопровождать. Сообщила она также и о том, что в Эдинбург они прибыли несколько дней назад и оттуда ежедневно совершали в дилижансе экскурсии в сельскую местность; с очередной такой экскурсии они сейчас и возвращались.

Мой следующий вопрос касался Филиппы и ее мужа. Как мне удалось выяснить, он вынужден был, растратив все свое состояние, воспользоваться талантом кучера, коим всегда отличался, и, продав все, что ему принадлежало, кроме экипажа, превратил его в дилижанс и, дабы не попасться на глаза бывшим своим знакомым, отправился в нем в Эдинбург, откуда стал через день возить пассажиров в Стерлинг. Узнала я и о том, что Филиппа, по-прежнему хранившая верность своему неблагодарному мужу, последовала за ним в Шотландию и обыкновенно сопровождала его в коротких поездках в Стерлинг.

— Мой отец, — продолжала Августа, — всегда, с первого дня нашего приезда в Шотландию, ездил наслаждаться горными пейзажами только в их дилижансе, чтобы дать им немного подзаработать, тогда как нам было бы гораздо приятнее разъезжать по горному краю в почтовой карете, чем через день таскаться из Эдинбурга в Стерлинг и из Стерлинга в Эдинбург в переполненном и неудобном дилижансе.

Я всецело разделяла ее чувства и про себя ругала сэра Эдварда за то, что тот пожертвовал удовольствиями своей дочери ради нелепой старухи, чей брак с таким молодым человеком

не мог оставаться безнаказанным. А впрочем, его поведение в полной мере соответствовало его характеру. И то сказать: чего можно было ожидать от черствого негодяя, который едва ли знал, что значит «сочувствие», и к тому же… громогласно храпел?

Прощайте.

Лаура

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Лаура — Марианне
(продолжение)

Когда мы прибыли в город, где должны были завтракать, я решила переговорить с Филандером и Густавом и с этой целью поднялась на второй этаж дилижанса и вежливо поинтересовалась их здоровьем, а также поделилась с ними своими опасениями относительно того положения, в каком они оказались. Поначалу появление мое их несколько смутило — они, вероятно, испугались, что я могу призвать их к ответу за те деньги, которые мне отказал наш дедушка и которых

они меня лишили. Обнаружив, однако, что я ни словом не обмолвилась об этом деле, они пригласили меня сесть рядом, чтобы нам было удобнее разговаривать. Я приняла их приглашение и, покуда все остальные распивали зеленый чай и уписывали бутерброды с маслом, мы пировали более изысканным образом, предаваясь разговору по душам. Я, со своей стороны, сообщила им все, что случилось со мной; они же, по моей просьбе, во всех подробностях рассказали, как сложилась их жизнь.

— Как вам уже известно, мы — сыновья двух младших дочерей лорда Сент-Клера от итальянской оперной певицы Лаурины. Наши матери не могли в точности установить, кто был наш отец, хотя принято считать, что Филандер — сын некоего Филиппа Джонса, каменщика, мой же отец был неким Грегори Стейвсом, мастером по изготовлению корсетов из Эдинбурга. Все это, впрочем, совершенно несущественно, ведь наши матери, естественно, не были за ними замужем, а потому нашу кровь, одну из самых древних и благородных в королевстве, бесчестье не коснулось. Берта (мать Филандера) и Агата (моя собственная мать) всегда жили вместе. Ни та ни другая не были очень богаты: их общее состоя-

ние составляло всего девять тысяч фунтов, — но, коль скоро им приходилось на эти деньги жить, сумма эта, когда нам исполнилось пятнадцать, сократилась до девятисот фунтов. Эти девятьсот фунтов они хранили в ящике стола в нашей общей гостиной, чтобы деньги всегда были под рукой. То ли оттого, что их легко было присвоить, то ли от желания быть независимыми, то ли из-за избытка чувств (коим мы оба всегда отличались), в один прекрасный день мы взяли эти девятьсот фунтов и сбежали. Овладев означенной суммой, мы преисполнились решимости обращаться с ней экономно и не тратить ее нерасчетливо и бездумно. С этой целью мы разделили всю сумму на девять частей. Первая часть должна была пойти на съестное, вторая — на спиртное, третья — на ведение хозяйства, четвертая — на экипаж, пятая — на лошадей, шестая — на слуг, седьмая — на развлечения, восьмая — на туалеты и девятая — на серебряные пряжки. Расписав таким образом наши расходы на два месяца (ибо мы рассчитывали растянуть девятьсот фунтов на этот срок), мы поспешили в Лондон и, к нашей радости, потратили их за семь недель и один день, то есть не дотянули до двух месяцев всего шести дней. Как только мы таким образом счаст-

ливо избавились от столь большой суммы, мы стали было подумывать о том, чтобы вернуться к нашим матерям, однако, узнав стороной, что обе они умирают с голоду, мы передумали и вместо этого решили наняться в труппу бродячих актеров, ибо всегда любили театр. Мы предложили свои услуги одной такой труппе и были приняты. Труппа наша была невелика: состояла из директора, его жены и нас с братом, — платить жалованье, таким образом, приходилось только нам. Единственный же недостаток состоял, пожалуй, лишь в том, что из-за недостатка в актерах мы не имели возможности ставить многие пьесы. Впрочем, это нас нисколько не смущало. Нашим самым успешным спектаклем был «Макбет» — в этой пьесе мы и в самом деле творили чудеса. Директор всегда исполнял роль Банко, его жена — леди Макбет, я играл трех ведьм, а Филандер — все остальные роли. Сказать по правде, трагедия эта была не только самой лучшей, но и единственной в нашем репертуаре, и, сыграв ее во всех без исключения городах Англии и Уэльса, мы приехали с ней в Шотландию, в единственное место в Великобритании, где еще не были. Случилось так, что мы остановились в том самом городе, куда приехали вы и где вы встретились с

вашим дедушкой… Мы находились на постоялом дворе, когда туда въехала его карета, и, увидев герб и сообразив, кому она принадлежит, а также зная, что лорд Сент-Клер и наш дед тоже, мы решили попробовать что-то из него вытянуть, объявив ему о нашей с ним родственной связи… Как мы в этом преуспели, вам известно… Заполучив двести фунтов, мы немедля покинули город, предоставив директору труппы и его жене самим играть «Макбета», и направились в Стерлинг, где потратили наше небольшое состояние с eclat[2]. И вот сейчас мы возвращаемся в Эдинбург в надежде устроиться в какой-нибудь театр… Такова, дорогая кузина, история нашей жизни.

Я поблагодарила славного юношу за его увлекательный рассказ и, пожелав братьям счастья и благополучия, вернулась к остальным своим друзьям, которые ожидали меня с огромным нетерпением.

Мои приключения подходят к концу, моя дорогая Марианна, — во всяком случае, на сегодняшний день.

По приезде в Эдинбург сэр Эдвард известил меня о том, что мне как вдове его сына причита-

---

[2] Notes: 2
С большим шумом *(фр.)*.

ется четыреста фунтов в год, каковые он просит меня принять. Я ответила согласием, про себя же отметила, что негодный барон предлагает эти деньги не изысканной и обворожительной Лауре, а вдове Эдварда.

Я поселилась в романтической горной деревушке, где с тех пор и живу. Здесь меня больше не беспокоят непрошеные гости, я пребываю в печальном одиночестве и без конца оплакиваю кончину моих незабвенных батюшки, матушки, мужа и подруги.

Несколько лет назад Августа вышла замуж за Грэхема, человека, который подходит ей больше любого другого; познакомилась она с ним во время своего пребывания в Шотландии.

В это же время, в надежде заполучить наследника своего рода и состояния, сэр Эдвард предложил руку и сердце леди Доротее… Его мечты сбылись.

Филандер и Густав, с успехом отыграв в эдинбургских театрах, отправились искать счастья в «Ковент-Гардене», где и по сей день выходят на сцену под вымышленными именами Любис и Проворный.

Филиппа давно уже отправилась в мир иной, супруг же ее, как и прежде, водит почтовые кареты из Эдинбурга в Стерлинг…

Прощайте, моя дорогая Марианна.
Ваша Лаура
30 июня 1790 года

Леди Сьюзен

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Леди Сьюзен Вернон — мистеру Вернону
Лэнгфорд, декабрь

Мой дорогой брат, не могу более противиться искушению принять ваше любезное приглашение провести несколько недель в Черчилле, а потому, если вам и миссис Вернон угодно будет принять меня, надеюсь в ближайшие несколько дней быть представленной своей сестре, с коей мне так давно не терпится познакомиться. Мои добрые друзья, у которых я остановилась, искренне уговаривают меня погостить у них еще, однако из-за своего гостеприимного и веселого нрава они ведут слишком светский образ жизни, не соответствующий моему нынешнему положению и умонастроению, и я с нетерпением жду того часа, когда смогу разделить с вами ваше восхитительное уединение. Давно мечтаю позна-

комиться и с вашими прелестными детишками, с которыми, надеюсь, мы подружимся. Боюсь, вскоре мне понадобится вся моя выдержка, ведь мне предстоит разлука с дочерью. Долгая болезнь ее незабвенного отца лишила меня возможности уделять ей то внимание, какого требовали от меня в равной степени материнская любовь и долг, — гувернантка же, чьим заботам я ее вверила, со своими обязанностями, судя по всему, не справилась. Вот почему я решила определить дочь в одну из лучших лондонских частных школ, куда отвезу ее сама по пути к вам. Как видите, в Черчилле я вознамерилась побывать невзирая ни на что. Мне и в самом деле будет очень горько, если окажется, что вы не сможете принять меня.

Преданная и любящая сестра ваша Сьюзен Вернон

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон Лэнгфорд

Вы ошиблись, моя дорогая Алисия, полагая, что я проведу здесь всю зиму. Грустно говорить,

сколь сильно вы ошиблись, ведь мне и в самом деле редко случалось проводить три месяца кряду с большим удовольствием. Но теперь, увы, удовольствие это осталось позади. Вся женская половина семьи объединилась против меня. Со свойственной вам прозорливостью вы предугадали, как будут развиваться события, да и Мэнверинг был до такой степени обходителен, что смутные предчувствия возникли и у меня. Хорошо помню, как, подъезжая к дому, я сказала себе: «Мне нравится этот человек. Молю Бога, чтобы ничем дурным это не кончилось!» Я дала себе слово держаться скромно, ни на минуту не забывать, что овдовела всего четыре месяца назад, и вести себя тихо, как мышь. И свое слово я сдержала: если кому-то и было позволено за мной ухаживать, то разве что Мэнверингу; на этот раз я решительно ни с кем не кокетничала, никому из гостей не отдавала предпочтения за исключением, пожалуй, лишь сэра Джеймса Мартина, которому уделяла порой внимание, да и то с единственной целью — отвлечь его от мисс Мэнверинг. Если б только свет знал, *чем* я при этом руководствовалась, я бы вызвала всеобщее уважение. Меня называют плохой матерью, но мною двигала материнская любовь, я действо-

вала исключительно в интересах своей дочери, и, не будь она столь простодушна, усилия мои были бы должным образом вознаграждены. Ведь сэр Джеймс просил у меня руки Фредерики, но Фредерика, это исчадие ада, столь яростно воспротивилась брачному союзу с сэром Джеймсом, что я сочла за лучшее покамест отступить. У меня не раз был повод пожалеть о том, что я не вышла за него замуж сама; не будь он столь непристойно глуп, я бы, безусловно, это сделала, но, должна признаться, существо я довольно романтическое, и деньгами меня не купишь. В результате все кончилось плачевно. Сэр Джеймс уехал, Мария оскорблена до глубины души, миссис же Мэнверинг непереносимо ревнива: так ко мне ревнует, я вызываю у нее такое бешенство, что не удивлюсь, если она в сердцах станет апеллировать к своему опекуну, посмеет к нему обратиться… Но тут ваш супруг, который совершил свой самый доблестный поступок, выдав ее замуж и тем самым навсегда от нее избавившись, будет на моей стороне. Прошу вас, постарайтесь, чтобы его отношение к ней не изменилось. Сейчас всем нам невесело, дом изменился до неузнаваемости. Вся семья пребывает в состоянии войны, и Мэнверинг едва осмеливается со мной говорить. Пора

мне освободить их от своего общества. Покинув Лэнгфорд, что я намереваюсь сделать на этой же неделе, я проведу, надо надеяться, целый день с вами в Лондоне, и, если я по-прежнему действую мистеру Джонсону на нервы, приезжайте ко мне сами на Вигмор-стрит, 10. Надеюсь, впрочем, делать этого вам не придется, ведь мистеру Джонсону, при всех его недостатках, как никому другому, присуще одно великое достоинство — респектабельность; со мной же, столь близкой подругой его жены, обращаться пренебрежительно ему едва ли пристало.

В Лондон я заеду по дороге в эту глушь, ведь я говорила вам, что собираюсь в Черчилл? Простите, моя дорогая, но это для меня последнее прибежище. Будь в Англии хотя бы один дом, готовый распахнуть передо мной свои двери, я бы, вне всяких сомнений, предпочла его. Чарлза Вернона я на дух не переношу, жены его боюсь. И тем не менее именно в Черчилле придется мне оставаться до тех пор, покуда судьба не будет ко мне более благосклонна. Моя дочь отправится со мной в Лондон, где будет учиться в пансионе мисс Саммерс на Вигмор-стрит, — пусть набирается разума. Там она заведет полезные знакомства: у мисс Саммерс учатся девушки из лучших семей.

Плата за обучение баснословная, таких денег у меня никогда не было и не будет.

Прощайте. Как только приеду в Лондон, пошлю вам записку.

Всегда ваша Сьюзен Вернон

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Миссис Вернон — леди де Курси Черчилл

Дорогая матушка, с сожалением уведомляю вас, что мы не сможем, как обещали, провести с вами Рождество. Обстоятельство, лишившее нас этого удовольствия, взамен не доставит нам радости. В только что пришедшем письме леди Сьюзен объявила своему деверю о намерении посетить нас в самое ближайшее время, а поскольку она, по всей вероятности, заботится лишь о собственном благополучии, представить себе, сколь долго продлится ее визит, невозможно. Признаться, событие это застало меня врасплох, и как поведет себя ее светлость, я сейчас поручиться не могу. На мой взгляд, ей куда больше подходит Лэнгфорд.

Зная, насколько импонирует ей изысканный и расточительный образ жизни, а также ее особую привязанность к миссис Мэнверинг, я никак не могла ожидать, что нам, да еще так скоро, будет отдано предпочтение, хотя давно заметила, каким чувством преисполнилась она к нам после смерти мужа, и понимала, что рано или поздно мы будем вынуждены ее принять. Боюсь, что мистер Вернон, находясь в Стаффордшире, был к ней излишне благосклонен. Не стану здесь в подробностях описывать ее характер, но, каким бы он ни был, не могу не сказать, что со времени нашей помолвки она вела себя со своим деверем столь коварно и лживо, что только такой добродушный и мягкий человек, как он, мог этого не заметить. И хотя в том, чтобы оказать денежную помощь вдове брата, к тому же находящейся в стесненных обстоятельствах, нет ровным счетом ничего противоестественного, меня не покидает мысль, что в настоятельном приглашении посетить Черчилл, которое сделал ей муж, не было никакой необходимости. Однако его склонность думать о людях лучше, чем они есть на самом деле, свойственное ему великодушие, а также постигшее леди Сьюзен несчастье, ее сетования на судьбу, ее раскаяние — все это смягчило его

сердце и вынудило поверить в ее искренность. Что же до меня, то я по-прежнему пребываю в сомнении и сумею составить свое впечатление о леди Сьюзен, лишь когда пойму истинную причину ее визита. Думаю, вы догадываетесь, матушка, с какими чувствами жду я ее приезда. Надо полагать, она пустит в ход все свое неотразимое обаяние, чтобы любой ценой завоевать мое расположение, я же сделаю все возможное, дабы оградиться от ее чар, — подождем, покуда ее светлость предъявит нечто более весомое. Она выражает горячее желание познакомиться со мной и весьма нежно отзывается о моих детях, но я не настолько наивна, чтобы полагать, будто женщина, которая отнеслась с небрежением, чтобы не сказать с черствостью, к своей собственной дочери, привяжется к моей. Мисс Вернон будет отправлена в школу в Лондоне до приезда к нам ее матери, чему я рада — и не только за себя, но и за нее. От разлуки с матерью она только выиграет, к тому же шестнадцатилетней девушке, которая получила столь скверное воспитание, здесь не место. Насколько я знаю, Реджинальд уже давно хотел познакомиться с этой пленительной леди Сьюзен, и мы надеемся вскоре его у нас увидеть. Рада, что отец пребывает в добром здравии.

Остаюсь любящая вас Кэтрин Вернон

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Мистер де Курси — миссис Вернон
Парклендс

Дорогая сестра, спешу поздравить тебя и мистера Вернона со скорым приездом самой отъявленной кокетки во всей Англии. Я всегда считал ее непревзойденной жеманницей, однако недавно до меня дошли слухи о ее поведении в Лэнгфорде, из которых следует, что она вовсе не ограничивается тем изящным флиртом, что доставляет удовольствие столь многим, но и предается более утонченному наслаждению приносить несчастье всем членам семьи одновременно. Своим обращением с мистером Мэнверингом она вызвала ревность и страдания его жены; благосклонностью же к молодому человеку, питавшему чувство к сестре мистера Мэнверинга, лишила славную девушку ее возлюбленного. Все это я узнал от мистера Смита — он находится сейчас в наших краях (я обедал с ним в Херсте и

в Уилфорде) и только что приехал из Лэнгфорда, где провел две недели в обществе ее светлости, и, следовательно, прекрасно осведомлен.

Нет, какова! Мне и впрямь очень хотелось бы ее увидеть, и я, конечно же, приму твое любезное приглашение, чтобы составить собственное мнение о тех колдовских чарах, что способны — при том, что обаяния молодости уже нет, — одновременно и в одном и том же доме внушить чувства сразу двум мужчинам, ни один из которых, заметь, проявлять их не свободен. Я рад, что мисс Вернон не едет со своей матерью в Черчилл: она слишком дурно воспитана и, если верить мистеру Смиту, вдобавок тупа и высокомерна. Там, где объединяются гордыня и глупость, притворство не поможет, поэтому мисс Вернон неизбежно стала бы всеобщим посмешищем. Что же до ее матери, то леди Сьюзен, насколько я могу судить, обладает поистине пленительным лукавством, наблюдать за которым будет столь же приятно, сколь и любопытно. До скорой встречи.

Любящий тебя брат Реджинальд де Курси

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон
Черчилл

Получила вашу записку, моя дорогая Алисия, перед самым отъездом из города и очень рада, что мистер Джонсон пребывает в неведении о том, у кого вы провели вчерашний вечер. Лучше говорить ему неправду, чем полуправду, — упрямцев следует водить за нос. До Черчилла я добралась без помех, нет у меня оснований жаловаться и на прием, оказанный мне мистером Верноном. Не могу, однако, сказать, что столь же тронута была я обхождением его супруги. Миссис Вернон и впрямь безупречно воспитана, женщина она, безусловно, светская, вместе с тем по ее поведению никак не скажешь, что она ко мне расположена. Мне искренне хотелось произвести на нее впечатление, я старалась как могла, но увы — я положительно не в ее вкусе. Правда, если вспомнить, что в свое время я предприняла некоторые усилия, чтобы помешать ее браку с моим деверем, в отсутствии сердечности с ее стороны нет ничего удивительного, и все же, согласитесь, лишь нетерпимое и мстительное существо станет хра-

нить в памяти события шестилетней давности, которые к тому же не обернулись в мою пользу. Признаться, я порой упрекаю себя за то, что не дала Чарлзу купить замок Вернон, когда мы были вынуждены продать его, однако испытание это было мучительное, к тому же продажа замка совпала по времени с его женитьбой. Любой оценит деликатность ситуации; мне было тяжело при мысли, что от вступления во владение фамильным поместьем младшего брата страдает достоинство старшего — моего мужа. Имей мы возможность устроить дело таким образом, чтобы замок покидать не пришлось, живи мы вместе с Чарлзом и удержи мы его от женитьбы — я никогда бы не стала уговаривать мужа отдать родовое поместье в чужие руки. Однако Чарлз собирался тогда жениться на мисс де Курси, и это вполне объясняет мое поведение. Теперь у них полно детей, и какую, спрашивается, выгоду я бы извлекла, стань он владельцем Вернона? Очевидно, что, помешав этой сделке, я произвела на его жену неблагоприятное впечатление, но ведь известно: если человека не любишь, предлог найдется всегда. Что же касается денежной помощи, то эта история вовсе не помешала ему оказывать мне поддержку. Я, право же, к нему расположена:

ничего не стоит вертеть им как угодно!

Дом очень хорош, мебель модная, все говорит о достатке и прекрасном вкусе. Чарлз, бесспорно, очень богат; владельцы банков купаются в деньгах. Вместе с тем ни он, ни его жена совершенно не в состоянии распорядиться своим богатством: гостей у них почти не бывает, да и в Лондон они ездят лишь по делам. Что ж, будем строить из себя дурочку. Надеюсь отыскать путь к сердцу своей невестки, завоевав расположение ее детей; я уже знаю, как кого зовут, и собираюсь с особой нежностью отнестись к их младшему сыну, юному Фредерику, которого я сажаю себе на колени и вздыхаю над ним, вспоминая его незабвенного дядюшку.

Бедный Мэнверинг! Нет нужды объяснять вам, как мне его не хватает и как часто я о нем думаю. В Черчилле меня поджидало грустное письмо от него, полное жалоб на жену и сестру и сетований на жестокосердие судьбы. Вернонам я сказала, что оно от его жены, свои же письма к нему я буду выдавать за письма к вам.

Всегда ваша С. В.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Миссис Вернон — мистеру де Курси Черчилл

Итак, мой дорогой Реджинальд, наконец-то я воочию увидела эту страшную женщину и должна тебе ее описать, хотя, надеюсь, в скором времени ты сможешь составить о ней собственное мнение. Она и впрямь хороша чрезвычайно. Какие бы сомнения ни вызывали у тебя прелести немолодой уже дамы, должна со всей ответственностью заявить, что мне редко доводилось видеть женщину, столь очаровательную. У нее прекрасные пепельные волосы, огромные серые глаза и темные ресницы; по тому, как она выглядит, ей не дашь и двадцати пяти, хотя в действительности она должна быть лет на десять старше. Как ты догадываешься, я не была склонна восхищаться ею, хотя и постоянно слышала, как она хороша, — сейчас, однако же, не могу не признать, что ей присущи редко сочетающиеся совершенство линий, великолепие и грация. Со мной она была столь нежна, естественна и даже трогательна, что, не знай я, какую неприязнь она всегда питала ко мне из-за моего брака с мисте-

ром Верноном, забудь я, что вижу ее впервые, можно было бы счесть ее моей близкой подругой. Принято считать, будто кокетство сочетается с самоуверенностью и развязность в обращении — непременный признак развращенного ума, — я, во всяком случае, ожидала, что леди Сьюзен поведет себя неподобающе свободно. Она же, как выяснилось, отличается приятной внешностью, у нее нежный голос и обворожительные манеры. Увы, внешность эта обманчива, ведь все мы, к сожалению, слишком хорошо ее знаем. Она находчива и обходительна, достаточно знает свет и может поддержать любой разговор, чем, однако, по моему мнению, слишком часто пользуется, чтобы выдать черное за белое. Ей почти удалось убедить меня, что она очень привязана к своей дочери, хотя я всегда была уверена в обратном. О ней она говорит с такой нежностью и тревогой, так горько сетует на то, что должным образом не занималась ее образованием, каковое считает абсолютно необходимым, что я с трудом заставляю себя вспомнить, сколько лет ее светлость неизменно проводила весенние месяцы в Лондоне, оставив дочь в Стаффордшире на попечение слуг или гувернантки, мало чем от них отличающейся.

Коль скоро ей удалось произвести впечатление на такое злопамятное существо, как я, можешь себе представить, как действуют ее неотразимые чары на мистера Вернона, человека благородного и великодушного. Жаль, но я не так доверчива и потому отказываюсь верить, что из Лэнгфорда в Черчилл она переехала по собственной воле. Не проведи она там целых три месяца, прежде чем обнаружила, что образ жизни ее друзей не соответствует ее нынешнему душевному состоянию, я еще могла бы поверить, что бурной светской жизни она предпочла уединение, переживая смерть такого мужа, как мистер Вернон (ее отношение к нему, к слову сказать, безупречным никак не назовешь). Зная, однако, сколь долгим было ее пребывание у Мэнверингов, размышляя о том, насколько отличалась жизнь, которую она вела у них, от той, на которую обрекает себя теперь, я вынуждена предположить, что отъезд из дома, где она, в сущности, была совершенно счастлива, объясняется желанием, пусть и несколько запоздалым, следовать правилам приличия, дабы восстановить свою пошатнувшуюся репутацию. Что же касается истории, рассказанной твоим приятелем мистером Смитом, то она едва ли достоверна, ибо ее светлость состоит в переписке

с миссис Мэнверинг. В любом случае история эта наверняка преувеличена: даже леди Сьюзен едва ли способна на то, чтобы столь вероломно обманывать двух мужчин одновременно.

Твоя и проч. Кэтрин Вернон

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон Черчилл

Моя дорогая Алисия, очень благодарна вам за внимание, которое вы уделяете Фредерике. Вы знаете, как высоко ценю я вашу дружбу, но, хоть я не сомневаюсь в искренности ваших дружеских чувств, совершенно не готова принять от вас столь большую жертву. Фредерика — глупая девчонка, похвастаться ей решительно нечем. А потому мне очень бы не хотелось, чтобы вы тратили свое драгоценное время, забирая ее к себе на Эдвард-стрит, тем более что каждый такой визит отвлекает ее от важнейшего дела — образования, каковое ей надлежит получить у мисс Саммерс. Я хочу, чтобы ей привили вкус к игре

на фортепиано и к пению, ведь у нее *моя* рука и вполне сносный голос. *Меня* в детстве изрядно баловали, ничем заниматься не обязывали, и вот вам результат: я лишена некоторых достоинств, коими нынче обязана обладать любая хорошенькая женщина. Естественно, это вовсе не значит, что я считаю необходимым, как диктует сегодняшняя мода, в совершенстве знать языки, искусства и науки. По-моему, это пустая трата времени: если женщина владеет французским, итальянским, немецким, если умеет играть на фортепиано, петь, рисовать и прочее, она может вызвать аплодисменты, но никак не пылкие чувства. В конечном счете все решает не образование, а обаяние и манеры. Итак, я считаю, что Фредерике не следует слишком увлекаться науками, и утешаю себя тем, что недолгое пребывание в школе мисс Саммерс не позволит ей изучить что-либо глубоко. Надеюсь, что не позже чем через год она станет женой сэра Джеймса. Вы знаете, на чем основывается моя надежда, и это, безусловно, основание вполне серьезное, поскольку для девочки возраста Фредерики обучение в школе — занятие крайне унизительное. Вот почему я бы предпочла, чтобы вы не приглашали ее к себе, — мне хочется, чтобы ее

жизнь была как можно более безотрадной. В сэре Джеймсе я нисколько не сомневаюсь: мне стоит лишь написать короткую записку, чтобы он возобновил свои ухаживания. Вас же я попросила бы постараться, когда он приедет в Лондон, оградить его от новых знакомств. Зовите его время от времени к себе и беседуйте с ним о Фредерике, чтобы он ее не забывал.

В целом же я чрезвычайно довольна тем, как все устроила, и считаю, что мне удалось наилучшим образом сочетать осмотрительность и материнские чувства. Иные матери потребовали бы, чтобы их дочь приняла столь лестное предложение с первого же раза, но разве могла я принудить Фредерику вступить в брак с человеком, ей ненавистным? И вот, вместо того чтобы прибегнуть к столь суровой мере, я даю ей возможность согласиться с моим выбором добровольно, создав ей условия, при которых она в конечном счете выйдет за сэра Джеймса. Но довольно об этой порядком надоевшей мне девчонке.

Вам, должно быть, небезынтересно узнать, как я провожу здесь время. Первая неделя тянулась мучительно долго; теперь, однако, ситуация изменилась к лучшему. К нашему обществу

присоединился брат миссис Вернон, красивый молодой человек, который, очень может быть, скрасит мое существование. Есть в нем эдакая дерзость, развязность, с которой я буду бороться. Человек он живой и неглупый, и, когда мне удастся внушить к себе большее уважение, чем то, каковое диктует ему любезное обращение со мной его сестры, думаю, с ним можно будет завести приятный флирт. Есть ведь особое наслаждение в том, чтобы подчинить себе дерзкого наглеца, заставить человека, против тебя настроенного, признать твое превосходство. Своей холодной сдержанностью я уже привела его в замешательство, попытаюсь смирить гордыню этих зазнавшихся де Курси и в дальнейшем, дабы убедить миссис Вернон в том, что ее сестринские предостережения были напрасны, а Реджинальда — что она оклеветала меня самым бессовестным образом. Это по крайней мере меня позабавит, и я не буду испытывать столь горьких чувств от разлуки с вами и со всеми, кого люблю. Прощайте.

Всегда ваша С. Вернон

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Миссис Вернон — леди де Курси Черчилл

Дорогая матушка, похоже, Реджинальд у нас задержится. Он просит меня известить вас, что установившаяся погода побуждает его принять приглашение мистера Вернона продлить свое пребывание в Сассексе, чтобы они могли вместе поохотиться. Он собирается немедленно послать за своими лошадьми, и предположить, когда возвратится в Кент, невозможно. От вас, дорогая матушка, я не стану скрывать своих чувств в связи с изменением его планов, однако предпочла бы, чтобы вы не делились этими чувствами с отцом, чье постоянное беспокойство за Реджинальда непременно перерастет в тревогу, которая может самым пагубным образом сказаться на его здоровье и душевном равновесии. За какие-нибудь две недели леди Сьюзен сумела влюбить в себя моего брата. Я убеждена, что у нас он собирается пробыть дольше, чем намеревался, не столько из-за желания поохотиться с мистером Верноном, сколько из-за сердечной привязанности, поэтому в этот раз я едва ли получу от общества брата то

удовольствие, какое получаю обычно.

Коварство этой беспринципной женщины и в самом деле сводит меня с ума. Что может служить более убедительным доказательством ее происков, чем перемена, произошедшая с Реджинальдом, который по приезде настроен был против нее самым решительным образом? В своем последнем письме он привел мне некоторые подробности ее неприглядного поведения в Лэнгфорде, о чем ему поведал один джентльмен, прекрасно ее знавший, и к чему Реджинальд отнесся с безусловным доверием. Если только история эта соответствует действительности, поведение леди Сьюзен не может не вызывать отвращения. Уверена, собираясь к нам, он был о ней самого невысокого мнения; когда я их познакомила, было совершенно очевидно, что он полагал ее недостойной изысканного обращения и уважения и думал, что она будет счастлива вниманием любого мужчины, расположенного за ней поволочиться.

Надо отдать ей должное: она сделала все, чтобы развеять это мнение, в ее поведении не было решительно ничего предосудительного, ни капли самолюбия, претензии, ветрености. К тому же она так хороша собой, что восторг, в который

пришел от нее Реджинальд, был бы совершенно естественным, не знай он о ней ничего до той минуты, когда состоялось их знакомство. Но вот то, что влюбился он в нее безоглядно, напрочь позабыв доводы рассудка и собственные убеждения, не может меня не удивлять. Поначалу его восхищение ею было хотя и велико, однако вполне понятно: его покорила ее мягкость и изысканность, — но на днях он принялся расточать ей совершенно несообразные комплименты. Вчера же заявил, что его нисколько не удивляет, что существо, столь обворожительное и одаренное, с легкостью покоряет сердце любого мужчины. Когда в ответ я стала сетовать на ее дурные поступки, он заметил, что, какие бы просчеты в жизни она ни совершала, приписать их следует исключительно дурному воспитанию и раннему браку, вообще же она женщина совершенно удивительная.

Более всего меня раздражает его стремление во всем найти ей оправдание, забыть под воздействием страсти ее прегрешения, и, хотя я понимаю, что Реджинальд в Черчилле человек свой и в приглашении продлить визит не нуждается, я, по правде сказать, пожалела, что муж вообще ему это приглашение сделал.

Верно, никаких иных целей, кроме кокетства и желания вызвать всеобщее восхищение, леди Сьюзен не преследует. Не могу представить себе, что она задумала нечто более серьезное, — и все же горько наблюдать, как у такого разумного молодого человека, как Реджинальд, голова от нее идет кругом.

Примите и проч., Кэтрин Вернон

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Миссис Джонсон — леди Сьюзен
Эдвард-стрит

Бесценный друг, поздравляю вас с приездом мистера де Курси и советую непременно его на себе женить — наследство его, говорят, значительно и почти наверняка неделимо и неотчуждаемо. Сэр Реджинальд сильно хворает и вряд ли протянет долго. У молодого человека, насколько мне известно, неплохая репутация, и, хотя не родился еще мужчина, который был бы достоин вас, дорогая моя Сьюзен, за мистера де Курси, мне кажется, побороться стоило бы. Мэнверинг, конечно же,

будет негодовать, но вы его легко усмирите. Не ждать же вам, покуда *он* окажется свободен! Сэра Джеймса я видела: на прошлой неделе он приезжал на несколько дней в Лондон и не раз бывал на Эдвард-стрит. Я говорила с ним о вас и вашей дочери — вы обе настолько живо присутствуете в его памяти, что он наверняка с удовольствием женится на любой из вас. Я внушила ему надежду, что Фредерика смягчится, и подробно рассказала о ее успехах. Я было отругала его за то, что он ухаживал за Марией Мэнверинг, однако он возразил, что делал это в шутку, и мы оба от души посмеялись над тем, какое ее постигнет разочарование. В общем, мы прекрасно провели время. Он все так же глуп.

Преданная вам Алисия

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон
Черчилл

Очень благодарна вам, бесценный друг, за совет в отношении мистера де Курси, каковой,

не сомневаюсь, вы дали, будучи уверены в его целесообразности. Однако я вовсе не убеждена, что ему последую. Решиться на столь серьезное предприятие, как брак, я не могу, тем более что в настоящее время недостатка в средствах не испытываю и до смерти старшего де Курси от этого союза мало что выиграю. Между тем уже сейчас самолюбие мое удовлетворено: он в моих руках. Теперь он уверовал в силу моих чар, и я могу наслаждаться плодами победы над тем, кто готов был меня невзлюбить и кого против меня настроили. Полагаю, что и сестра его убедилась, сколь невыгодно представлять одного человека другому в дурном свете, если предубеждениям этим противостоят ум и безукоризненные манеры. Мне совершенно очевидно, что перемена к лучшему в отношении ко мне ее брата действует ей на нервы, из чего следует, что она непременно нанесет мне ответный удар. Но коль скоро однажды мне уже удалось заставить его усомниться в справедливости ее слов, думаю, я и на этот раз найду чем ей ответить.

Мне доставляет удовольствие наблюдать, как он пытается со мной сблизиться, в особенности же — насколько он ко мне переменился после того, как на его доходящую до откровенной фа-

мильярности дерзость я ответила сдержанно и с чувством собственного достоинства. И то сказать, с самого начала я вела себя весьма осмотрительно, ни разу в жизни не кокетничала меньше, чем теперь, и это при том, что никогда прежде не испытывала столь сильного желания добиться успеха. Я всецело подчинила его себе остротой ума и глубокомысленными беседами, и сейчас он, беру на себя смелость утверждать это, по меньшей мере *полу*влюблен в меня — без малейшего налета пошлого флирта. Веду я себя настолько мягко и ни на что не претендуя, что лишь миссис Вернон, которая в душе сознает, что заслужила мою месть за свои происки, может подозревать, будто такое поведение скрывает далекоидущие планы. Что ж, пусть думает и поступает, как считает нужным: я еще ни разу не видела, чтобы совет сестры помешал молодому человеку влюбиться по своему усмотрению. Сейчас у нас с ним устанавливаются отношения весьма доверительные, что-то вроде платонической любви. Что до *меня*, то дальше я не пойду ни за что: даже не будь я так сильно привязана к другому человеку, я бы никогда не полюбила того, кто смел столь дурно обо мне думать.

Реджинальд хорош собой и вполне заслуживает

похвал: о чем вы, надо полагать, слышали, — вместе с тем ни в какое сравнение не идет с нашим общим другом из Лэнгфорда. Он не столь изыскан, не столь обольстителен, как Мэнверинг, и ему не дано говорить те очаровательные пустяки, какие приятны и ему, и окружающим. Впрочем, он вполне мил, без него было бы совершенно непереносимо каждодневно лицезреть поджатые губы моей невестки, а также слушать пустую болтовню ее супруга.

Ваш рассказ о сэре Джеймсе очень меня порадовал, и в скором времени я намереваюсь намекнуть Фредерике о своих планах.

Ваша и проч., С. Вернон

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Миссис Вернон — леди де Курси Черчилл

Чем заметнее, дорогая матушка, становится влияние на Реджинальда леди Сьюзен, тем большее беспокойство оно у меня вызывает. В настоящее время их связывает очень тесная

дружба, они часто и подолгу беседуют, и ей удалось с помощью самого искусного кокетства склонить его на свою сторону. Невозможно без тревоги наблюдать за тем, какая близость установилась между ними, да еще за такой короткий срок, хотя не думаю, чтобы брак с Реджинальдом входил в планы леди Сьюзен. Вот почему я была бы рада, если бы вы под любым благовидным предлогом уговорили Реджинальда вернуться домой. Что до него, то он вовсе не расположен покинуть нас, и это при том, что я много раз, насколько это позволяет мое положение хозяйки дома, намекала ему на пошатнувшееся здоровье отца. Она обладает над Реджинальдом поистине безграничной властью, ей удалось заставить его полностью изменить первоначальное мнение, и теперь он не просто забыл, как дурно она себя вела, но целиком ее поведение оправдывает. Ранее казавшийся Реджинальду вполне достоверным рассказ мистера Смита о ее лэнгфордских похождениях, о том, что она влюбила в себя не только мистера Мэнверинга, но и молодого человека, помолвленного с мисс Мэнверинг, теперь представляется ему гнусной клеветой. О чем он с горячностью и сообщил мне, искренне сетуя, что поверил наветам.

Вы не представляете, матушка, как я ругаю себя, что позволила ей переступить порог нашего дома! Ее приезд с самого начала вселял в меня беспокойство, однако я и помыслить не могла, какая опасность угрожает Реджинальду. Я знала, что обрекаю себя на весьма тягостное общение, но могла ли я вообразить, что брат мой попадет в любовные сети, расставленные женщиной, чьи жизненные принципы были ему столь хорошо известны и чей нрав еще совсем недавно — столь ненавистен?! Буду счастлива, если вам удастся уговорить его уехать.

Любящая вас Кэтрин Вернон

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Сэр Реджинальд де Курси — своему сыну Парклендс

Я знаю, молодые люди, как правило, не посвящают никого, даже ближайших родственников, в свои сердечные дела. И тем не менее, мой дорогой Реджинальд, хочется надеяться, что ты окажешься выше тех, кому безразлична родительская

тревога и кто считает себя вправе отказать отцу в доверии и пренебречь его советом. Как единственный сын и представитель древнего рода, ты должен сознавать, что твое поведение не может не вызывать у родственников повышенный интерес, в особенности в таких делах, как женитьба, где на карту поставлено абсолютно все: твое собственное счастье, счастье твоих родителей, твое доброе имя. Я вовсе не утверждаю, что ты намерен принять столь ответственное решение единолично, не поставив в известность твою мать и меня или по крайней мере не убедившись, что мы одобряем твой выбор, но я боюсь, как бы известная особа, что так быстро расположила тебя к себе, не уговорила тебя сочетаться с ней законным браком, который непременно вызовет осуждение у всех, близких и дальних, членов твоей семьи.

Возраст леди Сьюзен — существенная помеха для такого брака, дурная же репутация — препятствие настолько серьезное, что в сравнении с этим даже разделяющие вас двенадцать лет особого значения не имеют. Не будь ты так увлечен ею, приводить здесь примеры ее неподобающего поведения, столь хорошо всем известные, не имело бы смысла. Ее пренебрежение супружеским

долгом, кокетство, сумасбродство и мотовство столь постыдны и столь печально известны, что о них в свое время знали буквально все; не забыты они и по сей день. Благодаря добросердечию мистера Чарлза Вернона семья наша всегда относилась к ее слабостям достаточно терпимо, и все же, несмотря на все его великодушные попытки найти ей оправдание, нам известно, что из самых корыстных побуждений она делала все, дабы расстроить его брак с Кэтрин.

Я уже немолод, здоровье мое пошатнулось, и мне бы очень хотелось, мой дорогой Реджинальд, чтобы ты встал на ноги как можно скорее. При моем достатке состояние твоей будущей жены большого значения для меня не имеет, но ее происхождение и репутация должны быть равно безукоризненны. В этом случае я могу обещать тебе, что дам согласие на твой брак с радостью и без промедления. Вместе с тем считаю своим долгом противостоять союзу, который может быть достигнут лишь посредством самого низкого коварства и в конечном счете сделает тебя несчастным.

Не исключено, что ее поведение объясняется лишь тщеславием либо желанием вызвать восхищение человека, которого, как ей мнится, против

нее настроили; однако куда более вероятно, что цели, которые она преследует, простираются гораздо дальше. Она бедна и, что естественно в ее положении, ищет выгодную партию. Твои права тебе хорошо известны: лишить тебя родового поместья не в моей воле. Обречь же тебя на бедность, покуда я жив, было бы мстительным поступком, до которого я едва ли когда-нибудь опущусь. Видишь, я чистосердечно делюсь с тобой своими чувствами и намерениями. Я вовсе не хочу тебя запугать, я полагаюсь на твой разум и сыновнюю любовь. Если же мне станет известно, что ты все-таки женился на леди Сьюзен Вернон, я потеряю покой, во мне умрет гордость, какую я всегда испытывал за своего сына, и я буду краснеть при виде его, при упоминании его имени, при одной мысли о нем.

Излив тебе душу, я, быть может, ничего более существенного этим письмом не добьюсь. Вместе с тем я считал своим долгом сообщить тебе, что твоя склонность к леди Сьюзен для твоих друзей секретом не является, и предупредить тебя о последствиях. Мне бы хотелось знать, по какой причине ты отказываешься теперь верить мистеру Смиту: еще месяц назад правдивость истории, которую он тебе поведал, не вызвала у тебя ни

малейших сомнений.

Если подтвердишь, что лишь наслаждаешься беседой с умной женщиной и восхищаешься ее красотой и дарованиями, при этом вовсе не закрывая глаза на ее недостатки, ты вернешь мне покой; если же такого подтверждения дать не сможешь, потрудись хотя бы объяснить, чем вызвана столь разительная перемена в твоем к ней отношении.

Остаюсь и проч. Реджинальд де Курси

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

Леди де Курси — миссис Вернон Парклендс

Дорогая Кэтрин, к несчастью, твое последнее письмо застало меня в постели. Я простудилась, и у меня так слезились глаза, что я не сумела отказаться от помощи твоего отца, вызвавшегося прочесть мне его вслух, вследствие чего он, к моему великому сожалению, узнал о том, как ты тревожишься за своего брата. Я собиралась, как только зрение мне позволит, написать Реджи-

нальду сама, дабы сообщить ему, чем рискует молодой человек его возраста и положения, сойдясь со столь коварной женщиной, как леди Сьюзен. Кроме того, я хотела напомнить ему, что теперь мы с отцом остались совсем одни и он бы скрасил нам долгие зимние вечера, которые мы принуждены проводить в полном одиночестве. Принесло бы такое письмо пользу или нет, теперь сказать трудно, сейчас же меня более всего заботит то, что сэр Реджинальд узнал о деле, которое мы с тобой намеревались от него скрыть. Стоило ему прочесть твое письмо, как он живо воспринял все твои опасения и, я уверена, с этой минуты непрестанно о них думает; с той же почтой он отправил Реджинальду длинное послание, в котором среди прочего требует объяснить, в результате чего так переменилось его отношение к леди Сьюзен, о поведении которой ранее он слышал столь неприглядные истории. Ответ пришел сегодня утром, и вместе со своим письмом я отправляю его тебе, ибо нахожу его весьма любопытным. Написан он с такой решимостью представить леди Сьюзен в положительном свете, что все заверения Реджинальда относительно женитьбы и проч. никоим образом меня не убеждают. Тем не менее я делаю все, чтобы успокоить

твоего отца, и он, надо признать, прочитав ответ, волноваться стал немного меньше. Кто бы мог подумать, дорогая Кэтрин: твоя злополучная гостья не только помешала нам встретиться на Рождество, но и явилась причиной стольких треволнений. Поцелуй от меня милых деток.

Любящая тебя мать К. де Курси

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Мистер де Курси — сэру Реджинальду Черчилл

Дорогой отец, только что получил ваше письмо, которое, признаюсь, удивило меня несказанно. Видимо, я должен благодарить сестру за то, что, представив дело в ложном свете, она причинила вам с матушкой столько беспокойства. Мне не дано знать, отчего она сочла возможным поделиться с вами своей тревогой из-за события, которое, могу вас заверить, лишь ей одной представляется сколько-нибудь вероятным. Приписать леди Сьюзен подобные намерения значило бы отказать ей в блестящем уме, на

что не осмеливаются даже злейшие ее враги; не вправе претендовать на обладание здравым смыслом и я, если в моем с ней обращении можно усмотреть матримониальные планы. Разница в возрасте и впрямь является непреодолимым препятствием, и я умоляю вас, дорогой отец, успокоиться и не таить более подозрений, губительных для вашего покоя и оскорбительных для нашего взаимопонимания.

Если я и провожу время с леди Сьюзен, то лишь затем, чтобы (как вы сами выразились) насладиться беседой с женщиной выдающегося ума. Если бы миссис Вернон в своих письмах больше места уделяла тем нежным чувствам, какие я питаю к ней и к ее мужу, это было бы куда более справедливо по отношению к нам всем; к несчастью, у моей сестры создалось настолько превратное мнение о леди Сьюзен, что переубедить ее не представляется возможным. Из-за привязанности к своему мужу, каковая делает честь им обоим, она не может простить леди Сьюзен попытку воспрепятствовать их браку, которая приписывается исключительно ее своекорыстию. Но в этом случае, как и во многих других, общество, предположив худшее — в то время как побуждения ее были не вполне поняты

окружающими, — нанесло сей достойной даме тяжкое оскорбление.

Поверив слухам, порочащим мою сестру, леди Сьюзен сочла, что счастье мистера Вернона, к которому она всегда была очень привязана, совершенно несовместимо с этим браком. Это обстоятельство объясняет истинные мотивы поведения леди Сьюзен и снимает с нее всю вину, которую не замедлили на нее возложить. Оно также убеждает нас в том, сколь мало следует доверять досужим сплетням, ибо нападок не в состоянии избежать и самые достойные. Коль скоро даже моей сестре, живущей вдали от света и не имеющей ни склонности, ни возможности творить зло, не удалось избежать обвинений, вправе ли мы опрометчиво осуждать тех, кто вращается в обществе и подвергается постоянным соблазнам и кого обвиняют в проступках, которые эти люди предположительно могли бы совершить?

Не могу простить себе, что с такой легкостью поверил бессовестным измышлениям Чарлза Смита, выставившего леди Сьюзен в столь неблагоприятном свете, ибо сейчас я глубоко убежден: все его россказни — злостная клевета. Что же до ревности миссис Мэнверинг, то это было вымыс-

лом от начала до конца, да и история о попытках леди Сьюзен переманить возлюбленного мисс Мэнверинг не многим правдивее. Эта юная леди стремилась обратить на себя внимание сэра Джеймса Мартина лишь потому, что человек он состоятельный, и брак с ним был бы ей очень выгоден. Хорошо известно, что мисс Мэнверинг хочет поскорей выйти замуж, а потому сию особу невозможно жалеть по той лишь причине, что, потерпев поражение от женщины более привлекательной, она утратила возможность сделать весьма достойного человека глубоко несчастным. Леди Сьюзен вовсе не собиралась с ней соперничать и, обнаружив, сколь тяжело мисс Мэнверинг переживает неверность своего возлюбленного, приняла решение покинуть их дом, несмотря на самые искренние попытки мистера и миссис Мэнверинг ее отговорить. У меня есть основания предполагать, что сэр Джеймс и в самом деле предложил леди Сьюзен руку и сердце, однако ее в полной мере оправдывает то обстоятельство, что, узнав о его отношениях с мисс Мэнверинг, она незамедлительно покинула Лэнгфорд. Уверен, дорогой отец, что вас убедит логика моих рассуждений и вы сумеете отдать должное женщине, оскорбленной в своих лучших чувствах.

Мне хорошо известно, что, отправляясь в Черчилл, леди Сьюзен руководствовалась побуждениями самыми благородными. Ее благоразумие и осмотрительность достойны подражания, ее уважение к мистеру Вернону ничуть не уступает *даже* его великодушию, стремление же завоевать расположение моей сестры заслуживает того, чтобы к нему отнеслись более благосклонно. Леди Сьюзен — образцовая мать. Бесспорное доказательство ее материнских чувств в том, что она поместила дочь в надежное место, где ее образованием займутся должным образом; однако по той причине, что к своему чаду она не питает слепой и безоглядной любви, свойственной многим матерям, ее обвиняют в отсутствии нежности. Между тем всякий разумный человек, без сомнения, оценит ее продуманную материнскую заботу и вместе со мной пожелает Фредерике Вернон стать в будущем более достойной того трогательного чувства, какое испытывает к ней ее мать.

Итак, дорогой отец, я поделился с вами своими мыслями о леди Сьюзен; из этого письма вы узнаете, как восхищаюсь я ее талантами и как высоко ценю ее душевные качества. Если же вы откажетесь верить моим заверениям, что страхи

ваши совершенно беспочвенны, то несказанно этим меня расстроите.

Остаюсь и проч. Р. де Курси

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Миссис Вернон — леди де Курси Черчилл

Дорогая матушка, возвращаю вам письмо Реджинальда, радуясь от всей души, что отца оно успокоило. Передайте ему эти слова, однако, между нами говоря, меня это письмо убедило лишь в том, что у моего брата нет намерений жениться на леди Сьюзен в *настоящее время,* а вовсе не в том, что ему не угрожает опасность сделать это через три месяца. Ее поведение в Лэнгфорде описано им как весьма благонравное: как бы мне хотелось, чтобы он оказался прав, — а между тем он явно находится под ее влиянием, и я склонна не столько верить тому, что он пишет, сколько сетовать на существующую между ними близость, которая угадывается в его рассуждениях на эту тему.

Мне жаль, что я вызвала его неудовольствие, но пока он так рьяно защищает леди Сьюзен, наши отношения едва ли изменятся к лучшему. Он и впрямь очень на меня сердит, и все же хочется надеяться, что в своих суждениях о ней я не была опрометчива. Бедняжка! Хоть у меня есть все основания не любить ее, я не могу не испытывать к ней жалости, ибо в настоящее время она действительно очень расстроена, и есть от чего. От дамы, в чей пансион она поместила свою дочь, пришло сегодня утром письмо, где говорится, что мисс Вернон следует незамедлительно забрать домой, ибо она предприняла попытку бежать. По какой причине и куда она направлялась, остается загадкой, но коль скоро у пансиона безупречная репутация, леди Сьюзен есть от чего расстраиваться.

Сейчас Фредерике должно быть не меньше шестнадцати, и ей следовало бы вести себя осмотрительнее, однако девочка она, судя по тому, что о ней говорит ее мать, вздорная. Впрочем, произошло все оттого, что в детстве она была предоставлена самой себе, о чем ее матери не худо бы помнить.

Как только леди Сьюзен пришла к решению, что следует предпринять в этой ситуации, мистер

Вернон отправился в Лондон в надежде уговорить мисс Саммерс оставить у себя Фредерику, а если успеха не добьется, привезти девочку в Черчилл, покуда не удастся найти ей другую школу. Тем временем ее светлость утешается тем, что подолгу бродит с Реджинальдом по аллеям парка; воспользовавшись происшедшим, она, надо полагать, всячески пытается его разжалобить. Подолгу говорит она о случившемся и со мной, причем весьма красноречиво; я бы даже сказала, если б не хотела показаться невеликодушной, *слишком* красноречиво для сердобольной матери. Но довольно о ее недостатках. Ведь она может стать женой Реджинальда. Упаси бог! А впрочем, почему я должна быть прозорливее остальных? Мистер Вернон утверждает, что никогда еще не видел существа более опечаленного, чем ее светлость по получении письма из Лондона. Неужто он понимает в людях меньше моего?

Ей очень не хотелось, чтобы Фредерике разрешили приехать в Черчилл, и ее можно понять, ведь тем самым мы поощряем поступок, заслуживающий наказания. Впрочем, ее все равно больше некуда отправить — в любом случае долго она здесь не пробудет.

«Была бы вам очень признательна, дорогая

сестра, если б вы вели себя с ней построже, — заявила мне ее светлость. — Мне это будет нелегко, но я попытаюсь с этим смириться. Боюсь, я часто бывала к ней чересчур снисходительна, но нрав у моей бедной Фредерики таков, что она не переносит даже малейшего противодействия. Вы должны меня поддержать и воодушевить; если же вы считаете меня излишне мягкосердечной, то вам следует настоять на необходимости порицания».

Все это звучит весьма убедительно. У Реджинальда же эта бедная глупышка вызывает негодование! Разумеется, леди Сьюзен не делает чести, что он так настроен против ее дочери, ведь он судит о девочке со слов матери.

Что ж, как бы ни сложилась его судьба, будем утешаться мыслью, что мы сделали все от нас зависящее, чтобы его спасти. Остается полагаться на волю небес.

Всегда ваша и проч. Кэтрин Вернон

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон

Черчилл

Ничто еще, дражайшая моя Алисия, не приводило меня в такое бешенство, как письмо, которое нынче утром я получила от мисс Саммерс. Моя девчонка, это исчадие ада, как выяснилось, попыталась убежать из школы. Никогда не думала, что она у меня такая чертовка: мне всегда казалось, что в ней есть верноновская покладистость, — однако, получив от меня письмо, в котором я известила ее о своих планах, связанных с сэром Джеймсом, предприняла попытку сбежать (иначе, во всяком случае, я ее поступок объяснить не могу). Вероятно, она собиралась отправиться в Стаффордшир к Кларкам — больше ей ехать было некуда. Но она будет наказана, она будет его женой. Я отправила Чарлза в Лондон попробовать, если получится, замять эту историю, ведь в Черчилле Фредерике делать нечего. Если же мисс Саммерс откажется ее у себя держать, вы должны будете найти ей другую школу или же помочь мне немедленно выдать ее замуж. Мисс С. пишет, что не смогла добиться от юной леди объяснений ее странного поступка, что лишь убеждает меня в правильности моей догадки.

Фредерика будет молчать: она слишком робка и слишком меня боится, — но, даже если ее дядя

благодаря своей обходительности что-нибудь у нее выведает, мне беспокоиться не о чем. Уверена, моя версия окажется ничуть не хуже. Если чем я и могу похвастаться, так это хорошо подвешенным языком. Хорошо подвешенный язык вызывает уважение и почет точно так же, как красота вызывает восхищение. Так вот, сейчас я имею отличную возможность продемонстрировать свой талант, ибо большая часть времени уходит у меня на разговоры. Реджинальд готов вести непринужденную беседу, только когда мы с ним наедине, поэтому, если погода благоприятствует, мы часами бродим по парку. В целом Реджинальд мне очень нравится: умен и ему есть что сказать, — вместе с тем бывает резок и раздражителен. Отличает его и какая-то странная мнительность: он требует подробнейших объяснений всему, что слышал про меня дурного, и вопросы будет задавать до тех пор, покуда все себе не уяснит.

Такого рода поклонник, признаться, не слишком мне по душе; куда больше импонирует мне нежный и свободный от предрассудков Мэнверинг: он настолько убежден в моих достоинствах, что считает меня правой во всем и с долей презрения относится к причудам вечно вопрошающего,

сомневающегося сердца, постоянно проверяющего целесообразность своих чувств. У Мэнверинга и в самом деле есть все преимущества перед Реджинальдом, но нет возможности быть со мной. Бедный! Он наверняка извелся от ревности, о чем, впрочем, я вовсе не жалею, ведь любви без ревности не бывает. Он умолял меня позволить ему приехать в эти края и поселиться инкогнито где-нибудь поблизости, однако это я ему настрого запретила. Непростительно поведение тех женщин, которые забывают, что пристало им делать, дабы не уронить себя в глазах света.

Всегда ваша С. Вернон

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

Миссис Вернон — леди де Курси Черчилл

Дорогая матушка, в четверг вечером вернулся мистер Вернон со своей племянницей. Еще днем леди Сьюзен получила от него письмо, где говорилось, что мисс Саммерс наотрез отказывается оставить мисс Вернон у себя в школе.

Мы, следовательно, были готовы к ее приезду и с нетерпением ожидали их весь вечер. Приехали они, когда мы пили чай, и должна сказать, что никогда прежде не приходилось мне видеть существа более запуганного, чем Фредерика.

Леди Сьюзен, которая пролила столько слез в ожидании дочери, встретила ее совершенно невозмутимо, не выдавая своих чувств. Она почти не разговаривала с ней, а когда Фредерика, стоило нам сесть за стол, разрыдалась, вывела ее из комнаты и довольно долго не возвращалась; когда же она наконец к нам присоединилась, глаза у нее были красные и выглядела она такой же взволнованной, как и до приезда дочери. Фредерика в тот вечер больше не появлялась.

Бедный Реджинальд был так опечален, видя, как расстроена его очаровательная подруга, смотрел на нее так участливо, что я, заметив, с каким торжеством она поглядывает на него, с трудом себя сдерживала. Эта мелодрама продолжалась весь вечер, и столь нарочитое и искусственное выражение чувств окончательно убедило меня в том, что на самом деле она не чувствует ровным счетом ничего.

Леди Сьюзен стала вызывать у меня еще большую неприязнь с той минуты, как я увидела ее

дочь. У бедняжки такой несчастный вид, что у меня сердце кровью обливается. Леди Сьюзен, несомненно, излишне строга с ней: у Фредерики не тот нрав, что требует строгих мер. Она робка, удручена и явно раскаивается в содеянном.

Она очень хорошенькая, хотя и не так красива, как леди Сьюзен, да и вообще мало на нее похожа. У нее тонкие черты лица, однако не столь яркие и впечатляющие, как у матери; скорее она пошла в Вернонов: овальное личико, кроткий взгляд темных глаз; когда она говорит со своим дядей или со мной, глаза излучают нежность — бесспорно, она испытывает благодарность за нашу доброту. Ее мать не раз намекала на то, что нрав у нее неуживчивый, однако мне ни разу не приходилось видеть лица, которое бы менее свидетельствовало о дурных наклонностях. И теперь, когда я имею возможность сравнивать поведение матери и дочери по отношению друг к другу — неизменную суровость леди Сьюзен и молчаливую удрученность Фредерики, — лишь утверждаюсь в мысли, что мать никогда по-настоящему не любила свою дочь, не отдавала ей должного, не питала к ней теплых чувств.

Мне покамест не представился случай поговорить со своей племянницей: она застенчива, к

тому же, если не ошибаюсь, *кому-то* не очень хочется, чтобы она проводила время со мной. Чем был вызван ее побег, пока не вполне понятно. По дороге сюда ее сердобольный дядюшка, как вы догадываетесь, не задавал ей лишних вопросов, ибо боялся ее расстроить. Жаль, что за ней поехал он, а не я: за тридцать миль пути я бы все выяснила.

На днях, по просьбе леди Сьюзен, к ней в гостиную перенесли фортепиано, и бóльшую часть дня Фредерика проводит там. Называется это упражнениями, однако из комнаты, когда бы я ни проходила мимо, не доносится ни единого звука. Чем она там занимается — ума не приложу; в гостиной, правда, много книг, но ведь не всякая девочка из тех, что первые пятнадцать лет своей жизни были предоставлены сами себе, сможет или захочет их прочесть. Бедняжка! Картина, открывающаяся ей из окна, не слишком-то поучительна: если помните, комната эта выходит на обсаженную кустарником лужайку, где, увлекшись беседой с Реджинальдом, часами прогуливается ее матушка. Если у девицы ее возраста такое зрелище не вызывает недоумения, она и в самом деле еще совсем ребенок. Согласитесь, подавать такой пример дочери непростительно. Между тем Реджинальд по-прежнему считает

леди Сьюзен лучшей из матерей, а Фредерику никчемной девчонкой! Он убежден, что у нее не было никаких причин для побега. Быть может, так оно и есть, но коль скоро мисс Саммерс утверждает, что за все время пребывания на Вигмор-стрит мисс Вернон в своенравии или же в дурном поведении ни разу замечена не была, я не могу с легкостью поверить в то, в чем леди Сьюзен убедила брата и стремится убедить меня, а именно: что решение бежать из школы вызвано лишь нежеланием терпеть принуждение и выносить мелочную опеку наставников. О, Реджинальд, где, скажи, независимость твоих суждений?! Он не смеет даже назвать Фредерику красивой и, когда я говорю о ее красоте, отвечает лишь, что в глазах ее нет блеска.

То он говорит, что девочке не хватает ума, то во всем винит ее характер. Что ж, где обман, там непоследовательность. Леди Сьюзен, дабы оправдать свое собственное поведение, считает необходимым во всем винить Фредерику и, вероятно, иной раз полагает уместным обвинить ее в дурном нраве, а иногда — посетовать на отсутствие у нее здравого смысла. А Реджинальд лишь повторяет все это за ее светлостью.

Остаюсь и проч. Кэтрин Вернон

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Та же — той же
Черчилл

Дорогая матушка, я очень рада, что вы с интересом прочли все, что касается Фредерики Вернон: я убеждена, что она заслуживает нашего внимания, — когда же поделюсь с вами своими свежими впечатлениями, проявленный вами интерес, уверена, возрастет еще больше. Я стала замечать, что девочка привязывается к моему брату: часто вижу, как она не сводит с него глаз, в которых читается мечтательное восхищение! Он и в самом деле очень красив, к тому же есть в нем и столь располагающая к себе прямота, которую Фредерика не чувствовать не может. Стоит Реджинальду произнести что-нибудь забавное, как ее задумчивое серьезное личико озаряется улыбкой; если же разговор заходит на серьезную тему, она — не сочтите это преувеличением — не пропускает ни единого его слова.

Хорошо бы и *он* отдавал себе в этом отчет, ведь мы прекрасно знаем, что Реджинальд, как никто

другой, умеет быть благодарным. Если б только чистосердечное чувство Фредерики отвлекло его от ее матери, мы бы благословили тот день, когда девушка впервые появилась в Черчилле! Думаю, дорогая матушка, вы были бы не против такой невестки. Правда, она еще очень молода, образование у нее никуда не годится: у матери она могла научиться разве что ветрености, — и вместе с тем я могу с полным основанием заявить, что она отличается добронравием и недюжинными способностями.

Хоть и не получила подобающего воспитания, она тем не менее вовсе не так невежественна, как может показаться на первый взгляд: Фредерика любит книги и большую часть дня проводит за чтением. Сейчас ее мать занимается ею *еще* меньше, чем раньше, и я, пользуясь этим, стараюсь проводить с ней как можно больше времени, чтобы преодолеть, хоть это и нелегко, ее робость. Мы подружились, и, хотя в присутствии матери Фредерика никогда не раскрывает рта, оставшись наедине со мной, разговаривает вполне охотно, из чего следует, что, обращайся леди Сьюзен с ней должным образом, Фредерика бы от этого только выиграла. Живи она без принуждения — и во всем мире не было бы сердца более отзывчивого

и любящего, нрава более покладистого. Ее маленькие кузены и кузины от нее без ума.

Любящая вас Кэтрин Вернон

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон
Черчилл

Я знаю, вы хотите поскорей узнать, что же произошло с Фредерикой, и, вероятно, считаете, что я о вас забыла. В прошлый четверг она приехала в Черчилл со своим дядей, и я, не мешкая, потребовала от нее объяснений; выяснилось, что я была совершенно права, связав попытку бежать из школы с моим письмом. Письмо это так ее напугало, что со свойственными девицам ее возраста своенравием и глупостью она решила выбраться из здания школы, сесть в дилижанс и отправиться к своим друзьям Кларкам; в результате она не дошла и до перекрестка, как ее, по счастью, хватились, поймали и привели обратно.

Таков был первый выдающийся поступок в жизни Фредерики Сюзанны Вернон, и, если учесть,

что поступок сей совершен был в нежном шестнадцатилетнем возрасте, у нас есть все основания строить самые радужные планы относительно ее великого будущего. Тем не менее я пришла в ярость от демонстрации неукоснительных правил приличия, воспрепятствовавших мисс Саммерс оставить девчонку у себя; проявленная ею щепетильность производит впечатление тем более странное, что она не может не знать о семейных связях моей дочери, а стало быть, остается предположить только одно: эта дама боялась, что ей не заплатят. Как бы там ни было, Фредерика вновь сидит у меня на шее — что ж, коль скоро заняться ей нечем, пусть покамест помечтает о сэре Джеймсе. Да, она не на шутку влюблена в Реджинальда де Курси. Ей мало, видите ли, что, ослушавшись матери, она отказалась от весьма заманчивого предложения; она хочет вдобавок распорядиться своими чувствами по собственному усмотрению, не заручившись материнским согласием. Не было еще на свете девицы ее возраста, которая бы с большим основанием претендовала на право считаться всеобщим посмешищем. В своих чувствах она столь откровенна и столь трогательно-простодушна, что любой мужчина, надо полагать, ее

высмеет и выкажет ей пренебрежение.

В любовных делах простодушие — недостаток, и глупа та девица, что простодушна от природы или от чувств. Я пока до конца не уверена, видит ли Реджинальд, что с ней творится, а впрочем, большого значения это не имеет: сейчас он относится к ней с безразличием, когда же поймет, что она в него влюблена, отнесется с презрением, только и всего. У Вернонов ее красота вызывает восхищение, *на него* же никакого действия не оказывает. В особой чести Фредерика у своей тетки — оттого, вероятно, что она так мало похожа на меня. Для миссис Вернон она отличная компаньонка, та ведь любит во всем быть первой, в любой беседе прослыть самой дальновидной и остроумной, а затмить ее Фредерика не способна. Когда она приехала, я старалась помешать ее частым встречам с миссис Вернон, но потом успокоилась, понадеявшись, что Фредерика будет соблюдать те правила, которые я установила для их бесед.

Не подумайте только, что я, расслабившись, хоть на минуту забыла о своем намерении выдать ее замуж. Нет, об этом я думаю постоянно, хотя и не решила еще, как именно буду действовать. Устраивать все здесь, под пристальным оком

четы Вернонов, мне бы не хотелось — в Лондон же пока я поехать не могу. А раз так, придется мисс Фредерике немного подождать.

Всегда ваша С. Вернон

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

Миссис Вернон — леди де Курси Черчилл

Вчера, дорогая матушка, к нам пожаловал нежданный гость. Я сидела с детьми, когда они обедали, и вдруг услышала шум экипажа. Я вышла из комнаты и, спускаясь по лестнице, столкнулась с Фредерикой, которая стремглав взбежала по ступенькам и скрылась у себя. Я, не раздумывая, последовала за ней спросить, что произошло. «Боже! — вскричала она. — Он приехал! Сэр Джеймс приехал! Что мне теперь делать?!» Я ничего не поняла и попросила ее объясниться. В этот момент в дверь постучали: это был Реджинальд — леди Сьюзен велела ему позвать Фредерику. «Это мистер де Курси, — сказала она, густо покраснев. — Мама послала его за

мной, мне надо идти».

Мы спустились вниз, и я обратила внимание, с каким удивлением мой брат разглядывает перепуганное личико Фредерики. В столовой мы обнаружили леди Сьюзен и молодого человека благородной наружности, сэра Джеймса Мартина, того самого джентльмена, из-за которого, если помните, ее светлость соперничала с мисс Мэнверинг. Сей подвиг, впрочем, совершен был, как видно, не ради нее самой: его плодами должна была воспользоваться в дальнейшем ее дочь, — сэр Джеймс по уши влюблен в Фредерику, и ее мать это увлечение всячески поощряет. Бедной же девочке он явно не нравится, и, хотя внешность и поведение его безупречны, и мне, и мистеру Вернону он показался не слишком умным.

Фредерика была так смущена и испугана, что я ее искренне пожалела. Что же до леди Сьюзен, то к гостю она отнеслась со вниманием, однако особого удовольствия от встречи с ним, по-моему, не испытала. Сэр Джеймс не закрывал рта, многократно приносил мне свои извинения за то, что взял на себя смелость приехать в Черчилл, и смеялся куда больше, чем следовало; одно и то же он говорил по многу раз и трижды повторил, что видел миссис Джонсон несколько дней назад.

Обращался он иногда и к Фредерике, однако куда чаще к ее матери. Бедняжка не смела раскрыть рта, сидела опустив глаза, то бледнея, то краснея, Реджинальд же наблюдал за всем, что происходило, в полном молчании.

По-видимому, в конце концов леди Сьюзен это надоело, она предложила пройтись, и мы, оставив мужчин одних, отправились за шалями.

Когда мы поднялись наверх, леди Сьюзен попросила меня уделить ей несколько минут, сказав, что хотела бы поговорить со мной без свидетелей. Мы прошли в мою комнату, и, как только дверь за нами закрылась, она произнесла следующий монолог. «Поверьте, — сказала она, — сегодняшний приезд сэра Джеймса явился для меня полнейшей неожиданностью.

Вам, дорогая сестра, этот визит причинил неудобства, мне же как матери он весьма лестен. Сэр Джеймс так привязан к моей дочери, что не мог более жить, не повидав ее. Молодой человек приятной наружности и безупречной репутации, он, быть может, пока излишне *многоречив,* однако через год-другой наверняка остепенится, в остальном же он настолько подходит Фредерике, что его нежные чувства доставляют мне огромную радость, и хочется верить, что и вы,

и мой брат отнесетесь к этому союзу столь же благосклонно. Прежде я об этих намерениях не упоминала, полагая, что, покуда Фредерика учится в школе, лучше об этом не говорить; теперь же, придя к убеждению, что Фредерика уже не в том возрасте, чтобы помещать ее в пансион, и что брак ее с сэром Джеймсом не за горами, я собиралась в ближайшие дни сообщить вам и мистеру Вернону о своих планах. Надеюсь, дорогая сестра, вы поймете, чем было вызвано мое молчание, а также согласитесь, что подобные обстоятельства слишком волнительны, чтобы долго хранить их в секрете. Когда и вы будете выдавать вашу прелестную крошку Кэтрин замуж за человека, во всех отношениях столь же безупречного, вы поймете, что я сейчас чувствую, хотя, по счастью, у вас едва ли будут основания радоваться так же, как радуюсь сегодня я: Кэтрин, слава богу, хорошо обеспечена, и для нее, в отличие от моей Фредерики не будет необходимости искать выгодного жениха».

Закончила же она тем, что потребовала от меня поздравлений, каковые, боюсь, прозвучали не слишком убедительно, ибо, находясь под впечатлением от ее неожиданных признаний, да еще на столь волнующую тему, говорила я, вероятно,

излишне сбивчиво. Тем не менее она принялась горячо благодарить меня за проявленную заботу по отношению к ней и к ее дочери, а затем сказала: «Я не сильна в душевных заверениях, моя дорогая миссис Вернон, и никогда не отличалась даром выражения чувств, мне чуждых, а потому, надеюсь, вы поверите, если я скажу вам, что, какие бы похвалы ни слышала я в ваш адрес до нашего знакомства, я и представить себе не могла, что когда-нибудь полюблю вас так, как люблю сейчас. Должна также сказать вам: я тем более дорожу вашей дружбой, поскольку у меня есть некоторые основания полагать, что в свое время предпринимались попытки восстановить вас против меня. Мне бы только хотелось, чтобы все те, кому я обязана столь благородными намерениями, видели, в каких отношениях мы сейчас находимся, сколь теплые чувства питаем друг к другу! Но не буду долее вас задерживать. Да благословит вас Бог за вашу доброту ко мне и моей девочке! Будьте и впредь счастливы!»

Что можно сказать о такой женщине, дорогая матушка? Казалось бы, столь неподдельные чувства, столь возвышенные слова! И тем не менее искренность всего ею сказанного вызывает у меня серьезные сомнения.

Что до Реджинальда, то он, похоже, теряется в догадках. Появление в нашем доме сэра Джеймса совершенно сбило его с толку. Глупость молодого человека, смущение Фредерики повергли его в смятение, и, хотя короткая беседа с леди Сьюзен свое действие возымела, он, сдается мне, все же раздосадован тем, что она всячески поощряет интерес такого человека к ее дочери.

Сэр Джеймс довольно бесцеремонно напросился остаться у нас на несколько дней, выразив при этом надежду, что мы не сочтем это желание неуместным. Он и сам сознает, сколь вызывающим может показаться его поведение: повел он себя как близкий родственник, каковым, впрочем, добавил он смеясь, действительно может со временем стать. Даже леди Сьюзен была несколько смущена его развязностью — в душе она наверняка хочет, чтобы он поскорей убрался восвояси!

Если только я и ее дядя не ошибаемся в чувствах бедной крошки, мы должны ей каким-то образом помочь. Она не может быть принесена в жертву амбициям и холодному расчету, нельзя даже допустить, чтобы она испытывала по этому поводу страх. Девушка, отдавшая свое сердце Реджинальду де Курси — пусть он к ней и равно-

душен, — заслуживает лучшей участи, чем стать женой сэра Джеймса Мартина. Как только мне удастся переговорить с ней с глазу на глаз, я узнаю истинное положение дел, однако, по-моему, она меня избегает. Надеюсь, здесь нет злого умысла и не окажется, что я была о ней слишком хорошего мнения. Во всяком случае, поведение Фредерики в обществе сэра Джеймса свидетельствует о ее величайшем смущении и застенчивости, но никак не о поощрении его чувств.

Прощайте, дорогая матушка.

Ваша и проч. Кэтрин Вернон

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Мисс Вернон — мистеру де Курси

Сэр, надеюсь, вы простите мне эту вольность: не окажись я в столь сложном положении, я бы ни за что не посмела вас тревожить. Сэр Джеймс Мартин — мое несчастье, и у меня нет иного способа облегчить свое положение, кроме как написать вам (говорить на эту тему с дядей и тетей мне запрещено). А поскольку дело обстоит именно так,

боюсь, что мое обращение к вам вы воспримете не более как уловку, будто я следую лишь букве, а не духу матушкиных распоряжений. Но если вы не возьмете мою сторону и не уговорите ее отступиться, я сойду с ума, ибо переносить сэра Джеймса я не в состоянии. Вы единственный на свете человек, кого она может послушаться. А потому, если вы за меня вступитесь и уговорите ее отослать сэра Джеймса прочь, я буду вам обязана больше, чем можно выразить словами. Мне он не нравился с самого начала: уверяю вас, сэр, с моей стороны это вовсе не внезапная причуда, я всегда считала его глупым, наглым и несносным, — здесь же он ведет себя хуже, чем когда-либо. Я готова зарабатывать на жизнь тяжким трудом, лишь бы только не выходить за него замуж. Я знаю, мне нет прощения за то, что написала это письмо; знаю, что с моей стороны это было неслыханной дерзостью; сознаю, какой гнев оно вызовет у матушки, но иного выхода у меня не было.

Остаюсь, сэр, вашей покорной слугой. Ф. С. В.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон
Черчилл

Нет, это непереносимо! Никогда еще, мой бесценный друг, не пребывала я в таком бешенстве и должна излить вам душу, ибо знаю наверное, что вы меня поймете, как никто другой. Угадайте, кто приехал сюда во вторник? Сэр Джеймс Мартин собственной персоной! Можете себе представить мое изумление и раздражение — вам-то хорошо известно, что его появление в Черчилле никогда в мои планы не входило. Как жаль, что вы не знали о его намерениях. Мало того что он заявился без предупреждения — вдобавок он еще попросил разрешения остаться на несколько дней. Я готова была его убить; впрочем, воспользовавшись сложившейся ситуацией, я обо всем рассказала миссис Вернон, которая, какими бы ни были ее истинные чувства, ни словом мне не противоречила. С Фредерики я взяла слово, что она будет с сэром Джеймсом вежлива, и дала ей понять, что вопрос о ее браке с ним решен окончательно и бесповоротно. В ответ она пролепетала что-то о том, сколь безотрадной будет ее жизнь. Еще

больше утвердилась я в целесообразности этого союза, наблюдая за тем, как Фредерика увлечена Реджинальдом, и боясь, как бы подобное увлечение не сделалось взаимным. Как бы я ни презирала родившуюся из сострадания любовь, я вовсе не убеждена, что такое развитие событий невозможно. Правда, Реджинальд ничуть ко мне не переменился, однако в последнее время он часто упоминает Фредерику совершенно неожиданно и безо всякой нужды, а однажды даже высказал в ее адрес нечто весьма лестное.

Появление моего гостя было воспринято им с нескрываемым изумлением, и поначалу он наблюдал за сэром Джеймсом с вниманием, смешанным, к моему удовольствию, с ревностью, однако помучить его по-настоящему мне, увы, не пришлось, поскольку сэр Джеймс, хоть и был со мной мил до чрезвычайности, очень скоро дал всем понять, что сердце его отдано моей дочери.

Мне не составило труда убедить де Курси, оставшись с ним наедине, что меня этот союз при всех его недостатках совершенно устраивает, и таким образом все уладилось. Разумеется, они не могли не заметить, что сэр Джеймс не семи пядей во лбу, но я настрого запретила Фредерике жаловаться Чарлзу Вернону и его жене, чем лишила их

возможности вмешиваться, хотя не сомневаюсь, что моя наглая невестка использовала бы для этого любой предлог.

Тем не менее все шло тихо и спокойно, и, хоть я и считала часы, когда же сэр Джеймс наконец нас покинет, такое положение дел меня вполне устраивало. Вообразите же, каковы были мои чувства, когда внезапно все мои планы рухнули! И разрушил их тот, от кого я меньше всего этого ожидала. Сегодня утром ко мне в комнату входит Реджинальд и после короткого предисловия принимается пространно и с важным видом убеждать меня в том, сколь ошибочно и неблагородно я поступаю, позволяя сэру Джеймсу Мартину свататься к моей дочери вопреки ее желанию. Признаться, я была потрясена. Когда же я поняла, что настроен он более чем серьезно, то потребовала от него объяснений, пожелав узнать, что побудило его завести со мной этот разговор и кто его уполномочил мне выговаривать. И тогда он сообщил, не скупясь на неуместные выражения нежных чувств, каковые я выслушала с полнейшим безразличием, что моя дочь познакомила его с некоторыми обстоятельствами, касающимися ее самой, сэра Джеймса и меня, чем крайне его встревожила.

Короче говоря, выяснилось, что она ему написала, попросив вмешаться, и что он, получив от нее письмо, побеседовал с ней, дабы вникнуть во все подробности дела и удостовериться в ее истинных намерениях.

У меня нет никаких сомнений в том, что девчонка воспользовалась этой возможностью, чтобы признаться ему в любви, — в этом меня убеждает и то, *как* он о ней говорил. Что ж, он заслужил эту любовь! Мужчина, потворствующий страсти, которую сам никогда не стремился разжечь и признания в которой никогда не добивался, ничего, кроме презрения, не вызывает. Мне ненавистны они оба. Он — за то, что ко мне равнодушен, в противном случае не стал бы ее слушать; она, эта строптивая маленькая смутьянка, — за то, что ищет защиты у молодого человека, с которым едва успела перемолвиться словом. Мне одинаково претит и *ее* бесстыдство, и *его* легковерие. Как посмел он поверить всему тому, что она говорила мне в осуждение?! Как мог усомниться в том, что у меня имелись самые веские причины поступить именно так, а не иначе?! Где была его убежденность в моей мудрости и добродетели? Где было подсказанное истинным чувством негодование против существа, меня

порочащего? И кого?! Ничтожества, девчонки, у которой нет ни талантов, ни образования и которую сам он всегда готов был презирать!

Некоторое время я не выдавала своего раздражения, однако даже самая большая выдержка не беспредельна, и в дальнейшем я дала Реджинальду почувствовать мое неудовольствие. Он изо всех сил старался заставить меня смягчиться, но глупа та женщина, что оскорблена и, однако же, поддается на комплименты. В конце концов он ушел рассерженный не меньше, а даже *больше* моего. Я была совершенно спокойна, он же преисполнен ярости и возмущения. Надо полагать, его гнев в самом скором времени уляжется и, может, исчезнет вовсе, мой же и впредь будет неукротим.

Сейчас он заперся в своих покоях, куда, выйдя от меня, тотчас же направился. Могу вообразить, в какие грустные размышления он погружен! А впрочем, человеческие чувства ведь неисповедимы. Я еще недостаточно успокоилась, чтобы повидать Фредерику. События сегодняшнего дня она забудет не скоро. Она убедится, что напрасно изливала свою израненную любовью душу, что в результате стала всеобщим посмешищем, вызвав крайнее возмущение своей оскорбленной

матери.

Преданная вам С. Вернон

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Миссис Вернон — леди де Курси Черчилл

Позвольте мне от души поздравить вас, дорогая матушка: история, которая причинила нам столько огорчений, близится к счастливому концу. Наши надежды на успех весьма радужны, и, поскольку все должно завершиться самым благополучным образом, мне искренне жаль, что я делилась с вами своими опасениями: радость от миновавшей опасности едва ли искупает тяжкие переживания.

Я пребываю в столь возбужденном состоянии, что с трудом держу в руке перо, однако исполнена решимости послать вам с оказией несколько строк, дабы объяснить то, что, вне всяких сомнений, несказанно вас удивит, а именно что Реджинальд возвращается в Парклендс.

Полчаса назад я сидела в гостиной с сэром

Джеймсом, как вдруг меня вызывает мой брат. Я сразу поняла: что-то произошло — он раскраснелся, голос у него дрожал. Вы же знаете, матушка, как легко он возбуждается, если происходит что-то для него важное.

«Кэтрин, — сказал он, — я сегодня же возвращаюсь домой. Прости, что уезжаю, но мне пора — давно не видел родителей. Отправляю вперед Джеймса с моими лошадьми, можешь поэтому, если есть письма, передать с ним. Сам же я окажусь дома не раньше среды или четверга, так как должен еще заехать по делам в Лондон. Но прежде чем покинуть Черчилл, — тут он понизил голос и заговорил с еще большим чувством, — я должен тебя кое о чем попросить. Воспрепятствуй тому, чтобы Фредерика Вернон связала свою жизнь с этим Мартином. Он хочет жениться на ней, ее мать всячески этому способствует, она же об этом браке и помыслить не может. Уверяю тебя, я знаю, что говорю.

Знаю, что Фредерика ждет не дождется, когда сэр Джеймс отсюда уедет. Она славная девочка и заслуживает лучшей участи. Немедленно с ним распростись. Сам-то он обыкновенный болван, но каковы планы ее матери, дано знать только небесам. Прощай, — добавил он, крепко пожимая

мне руку, — не знаю, когда теперь увидимся. Но помни, что я сказал тебе про Фредерику. Ты обязана позаботиться о том, чтобы с ней поступили по справедливости. Она прелестна и очень умна, гораздо умнее, чем мы думали».

С этими словами он повернулся и побежал наверх. Остановить его я даже не пыталась, ибо понимала, какие чувства им владеют; что же до тех чувств, какие испытывала я, слушая его рассказ, то передать их невозможно. С минуту я, ошеломленная и удивленная — радостно-удивленная, — неподвижно стояла на месте; впрочем, чтобы ощутить истинную радость от происшедшего, надо было успокоиться и все взвесить.

Спустя десять минут в гостиную вошла леди Сьюзен. Естественно, я полагала, что они с Реджинальдом поссорились, и взглянула на нее с тревожным любопытством, пытаясь отыскать на ее лице подтверждение своей догадки. Однако вид у этой непревзойденной обманщицы был совершенно невозмутимый. Поговорив со мной на какие-то несущественные темы, она словно невзначай обронила: «Я узнала от Уилсона, что мистер де Курси с нами расстается. Он и в самом деле сегодня покидает Черчилл?» Я ответила утвердительно. «Странно, еще вчера вечером он

об этом и словом не обмолвился, — заметила она, смеясь. — Да и сегодня утром за завтраком тоже. Возможно, он и сам об этом еще ничего не знал. Молодые люди ведь часто принимают скоропалительные решения, которым, впрочем, далеко не всегда следуют. Не удивлюсь, если в последнюю минуту он передумает и никуда не поедет».

Вскоре после этого она вышла из комнаты. Хочется надеяться, дорогая матушка, что у нас нет оснований бояться, что Реджинальд и в самом деле передумает, — история зашла слишком далеко. Вероятно, они действительно поссорились, и, скорее всего, из-за Фредерики. Невозмутимость леди Сьюзен меня поражает. Представляю, какую радость вы испытаете, вновь увидев своего сына по-прежнему достойным вашей любви, по-прежнему способным доставлять своим родителям счастье!

Надеюсь, что в своем следующем письме я буду иметь возможность сообщить вам, что сэр Джеймс уехал, леди Сьюзен потерпела поражение и у Фредерики спокойно на душе. Конечно, еще очень многое предстоит сделать, но все непременно устроится. Очень хочется поскорей узнать, чем все-таки вызван его внезапный отъезд. Кончаю тем же, с чего начала, — искренними

поздравлениями.

Всегда ваша Кэтрин Вернон

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же — той же
Черчилл

Могла ли я предположить, дорогая матушка, когда отсылала вам свое последнее письмо, что ликование мое окажется столь скоротечным? Очень сожалею, что вообще вам написала. Но кто мог заранее знать, что случится? Надежда, еще два часа назад меня окрылявшая, теперь исчезла. Леди Сьюзен и Реджинальд помирились, и все пошло по-старому. Правда, сэр Джеймс Мартин, по счастью, отбыл. На что же нам теперь уповать? Я и в самом деле очень разочарована. Ведь Реджинальд чуть было не уехал — лошади уже были заложены и только что не стояли у дверей! Еще мгновение — и мы были бы спасены!

В течение получаса я с минуты на минуту ждала его отъезда. Отослав вам письмо, я пошла в кабинет к мистеру Вернону, где провела некото-

рое время, обсуждая случившееся. Затем решила поискать Фредерику, которую после завтрака не видела. Я нашла ее на лестнице и обнаружила, что девочка плачет.

— Дорогая тетушка, — воскликнула она, — он уезжает, мистер де Курси уезжает, и это моя вина. Боюсь, что вы рассердитесь, но, честное слово, я даже представить себе не могла, что так получится!

— Не стоит передо мной извиняться, душенька, — возразила я. — Я была бы благодарна каждому, кто способствовал возвращению брата домой. Дело в том, — нашлась я, — что его отец хочет поскорей с ним повидаться. Но скажи мне, какое отношение к его отъезду имеешь *ты*?

— Я была так несчастна из-за сэра Джеймса, — сказала Фредерика, густо покраснев, — что с собой не справилась… Я знаю, что поступила очень дурно… но вы не представляете, как мне было тяжело… а мама велела ни под каким видом не говорить об этом с вами или с дядей… и…

— И поэтому ты обратилась к моему брату, попросив вмешаться *его*, — перебила я, чтобы избавить ее от мучительных объяснений.

— Нет, я ему написала. В самом деле. Сегодня утром я встала затемно… и два часа сочиняла

письмо… когда же оно было написано, я никак не могла набраться смелости вручить его. Однако после завтрака, когда я шла к себе, мистер де Курси повстречался мне в коридоре, и решив, что если я не передам письмо сейчас, то уже не передам никогда, я себя пересилила… Он был так добр, что сразу же его взял… я же, не посмев даже взглянуть на него, тотчас убежала. Меня охватил безумный страх. Вы не представляете, дорогая тетушка, как я была несчастна…

— Фредерика, — сказала я, — обо всех своих несчастьях тебе следовало рассказать *мне*.

Во мне ты нашла бы друга, всегда готового прийти тебе на помощь. Неужели ты думаешь, что твой дядя и я не оказали бы тебе столь же решительную поддержку, как и мой брат?

— Разумеется, я не сомневалась в вашей доброте, — сказала она, и ее личико вновь залилось краской стыда, — но я подумала, что именно мистер де Курси сумеет уговорить маму. Однако я ошиблась: они повздорили, и вот теперь он уезжает. Мама никогда мне этого не простит, и мне будет еще хуже, чем раньше.

— Нет, — возразила я, — не будет. В подобных случаях тебе следует обращаться ко мне, вопреки запретам твоей матери. Она не имеет никакого

права обижать тебя, и я этого не допущу. Оттого же, что ты обратилась к Реджинальду, выиграли все. Все к лучшему. Даю тебе слово, больше мы тебя в обиду не дадим.

Каково же было мое изумление, когда в эту самую минуту я увидела Реджинальда, выходящего из комнаты леди Сьюзен. Меня сразу же охватило дурное предчувствие. Вид у него был явно смущенный. Фредерика мгновенно исчезла.

— Ты едешь? — спросила я. — Мистер Вернон у себя.

— Нет, Кэтрин, — ответил он, — я передумал. Не уделишь ли мне несколько минут?

Мы пошли в мою комнату.

— Я осознал, — продолжил он, волнуясь с каждым словом все больше, — что действовал с присущей мне поспешностью. Я совершенно не понял леди Сьюзен и, неверно истолковав ее поведение, готов был покинуть твой дом. Произошла очень серьезная ошибка — полагаю, ошибались мы все. Фредерика не знает своей матери: леди Сьюзен желает ей добра — и не хочет ей довериться. Вот почему леди Сьюзен не всегда может понять, что на пользу ее дочери, а что нет. К тому же *я* не имел никакого права вмешиваться — мисс Вернон не следовало ко мне

обращаться. Короче говоря, Кэтрин, все сложилось крайне неудачно, однако сейчас счастливо разрешилось. Леди Сьюзен, насколько я понимаю, хотела бы, если ты не занята, переговорить с тобой о случившемся.

— Конечно, — сказала я, тяжело вздыхая. Его рассказ показался мне малоубедительным. Я, однако, никаких замечаний себе не позволила, мне не хотелось тратить слова попусту. Реджинальд был рад, что может ретироваться, я же отправилась к леди Сьюзен — что-то скажет она?

— Помните, я вам говорила, — начала она с улыбкой, — что ваш брат нас не покинет?

— Да, — сухо отвечала я, — однако я льстила себя надеждой, что вы ошибаетесь.

— Я бы не посмела высказать это предположение, — продолжала она, — если бы в ту минуту мне не пришло в голову, что его решение нас покинуть явилось следствием разговора, который состоялся у нас сегодня утром и результатом которого он был весьма недоволен, ибо между нами возникло недоразумение. Стоило мне прийти к этой мысли, как я немедленно сочла, что из-за этой размолвки, в которой, вероятно, я виновата не меньше, чем он, вы не должны лишаться общества вашего брата. Если помните, я

почти сразу же вышла из комнаты с намерением немедленно исправить положение — насколько это возможно, разумеется. Вот как обстояло дело. Фредерика наотрез отказалась выходить замуж за сэра Джеймса.

— И вашу светлость это удивляет?! — с горячностью вскричала я. — Фредерика — девочка необыкновенно умная, чего про сэра Джеймса никак не скажешь.

— Меня ее отказ ничуть не смущает, — возразила она. — Напротив, радует, так как это лишь свидетельствует об уме моей дочери. Сэр Джеймс, спору нет, не Соломон (из-за своей непосредственности он кажется глупей, чем есть на самом деле), и, обладай Фредерика проницательностью и способностями, которые я хотела бы видеть у своей дочери, или хотя бы имей я подозрение, что она совсем не глупа, я бы не стремилась так к этому союзу.

— Странно, что только вы одна пребываете в неведении относительно ума вашей дочери, — сказала я.

— Фредерика никогда не умела показать товар лицом, — продолжала леди Сьюзен. — Она стеснительна и ребячлива. Кроме того, она меня боится. Пока был жив ее бедный отец, она росла

избалованным ребенком, однако из-за строгости, в которой я была вынуждена в дальнейшем ее держать, ее привязанность ко мне притупилась; к тому же в ней нет той энергии, того блеска, которые сразу же бросаются в глаза.

— Скажите лучше, ей не довелось получить хорошее образование.

— Клянусь Богом, любезная миссис Вернон, что я в *полной* мере отдаю себе в этом отчет; вместе с тем мне хотелось бы забыть все, что бросает тень на человека, память о котором для меня священна.

Тут она притворилась, что вот-вот расплачется. Я почувствовала, что начинаю терять терпение.

— А что ваша светлость имели сообщить мне о размолвке с моим братом? — поинтересовалась я.

— Размолвка вышла из-за поступка моей дочери, в равной мере свидетельствующего о ее безрассудстве и о том страхе, который она, как я уже говорила, к несчастью, ко мне испытывает. Она написала мистеру де Курси письмо.

— Мне это известно. Вы же запретили ей говорить с мистером Верноном или со мной о причине своего горя, вот ей ничего и не оставалось, как обратиться к моему брату!

— Боже милостивый! — вскричала она. — Как же дурно вы обо мне думаете! Неужто вы полагаете, что я подозревала, насколько она несчастна? Что я задалась целью обречь на страдания собственную дочь? И запретила ей говорить с вами на эту тему из страха, что вы воспрепятствуете моим дьявольским козням? Неужто вы думаете, что я совершенно бесчувственна? И способна принести несчастье *той,* способствовать чьему благополучию — мой первейший долг?! Как могли вы подумать такое?

— И все же чем вы руководствовались, приказав ей молчать?

— А какой, дорогая сестра, был прок обращаться к вам? Ведь в этом случае я вынуждала вас выслушивать мольбы, которые сама выслушивать отказывалась. Это было бы нежелательным и для вас, и для нее, да и для меня самой тоже. Ведь коль скоро я приняла решение, вмешательства со стороны, пусть и самого дружеского, допустить не могла. Да, я ошиблась, это правда, но тогда мне казалось, что поступаю правильно.

— В чем же состояла ошибка, на которую ваша светлость так часто ссылается? Как у вас могло возникнуть столь превратное представление о чувствах вашей дочери? Разве вы не догадыва-

лись, что сэр Джеймс Фредерике неприятен?

— Я понимала, что это не совсем тот человек, которого бы она сама выбрала. Но мне казалось, что ее неприязнь вызвана вовсе не его скудоумием. А впрочем, дорогая сестра, лучше не расспрашивайте меня об этом столь подробно, — продолжала она, в порыве искреннего чувства стиснув мне руку. — Тут, честно вам признаюсь, есть что скрывать. Фредерика ужасно меня огорчает. Особенно тем, что обратилась к мистеру де Курси.

— Не вижу здесь ничего особенного, — возразила я. — Если ваша дочь привязана к Реджинальду, неприязнь, которую она питает к сэру Джеймсу, понятна не меньше, чем если бы источником этой неприязни была его глупость. При этом мне все равно непонятно, с какой стати было вашей светлости ссориться с моим братом из-за того, что он вмешался в это дело. Вы же понимаете, не в его натуре отказать, раз его так об этом просят.

— Человек горячий, он в запальчивости пришел упрекать меня за то, как я обошлась с несчастной девочкой, с этой страдалицей. Он целиком встал на ее сторону, и между нами возникло недоразумение. Он преувеличил мою вину, я же сочла его вмешательство менее простительным, чем

нахожу сейчас. Я очень высокого о нем мнения и была крайне удручена, когда обнаружила, что он моим к нему отношением пренебрег. Мы оба погорячились, и, конечно же, оба виноваты. Решение покинуть Черчилл он также принял сгоряча; когда же я поняла, что у него на уме, и в то же время задумалась над тем, что мы, быть может, неправильно поняли друг друга, я решила, пока не поздно, с ним объясниться. Я питаю теплые чувства ко всем членам вашей семьи, и, должна признаться, меня бы очень огорчило, если бы мое знакомство с мистером де Курси закончилось столь печально. Смею вас уверить: теперь, когда убедилась, что у Фредерики были основания испытывать к сэру Джеймсу неприязнь, я немедленно сообщу ему, чтобы он оставил всякую надежду на брак с ней. Я ругаю себя за то, что, сама того не сознавая, так ее этим мучила. Она будет вознаграждена за свои страдания, и, если ценит свое собственное счастье не меньше, чем ценю его я, если будет придерживаться здравых суждений и вести себя как подобает, ей не о чем беспокоиться. Простите же меня, дорогая сестра, за то, что отняла у вас столько времени, но я должна была выговориться; надеюсь, после этого объяснения я не упаду в ваших глазах.

Мне хотелось крикнуть: «Да уж больше некуда!» — но, с трудом сдержавшись, я покинула ее, не сказав и двух слов. Мои нервы были напряжены до крайности. Начни я говорить, я бы не смогла остановиться. Ее самоуверенность, ее лицемерие… но не будем об этом — боюсь, вы примете мои слова слишком близко к сердцу. У меня, во всяком случае, сердце сжимается, когда я пишу эти строки.

Немного придя в себя, я вернулась в гостиную. Экипаж сэра Джеймса уже стоял у дверей, и он, как всегда веселый и беззаботный, вскоре отбыл. Ее светлости ничего не стоит сначала обнадежить влюбленного, а затем прогнать его!

Несмотря на обретенную свободу, Фредерика по-прежнему печальна: возможно, она все еще страшится материнского гнева и, не желая отъезда моего брата, испытывает ревность при мысли, что он остается. Я вижу, как внимательно следит она за ним и за леди Сьюзен. Бедняжка, теперь-то ей не на что надеяться, ее чувство останется без взаимности! Правда, сейчас он относится к ней иначе, он отдает ей должное, однако его примирение с леди Сьюзен лишает ее всяких надежд на большее.

Итак, дорогая матушка, готовьтесь к худшему.

Вероятность их брака, несомненно, возросла. Теперь он у нее в руках. Когда же это грустное событие произойдет, забота о Фредерике целиком ляжет на наши плечи.

Хорошо, что разница во времени между предыдущим письмом и этим невелика, ибо чем меньше будет длиться ваша радость от первого письма, тем меньшее разочарование вы испытаете от второго.

Всегда ваша Кэтрин Вернон

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон
Черчилл

Поздравьте меня, дорогая Алисия. Я вновь весела, я вновь торжествую победу. Когда я писала вам несколько дней назад, я пребывала в большом раздражении — и не случайно. Не знаю, впрочем, имею ли я право почивать на лаврах: на восстановление мира у меня ушло куда больше сил, чем я могла предположить. У Реджинальда оказался гордый и крутой нрав: этот дерзкий

мальчишка возомнил себя борцом за высшую справедливость! Я ему еще это припомню. Представьте, он чуть было не покинул Черчилл! Об этом, когда я дописывала вам свое последнее письмо, мне сообщил Уилсон. Я поняла, что надо действовать: не могла же я допустить, чтобы мужчина, преисполненный праведного негодования, указывал мне на мои недостатки. Репутация моя пострадала бы, позволь я ему уехать настроенным против меня, — учитывая это, я была вынуждена отступить.

Я отправила к нему Уилсона сказать, что мне бы хотелось, прежде чем он уедет, с ним переговорить. Он явился незамедлительно. Вид у него был не столь рассерженный, как после нашей последней беседы. Казалось, он был искренне удивлен, что я его вызвала, и выражение его лица было такое, словно он одновременно испытывает и желание, и страх пойти мне навстречу.

Если мое выражение лица соответствовало поставленной цели, то оно было сдержанным и достойным и в то же время задумчивым: пусть знает, что меня что-то гнетет. «Прошу прощения, сэр, что позволила себе послать за вами, — начала я, — но узнав о вашем намерении сегодня же покинуть этот дом, я сочла своим долгом просить

вас ни в коем случае не сокращать из-за меня свое пребывание здесь. Я прекрасно понимаю: после того, что между нами произошло, нам не пристало дольше оставаться под одной крышей. Столь решительная и бесповоротная перемена в наших еще совсем недавно доверительных, дружеских отношениях непременно превратит всякое дальнейшее общение в тяжкую пытку, и ваше решение покинуть Черчилл в полной мере соответствует как возникшей ситуации, так и сильным чувствам, столь вам свойственным. Вместе с тем я не могу допустить, чтобы из-за меня вы жертвовали собой и расстались с родственниками, к которым так привязаны и которыми так любимы. Мое пребывание здесь не может доставить мистеру и миссис Вернон того удовольствия, какое доставляет ваше общество, вдобавок визит мой и без того затянулся. Поэтому мой отъезд, который в любом случае не заставил бы себя долго ждать, можно с легкостью ускорить, тем более что мне, поверьте, очень бы не хотелось способствовать разладу в столь дружной и любящей семье. Куда поеду я, безразлично всем остальным и несущественно для меня самой, *вы* же одинаково значимы для всех ваших близких». Этими словами я завершила свою речь, которая,

смею надеяться, вам понравится.

Воздействие этого монолога на Реджинальда оправдало мои ожидания: оно было столь же благоприятным, сколь и незамедлительным. О, с каким восторгом наблюдала я за тем, как меняется выражение его лица, какая отчаянная борьба происходит между возвращающейся нежностью и остатками недовольства. Хорошо иметь дело с человеком, обладающим столь переменчивыми чувствами; нет, я вовсе ему не завидую, я ни за что не согласилась бы обладать ими сама, но подобная восприимчивость очень удобна, когда хочешь играть страстями другого. А ведь тот самый Реджинальд, который сразу же, стоило произнести всего несколько слов, мне полностью покорился, сделавшись еще более послушным, сговорчивым, преданным, чем прежде, мог бы, преисполненный гнева и гордыни, не пожелав даже выслушать мои объяснения, уйти, хлопнув дверью!

Хоть он и посрамлен, я не могу простить ему его гордыни; быть может, мне следовало бы наказать его, расставшись с ним сразу после нашего примирения либо женив его на себе и терзая всю оставшуюся жизнь. Впрочем, подобные меры слишком жестоки и требуют длительных разду-

мий. В настоящее же время мысли мои заняты другим. Сделать мне предстоит немало. Я должна наказать Фредерику, причем наказать примерно, за ее обращение к Реджинальду; я должна наказать Реджинальда за то, что на ее просьбу он откликнулся с такой горячностью, да и за все остальное тоже. Я должна досадить своей невестке, всем своим видом и поведением торжествующей победу после отъезда сэра Джеймса — этим злополучным дурнем я вынуждена была пожертвовать, дабы вернуть себе Реджинальда, — и, наконец, я должна расквитаться за все то унижение, какое испытала в эти дни. На этот счет у меня есть различные соображения. Кроме того, каковы бы ни были мои дальнейшие планы, я намереваюсь в самом скором времени оказаться в Лондоне, ведь это самое благоприятное поле деятельности, чем бы я ни занималась. В любом случае ваше общество и столичные развлечения вознаградят меня за муки, что уже больше двух месяцев я вынуждена терпеть в Черчилле.

Не в моем характере, раз уж я задалась этой целью, отказаться от мысли выдать дочь замуж за сэра Джеймса. Хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу. Вы ведь знаете: уступчивость и сговорчивость, так ценимые многими,

не те черты, какими я бы хотела обладать, да и причудам Фредерики, которые идут вразрез с мнением ее матери, равно как и ее праздному увлечению Реджинальдом, потворствовать не следует. Мой долг — развеять весь этот романтический вздор, а потому, принимая во внимание все вышесказанное, мне надлежит доставить ее в Лондон и незамедлительно выдать замуж за сэра Джеймса.

Когда же я настою на своем, можно будет гордиться хорошими отношениями с Реджинальдом. В настоящий же момент гордиться решительно нечем: хоть он по-прежнему в моей власти, я уступила в вопросе, из-за которого и вышла наша размолвка, а потому, даже если я и одержала победу, победа эта весьма сомнительна.

Сообщите мне ваше мнение обо всем этом, моя дорогая Алисия, и дайте знать, можете ли вы снять мне сносное жилье неподалеку от вас.

Преданная вам С. Вернон

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Миссис Джонсон — леди Сьюзен

Эдвард-стрит

Я рада, что вы ждете моего совета. Вот он: не теряя времени даром, приезжайте в Лондон, Фредерику же с собой не берите. Было бы куда разумнее упрочить собственное положение в обществе, выйдя замуж за мистера де Курси, чем вызывать раздражение у него и у всех членов семьи стремлением выдать Фредерику за сэра Джеймса. Вам следует больше думать о себе и меньше о своей дочери. Она не прибавит вам уважения в свете, и в Черчилле, у Вернонов, мне кажется, ей самое место.

Вы же созданы для общества, и нелепо обрекать себя на жизнь вне его. А потому предоставьте Фредерике мучиться угрызениями совести за те страдания, которые она вам причинила; пусть терзается от неразделенной любви, вы же не мешкая отправляйтесь в Лондон.

Уговариваю вас приехать еще по одной причине.

На прошлой неделе в Лондон прибыл Мэнверинг, которому, невзирая на мистера Джонсона, удалось найти возможность со мной увидеться. Он безумно страдает без вас и до такой степени ревнует вас к де Курси, что в настоящее время их встреча была бы весьма нежелательна. И все

же, если вы откажетесь от встречи с ним здесь, не поручусь, что он не совершит какой-нибудь опрометчивый поступок — к примеру, не отправится в Черчилл, — что привело бы к самым ужасным последствиям. Если же вы последуете моему совету и решитесь выйти замуж за мистера де Курси, вам необходимо отделаться от Мэнверинга — уговорить же его вернуться к жене можете только вы.

И еще одно соображение в пользу вашего приезда. В следующий вторник мистер Джонсон уезжает лечиться в Бат, и, если воды будут способствовать его здоровью и моим желаниям, в обществе своей подагры он проведет не один месяц. В его отсутствие у нас будет возможность общаться, с кем мы пожелаем, и пожить наконец-то в свое удовольствие. Я предложила бы вам переехать на Эдвард-стрит, не возьми он с меня слова никогда не приглашать вас к себе домой. Поверьте, если бы не крайняя нужда в деньгах, я бы никогда не дала ему этого обещания. Могу, однако, снять вам прелестную квартирку с гостиной на Аппер-Сеймур-стрит, и тогда мы все время будем вместе, у вас или у меня, ведь согласно данному мною обещанию вам возбраняется (по крайней мере, в его отсутствие) лишь ночевать

у нас дома.

Чего только не рассказывает бедный Мэнверинг о ревности своей супруги! Впрочем, на верность столь обворожительного мужчины рассчитывать может лишь очень глупая женщина. К слову, она всегда была непереносимо глупа — иначе не вышла бы за него замуж. Ведь он без гроша за душой, а она — наследница огромного состояния! Могла бы найти жениха познатней баронета! Выйдя же за него, она совершила поступок столь опрометчивый, что, хоть я, как правило, и не разделяю чувств мистера Джонсона, который был ее опекуном, простить ее я также никогда не смогу.

Прощайте, ваша Алисия

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Миссис Вернон — леди де Курси
Черчилл

Это письмо, дорогая матушка, вам передаст Реджинальд. Его затянувшийся визит в Черчилл наконец подходит к концу, но, боюсь, расставание произошло слишком поздно и нам оно уже

не поможет. *Она* уезжает тоже — в Лондон, повидаться со своей ближайшей подругой миссис Джонсон. Поначалу она решила взять Фредерику с собой, для продолжения учебы, однако нам удалось ее отговорить. Фредерике ужасно не хотелось ехать, да и для меня мысль, что девочка будет целиком зависеть от матери, совершенно непереносима. Все столичные учителя вместе взятые не стоят ее душевного покоя. Опасение вызывает у меня и ее здоровье — вообще все за исключением, пожалуй, жизненных принципов; *здесь*, как мне представляется, ей не способен повредить никто, даже ее собственная мать со своими друзьями. А ведь именно в обществе ее друзей (уверена, людей весьма сомнительных) или же в полном одиночестве она, должно быть, проводила бóльшую часть времени — какое из двух зол худшее, сказать трудно. Если же она и впредь будет жить вместе с матерью, ей не избежать частых встреч с Реджинальдом, а этого мы допустить никак не можем.

Пока, однако, ей все это не грозит. Наши каждодневные занятия, наши книги и беседы, прогулки, дети и все прочие домашние радости, которые я могу доставить бедняжке, надеюсь, позволят ей постепенно забыть о пылком увлечении юных

лет. Я бы ни на минуту в этом не усомнилась, не будь соперницей Фредерики ее собственная мать.

Сколько времени леди Сьюзен пробудет в Лондоне и вернется ли сюда вновь, мне неизвестно. Искренне просить ее вернуться я бы не смогла, но, если она все же сочтет нужным приехать, отсутствие радушия с моей стороны ее, естественно, не остановит.

Узнав, что ее светлость направляется в Лондон, я не удержалась и спросила Реджинальда, не намеревается ли он провести эту зиму в столице, и, хоть он и ответил, что на сегодняшний день определенных планов на этот счет не имеет, что-то в его глазах противоречило его словам. Но довольно жалоб. Дело представляется мне решенным, и я в отчаянии покоряюсь судьбе. Если он в скором времени простится с вами и уедет в Лондон, все будет кончено.

Преданная вам Кэтрин Вернон

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Миссис Джонсон — леди Сьюзен

Эдвард-стрит

Бесценный друг, пишу это письмо в глубокой печали — только что произошло нечто крайне неприятное. Мистер Джонсон изыскал способ досадить нам обеим. Полагаю, до него дошли слухи, что в ближайшее время вы будете в Лондоне, и он ухитрился слечь с таким приступом подагры, из-за которого его поездка в Бат в лучшем случае откладывается, в худшем же — отменяется вовсе. Я убеждена, что подагрические приступы моего супруга начинаются и прекращаются по его собственному усмотрению; то же самое произошло, когда я собиралась с Гамильтонами на озера; три же года назад, когда в Бат захотелось поехать *мне,* он о подагре и думать забыл.

Я рада, что мое письмо оказало на вас благотворное воздействие и что теперь де Курси, безусловно, ваш. Дайте знать, как только приедете, главное же — сообщите, как собираетесь поступить с Мэнверингом. Когда мне удастся вас увидеть, сейчас сказать невозможно. Я повязана по рукам и ногам. Заболеть здесь, а не в Бате — уловка настолько дьявольская, что я совершенно собой не располагаю. В Бате вокруг него хлопотали бы его старые тетушки, здесь же уход за ним — целиком моя обязанность; к тому же боль

он переносит с таким стоическим терпением, что я лишена возможности дать выход своему раздражению.

Всегда ваша Алисия

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон
Аппер-Сеймур-стрит

Дорогая Алисия, мистера Джонсона я ненавидела всем сердцем и до его последнего приступа подагры, теперь же отвращение, которое я к нему питаю, поистине не имеет границ. Держать вас взаперти! Использовать в качестве сиделки! Вы, моя дорогая Алисия, совершили непоправимую ошибку, выйдя замуж за человека его возраста. В его годы мужчины не обращают на женщин внимания, сумасбродны и мучаются подагрой. Ваш муж слишком стар, чтобы доставлять удовольствие, и недостаточно стар, чтобы отправиться на тот свет.

Я приехала вчера к вечеру, часов около пяти, и не успела пообедать, как явился Мэнверинг.

Знали бы вы, какое удовольствие он мне доставил своим визитом, сколь велика разница между ним и Реджинальдом, причем никак не в пользу последнего. Я даже провела часа два в колебаниях, стоит ли вообще выходить замуж за Реджинальда, и, хотя сомнение это слишком вздорно и нелепо, чтобы надолго задержаться в моем сознании, особого желания вступать с ним в брак я не испытываю, равно как и не жду с нетерпением того дня, когда Реджинальд согласно нашей договоренности приедет в Лондон. Возможно даже, я под тем или иным предлогом его приезд отложу. Ему нельзя здесь появляться, покуда не уедет Мэнверинг.

Брак с Реджинальдом, повторяю, временами вызывает у меня большие сомнения. Если бы знать, что старик скоро умрет, я бы не колебалась, однако зависимость от капризов сэра Реджинальда непременно ущемит мою свободу; если же я приму решение дожидаться его смерти, то в оправдание отсрочки брака всегда смогу сказать, что овдовела совсем недавно.

Мэнверингу о своих намерениях я не сказала ни слова — мои отношения с Реджинальдом он счел не более чем заурядным флиртом и несколько успокоился. Прощайте же. От квартиры я

без ума.

Всегда ваша С. Вернон

ПИСЬМО ТРИДЦАТОЕ

Леди Сьюзен — мистеру де Курси
Аппер-Сеймур-стрит

Я получила ваше письмо и, хотя, не скрою, была рада, что вы с нетерпением ждете встречи, считаю необходимым срок нашего свидания отложить. Не сочтите такое своеволие проявлением черствости и не обвиняйте меня в непостоянстве, не выслушав прежде мои резоны. По пути из Черчилла в Лондон у меня было довольно времени поразмыслить о нынешнем состоянии наших отношений, и я пришла к убеждению, что они требуют тактичности и осмотрительности, каковыми мы с вами нередко пренебрегали. Наши чувства побуждают нас к поспешности, которая плохо сообразуется с требованиями наших друзей и мнением света. Мы действовали неблагоразумно, строя планы нашего скорого союза, не будем же усугублять это безрассудство: есть все

основания опасаться, что друзья, чьим мнением вы дорожите, не одобрят наших отношений.

Не нам обвинять вашего отца за его желание подыскать вам выгодную партию; когда состояние семьи столь велико, стремление его приумножить — в порядке вещей и не может вызывать удивления или негодования. Он имеет право настаивать, чтобы его невестка была женщиной состоятельной, и я иной раз ругаю себя за то, что позволяю вам вести себя столь недальновидно. Впрочем, всякий, кто испытывает чувства, подобные моим, поддается доводам рассудка, увы, слишком поздно.

Овдовела я лишь несколько месяцев назад, и, как бы мало ни была обязана покойному супругу своим семейным счастьем, не вправе забывать, что бестактность столь поспешного второго брака вызовет недовольство света и, что для меня еще более невыносимо, неудовольствие мистера Вернона. Я бы сумела перенести всеобщее порицание, однако упасть в *его* глазах мне было бы, как вы сами хорошо понимаете, особенно тяжело; мучительным было бы и сознание того, что я поссорила вас с вашей семьей. От мысли, что я стала камнем преткновения в отношениях сына и отца, я, как существо ранимое, была бы глубоко

несчастна даже с *вами*.

А потому желательно отсрочить наш союз до тех пор, покуда события не будут нам благоприятствовать. Разлука пойдет нам на пользу. Нам не следует встречаться. Какой бы жестокой ни казалась вам эта фраза, необходимость произнести ее, каковая только и может оправдать ее в моих устах, станет очевидной и вам, если вы посмотрите на наше положение в том свете, в каком я вынуждена была вам его представить. Вы можете — нет, должны — быть уверены в том, что лишь долг вынудил меня, позабыв собственные чувства, настоять на длительной разлуке; в безразличии же к вашим чувствам вы вряд ли можете меня упрекнуть. Поэтому, повторюсь, пока нам не следует встречаться. Расставшись на несколько месяцев, мы успокоим миссис Вернон, которая, привыкнув наслаждаться всеми благами жизни, считает богатство непременным условием любого брака и которой не дано постичь наши с вами чувства.

С нетерпением жду от вас ответа. Напишите, что принимаете мои доводы и меня за них не упрекаете. Я не вынесу упреков. Я не столь самоуверенна, чтобы испытывать нужду в критике. Попытаюсь найти отдушину в светском обще-

стве — по счастью, многие мои друзья сейчас в Лондоне, Мэнверинги в том числе. Вы ведь знаете, как я ценю их обоих, и жену и мужа.

Всегда преданная вам С. Вернон

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон
Аппер-Сеймур-стрит

Любезный друг, этот несносный Реджинальд здесь! Мое письмо, которое писалось затем, чтобы удержать его в Черчилле, лишь ускорило его приезд в Лондон. Как бы мне ни хотелось, чтобы его здесь не было, столь красноречивое свидетельство его сердечной привязанности не может не радовать. Он предан мне — душой и телом. Эту записку он отнесет вам сам, она явится предлогом для знакомства, к которому он давно стремится. Позвольте ему провести этот вечер с вами — тогда мне не будет грозить опасность, что он сюда возвратится. Я сказала ему, что не совсем здорова и должна побыть одна; если же он явится вновь, может получиться конфуз — на слуг ведь пола-

гаться нельзя. А потому умоляю, задержите его на Эдвард-стрит. Собеседник он совсем не плохой, можете кокетничать с ним сколько вздумается. Вместе с тем не забывайте и о моем интересе: постарайтесь убедить его, что, если он останется в Лондоне, я буду глубоко несчастна. Мои доводы вам известны: благопристойность и все прочее. Я бы уговорила его сама, но мне не терпелось поскорей от него избавиться — Мэнверинг будет у меня через полчаса. Прощайте.

С. В.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Миссис Джонсон — леди Сьюзен
Эдвард-стрит

Моя дорогая, я пребываю в ужасном смятении и не знаю, что мне делать — да и *вам* тоже. Мистер де Курси явился в самое неудачное время. В ту же самую минуту вошла и миссис Мэнверинг и потребовала, чтобы ее немедленно проводили к ее опекуну. Впрочем, я узнала обо всем этом позже, ибо, когда она и Реджинальд приехали,

меня дома не было — иначе я бы, разумеется, под любым предлогом отправила его восвояси. В результате *она* заперлась с мистером Джонсоном, а *он* тем временем дожидался меня в гостиной. Миссис Мэнверинг приехала еще вчера, выслеживая супруга, — возможно, впрочем, вам уже это известно от него самого. К нам же она пришла просить мужа вмешаться, и еще до моего возвращения все, что вы хотели скрыть, открылось. К несчастью, ей удалось выведать у слуги Мэнверинга, что его хозяин, с тех пор как вы в городе, бывает у вас каждый день. Она только что сама видела, как он звонил в вашу дверь! Что мне было делать? Ведь факты — страшная вещь! Сейчас де Курси знает все, в данный момент он беседует с мистером Джонсоном. Не ругайте меня: предотвратить случившееся было не в моих силах. Мистер Джонсон уже давно подозревал, что де Курси хочет на вас жениться, и, как только узнал, что он здесь, пожелал говорить с ним с глазу на глаз.

Эта гнусная миссис Мэнверинг, которая, хочу вас порадовать, от ревности стала еще более тощей и уродливой, по-прежнему у нас — сейчас они шушукаются втроем. Что тут поделаешь? Если Мэнверинг еще у вас, пусть поскорей уходит.

Надеюсь, что он по крайней мере сумеет досадить своей жене.

С тревогой и наилучшими пожеланиями,
преданная вам Алисия

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон
Аппер-Сеймур-стрит

Довольно досадное éclaizcissement[3]. Как жаль, что вас не случилось дома! Я-то полагала, что к семи вы уж наверняка возвратитесь. Впрочем, я не падаю духом. Не терзайтесь из-за меня. Поверьте, перед Реджинальдом я оправдаться сумею. Мэнверинг ушел только что; о приезде жены он мне сообщил. Глупая женщина! Чего она хочет добиться этими интригами? И все же было б лучше, останься она в Лэнгфорде.

Реджинальд, конечно, немного пошумит, но, как обычно, уже завтра к обеду все уладится.

Прощайте.

С. В.

---

[3] Notes: 3
Недоразумение *(фр.)*.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Мистер де Курси — леди Сьюзен
Гостиница

Пишу лишь затем, чтобы попрощаться. Колдовские чары развеялись. Теперь я вижу вас такой, какая вы есть. С тех пор как мы расстались, человек, чей авторитет непререкаем, сообщил мне о вас такое, что окончательно и бесповоротно убедило меня, в каком заблуждении я пребывал, а также в крайней необходимости порвать с вами — незамедлительно и навсегда. Вы наверняка догадались, на что я намекаю. Да, речь идет о Лэнгфорде. «Лэнгфорд» — одного этого слова будет довольно. Сведения о происшедших там событиях я почерпнул в доме мистера Джонсона, от самой миссис Мэнверинг.

Вы знаете, как я любил вас, и судить о моих нынешних чувствах можете, как никто другой. Но я не настолько слаб, чтобы находить удовольствие в описании этих чувств женщине, которая торжествует оттого, что умеет разбивать сердца, оставаясь равнодушной.

Р. де Курси

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ

Леди Сьюзен — мистеру де Курси
Аппер-Сеймур-стрит

Не стану даже пытаться описать вам то изумление, в какое повергла меня ваша записка, полученная только что. Теряюсь в догадках, *что такого* могла сказать вам миссис Мэнверинг, отчего вы так ко мне переменились. Разве в свое время я не объяснила вам сама все то, что в моем поведении могло показаться двусмысленным и что недоброжелательство света обратило против меня? Что на этот раз могло поколебать ваше уважение ко мне? Разве я когда-нибудь что-то от вас скрывала? Реджинальд, вы пугаете меня сверх всякой меры. Я не могу себе представить, что старая история ревности миссис Мэнверинг вновь извлечена на свет. И что история эта может на кого-то *произвести впечатление*.

Приезжайте немедленно и объяснитесь — я решительно отказываюсь понимать, что про-

исходит. Поверьте, слово «Лэнгфорд» не столь многозначительно, чтобы заменить собой все остальные слова. Если же нам *суждено* расстаться, то будет по крайней мере прилично попрощаться при личной встрече. Впрочем, у меня нет настроения каламбурить, я говорю серьезно: уронить себя, пусть всего лишь на час, в ваших глазах — это унижение, которому я не могу себя подвергать. Приезжайте — я считаю минуты до нашей встречи.

С. В.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Мистер де Курси — леди Сьюзен
Гостиница

Зачем вы мне писали? Зачем требуете объяснений? А впрочем, извольте. Вынужден заявить, что сведения о вашем недостойном поведении при жизни и после смерти мистера Вернона, ставшие общеизвестными и дошедшие до меня, сведения, которым, прежде чем вас увидел, я полностью поверил, а затем под воздействием

ваших дьявольских талантов верить перестал, оказались абсолютно бесспорны. Больше того, теперь я убежден в том, о чем раньше не мог и помыслить: между вами и человеком, чью семью в ответ на гостеприимство, вам оказанное, вы лишили покоя, не только существовала, но и по сей день существует недозволенная связь! Теперь я знаю доподлинно: после отъезда из Лэнгфорда вы состоите с ним в переписке, именно с ним, а не с его женой! После вашего приезда в Лондон он бывает у вас всякий день. И вы еще можете, *смеете* это отрицать?! И все это время вы поощряли, принимали мою любовь! Нет, я должен быть благодарен судьбе! Мне незачем жаловаться и тяжко вздыхать. Мне угрожало мое собственное безрассудство, своим же спасением я обязан доброте и великодушию другого. Но как утешить бедную миссис Мэнверинг, которая находится на грани умопомешательства?!

После этого открытия вас едва ли удивит мое желание поскорей распроститься с вами. Я вновь пребываю в здравом уме и в равной мере питаю отвращение к хитроумным уловкам, на которые поддался, и презрение к самому себе за ту слабость, которой объясняется их успех.

Р. де Курси

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Леди Сьюзен — мистеру де Курси
Аппер-Сеймур-стрит

Я удовлетворена и, написав эти несколько строк, не стану более вас тревожить. Союз, к которому еще две недели назад вы так стремились, не согласуется более с вашими взглядами, и мне отрадно, что благоразумный совет, данный вам вашими родителями, не пропал даром. Не сомневаюсь: сей акт сыновнего послушания позволит вам в самом скором времени обрести утраченный было душевный покой — и льщу себя надеждой, что в конечном счете обрету его и я.

С. В.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Миссис Джонсон — леди Сьюзен
Эдвард-стрит

Ваш разрыв с мистером де Курси огорчил, но не удивил меня — о том, что отношения ваши прекращены, он только что известил мистера Джонсона письмом, где говорится, что он сегодня же покидает Лондон. Поверьте, я всецело разделяю ваши чувства, и не сердитесь на меня, если я скажу вам, что и наше общение, даже письменное, придется в ближайшее время прекратить. Мне это крайне неприятно, но мистер Джонсон предупредил, что, если я буду и впредь поддерживать с вами связь, он навсегда переедет в загородное поместье, а вы сами понимаете, что на такую жертву, покуда остается хоть какой-то выход, я пойти не могу.

Вы, разумеется, слышали, что Мэнверинги расстаются; боюсь, миссис М. вновь переедет к нам. Она тем не менее по-прежнему так любит своего мужа, так страдает из-за него, что, по всей вероятности, долго не проживет.

Мисс Мэнверинг только что приехала в Лондон к своей тете и, говорят, заявила, что не уедет, покуда сэр Джеймс Мартин не будет принадлежать ей. На вашем месте я бы не раздумывая занялась им сама. Да, чуть не забыла поделиться с вами своими впечатлениями о де Курси: я от него без ума, он, по-моему, ничуть не менее красив,

чем Мэнверинг, у него такое открытое, честное лицо, что поневоле влюбишься с первого взгляда. С мистером Джонсоном они стали закадычными друзьями. Прощайте же, моя дорогая Сьюзен. Жаль, что все так неудачно сложилось. Ах, если б не этот злополучный визит в Лэнгфорд! А впрочем, все к лучшему — от судьбы ведь не уйдешь.

Искренне преданная вам Алисия

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Леди Сьюзен — миссис Джонсон
Аппер-Сеймур-стрит

Моя дорогая Алисия, подчиняюсь необходимости расстаться с вами. В сложившихся обстоятельствах вы не могли поступить иначе. Наша дружба от этого не пострадает: в более счастливые времена, когда вы будете так же независимы, как и я, мы соединимся вновь и будем столь же близки, как раньше. Этого дня я буду ждать с нетерпением, пока же могу вас заверить: никогда прежде не чувствовала я себя так легко и свободно, никогда не была так довольна собой, как

теперь. Вашего мужа я ненавижу, Реджинальда презираю и счастлива от мысли, что никогда не увижу ни того ни другого. Подумайте сами, разве нет у меня оснований радоваться? Мэнверинг предан мне больше, чем когда-либо, и, будь он свободен, я вряд ли смогла бы ему отказать, если бы он предложил выйти за него замуж. Если его жена и в самом деле переедет к вам, в ваших силах будет это событие ускорить, направив ее бурные чувства, которые, надо полагать, сильно ее истощают, в нужное русло. Очень на вас в этом отношении рассчитываю. Признаться, я чрезвычайно довольна, что избежала брака с Реджинальдом, и в равной степени намерена спасти от него Фредерику. Завтра я заберу ее из Черчилла, и тогда Марии Мэнверинг несдобровать. Фредерика покинет мой дом, только став женой сэра Джеймса. Пусть хнычет, сколько ей вздумается, пусть негодуют Верноны — я на своем настою. Мне надоело потакать чужим капризам, надоело изменять своим принципам в угоду тем, перед кем у меня нет никаких обязательств и к кому я не испытываю никакого уважения. Я слишком многим поступилась, слишком часто позволяла с собой не считаться — но с Фредерикой это не повторится.

Прощайте же, дражайшая из подруг. Желаю вам, чтобы следующий приступ подагры был более ко времени. И чтобы вы считали меня неизменно вашей.

С. Вернон

ПИСЬМО СОРОКОВОЕ

Леди де Курси — миссис Вернон
Парклендс

Дорогая Кэтрин, у меня для тебя чудесные новости, и, не отошли я тебе письмо сегодня утром, тебя бы миновало огорчительное известие об отъезде Реджинальда в Лондон. Дело в том, что он вернулся, Реджинальд вернулся! И не просить нас дать согласие на его брак с леди Сьюзен, а сообщить, что они расстались навсегда! Приехал он всего час назад, и у меня не было возможности узнать обо всем подробнее: он так подавлен, что я боюсь задавать вопросы, — надеюсь, впрочем, что скоро все выяснится. Большего счастья за всю его жизнь он нам не доставлял. Жаль только, что тебя нет сейчас с нами: мы бы очень хотели,

мы были бы счастливы, если бы ты приехала как можно скорее. Ты ведь уже давно собираешься, который месяц! Надеюсь, мистер Вернон также найдет время, и, пожалуйста, возьмите всех моих внуков и, разумеется, твою прелестную племянницу — я давно мечтаю ее увидеть. Зима выдалась грустной и тягостной: Реджинальда не было, из Черчилла никто не приезжал, никогда еще это время года не казалось мне таким беспросветным, — но теперь, с возвращением Реджинальда, мы словно обрели вторую молодость. Я часто думаю о Фредерике, и, когда Реджинальд вновь повеселеет (что, хочется верить, вскоре произойдет), мы попытаемся вновь лишить его покоя, и, надеюсь, не за горами тот день, когда их руки и сердца соединятся.

Любящая тебя мать К. де Курси

ПИСЬМО СОРОК ПЕРВОЕ

Миссис Вернон — леди де Курси Черчилл

Дорогая матушка, ваше письмо меня несказан-

но удивило. Неужто они и в самом деле расстались — и навсегда? Я была бы на седьмом небе от счастья, если бы могла в это поверить, но после того, что я пережила, как можно быть в чем-то уверенной? Итак, Реджинальд дома! Я тем более удивлена, что в среду, в день его возвращения в Парклендс, нас совершенно неожиданно посетила леди Сьюзен, у которой был такой радостный и счастливый вид, как будто по возвращении в город ей предстояло пойти с ним под венец. Она провела у нас почти два часа, была, как всегда, обходительна и мила и ни единым намеком не выдала, что между ними произошла какая-то размолвка, какое-то охлаждение. Я поинтересовалась, не видела ли она в Лондоне моего брата; ответ, как вы догадываетесь, я знала наперед — мне просто хотелось проследить за выражением ее лица. Однако леди Сьюзен, нисколько не смутившись, тут же ответила, что Реджинальд нанес ей визит в понедельник, однако сейчас, надо полагать, уже вернулся домой. В ту минуту я ей, естественно, не поверила.

Мы с удовольствием принимаем ваше любезное приглашение и в следующий четверг приедем в Парклендс вместе в детьми. Будем молить Бога, чтобы Реджинальд за это время вновь

не сбежал в Лондон!

Мы бы, конечно, захватили с собой и нашу дорогую Фредерику, однако вынуждена с грустью сообщить, что леди Сьюзен приезжала специально затем, чтобы ее забрать, и, хотя девочка ужасно огорчилась, задержать ее было невозможно. Мне очень не хотелось ее отпускать, и ее дяде тоже, и мы сделали все, что было в наших силах, чтобы уговорить леди Сьюзен ее оставить, однако, вопреки всем нашим уговорам и доводам, ее светлость заявила, что собирается пробыть в Лондоне несколько месяцев и, сославшись на учителей и проч., хотела бы, чтобы дочь была с ней.

Надо признать, вела она себя с девочкой на этот раз очень ласково, и мистер Вернон полагает, что впредь Фредерика будет окружена материнской любовью. Я на этот счет совсем другого мнения!

Разлука с нами повергла девочку в отчаяние. Я попросила ее, чтобы она писала мне как можно чаще и помнила, что, если она попадет в беду, мы всегда придем ей на помощь. Эти слова я изыскала возможность сказать ей наедине, и, мне кажется, она немного приободрилась. Я же не буду спокойна за нее до тех пор, пока не поеду в Лондон и собственными глазами не увижу, что у нее все хорошо.

Боюсь, тот союз, о котором вы пишете в заключительной части вашего письма, в настоящее время едва ли возможен. Будем надеяться, что в будущем вероятность его возрастет.

Ваша и проч. Кэтрин Вернон

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обмен письмами, из которых читатель узнает о встречах одних и расставаниях других, не может, к величайшему огорчению чиновников почтового ведомства, продолжаться далее. Немногое можно узнать о положении дел и из переписки миссис Вернон с ее племянницей, ибо миссис Вернон вскоре поняла, что на ее письма Фредерика отвечает под пристальным надзором матери, и, отложив выяснение всех обстоятельств до собственного приезда в Лондон, перестала писать подробно и часто.

Выведав тем временем у своего прямодушного брата, что произошло между ним и леди Сьюзен, которая в результате пала в ее глазах еще ниже, она преисполнилась решимости забрать Фредерику у матери и самой заняться ее воспи-

танием и, хотя надеяться на успех особенно не приходилось, вознамерилась использовать все возможные средства для получения согласия своей невестки. Ей не терпелось как можно скорее выехать в Лондон, и мистер Вернон, который, как читатель уже, должно быть, догадался, жил единственно ради того, чтобы угождать жене, вскоре нашел для поездки подходящий повод. Сразу после приезда в столицу миссис Вернон нанесла леди Сьюзен визит и была принята с такой непринужденностью и искренним расположением, что едва не пришла от этого приема в ужас. Ни слова о Реджинальде, ни малейшего чувства вины, никакого смущения! Леди Сьюзен пребывала в превосходном настроении и, оказывая брату и сестре всевозможные знаки внимания, всем своим видом давала понять, как она ценит их доброту и какое удовольствие получает от их общества.

Фредерика изменилась ничуть не больше, чем леди Сьюзен, — та же сдержанность, тот же робкий взгляд в присутствии матери убедили тетку, что девочке по-прежнему живется несладко и необходимо эту жизнь изменить. Вместе с тем леди Сьюзен вела себя с дочерью ласково, уговоры выйти замуж за сэра Джеймса прекратились,

лишь однажды было вскользь замечено, что его в Лондоне нет; вообще весь разговор сводился к тому, что леди Сьюзен печется исключительно о ее благополучии и успехах и должна с радостью признать, что Фредерика день ото дня все больше становится такой, какой она желала бы ее видеть.

Миссис Вернон была всем этим так удивлена, что терялась в догадках, и, хотя планы ее нисколько не изменились, чувствовала, что теперь осуществить их будет гораздо сложнее. Надежда появилась, когда леди Сьюзен поинтересовалась, не кажется ли ей, что Фредерика выглядит хуже, чем в Черчилле, и поделилась своими сомнениями о благотворном влиянии на дочь лондонского климата.

Со своей стороны усомнилась в этом и миссис Вернон, которая без обиняков предложила, чтобы племянница вернулась к ним в Черчилл. Леди Сьюзен была настолько тронута, что не сумела найти слов, дабы выразить невестке свою благодарность, однако по ряду причин не могла расстаться с дочерью и, заявив, что в самом скором времени, весьма вероятно, сама сможет увезти Фредерику из города, заключила, что, к сожалению, вынуждена от столь заманчивого

и любезного предложения отказаться. Миссис Вернон тем не менее настаивала на своем, и, хотя леди Сьюзен упорствовала в своем отказе, в течение последующих дней ее сопротивление несколько ослабло.

По счастью, опасность инфлюэнцы решила дело. Леди Сьюзен так испугалась за дочь, что иными соображениями более не руководствовалась. Почему-то именно инфлюэнца, по ее разумению, представляла несравненно большую опасность для здоровья дочери, чем любые другие недуги. Фредерика вернулась в Черчилл с дядей и тетей, а спустя три недели леди Сьюзен объявила о своем браке с сэром Джеймсом Мартином.

Тогда только миссис Вернон окончательно поняла то, о чем раньше лишь подозревала: она могла не тратить столько сил на уговоры, ибо решение отдать ей Фредерику леди Сьюзен приняла уже давно. Согласно первоначальной договоренности Фредерика должна была пробыть у Вернонов полтора месяца, однако ее мать, написав, правда, дочери пару нежных писем с предложением вернуться, в конце концов сочла возможным согласиться на приглашение родственников продлить визит племянницы и в течение последующих двух месяцев перестала

писать Фредерике о том, как ей ее не хватает, а спустя еще два месяца перестала писать ей вовсе.

Таким образом, Фредерику решено было оставить в семье дяди и тети до того времени, когда Реджинальд де Курси, вследствие душещипательных бесед, лести и уговоров, в нее влюбится, на что, покуда он справится с чувствами к ее матери, откажет себе во всех увлечениях и будет ненавидеть слабый пол, отводилось никак не меньше года. Обычно на это уходит три месяца, но ведь чувства Реджинальда были не только сильными, но и очень прочными.

Была ли леди Сьюзен счастлива в своем втором браке, установить очень трудно, ибо кто поручится за правдивость ее слов? Нам остается только гадать. Ясно одно — помешать ее счастью могли лишь ее муж и ее совесть.

Быть может, сэру Джеймсу и впрямь повезло меньше, чем обычно везет глупцам. Даже если это и так, пусть его жалеют те, кто преисполнен высшего милосердия. Я же, признаться, испытываю жалость лишь к мисс Мэнверинг. Ведь чтобы покорить сердце сэра Джеймса, она приехала в Лондон и выложила на наряды такую сумму, которая подорвала ее бюджет по меньшей мере

на два ближайших года, — и все же вынуждена была уступить его женщине старше себя на десять лет.

Замок Лесли

Генри Томасу Остену, эсквайру

Сэр, позволив себе смелость, на которую вы подвигаете меня не впервые, посвящаю вам свой очередной роман. То, что он не закончен, не может меня не огорчать; боюсь, однако, что таковым он и останется. То же, что роман этот столь легковесен и столь вас недостоин, заботит автора и одновременно вашего преданного и покорного слугу не в пример больше.

Господам Диманду и др.

Прошу выплатить девице Джейн Остен причитающиеся ей 100 (сто) гиней со счета вашего покорного слуги.

Г. Т. Остен

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Мисс Маргарет Лесли — мисс Шарлотте Латтрелл

Замок Лесли, 3 января 1792 года

Мой брат только что нас покинул. «Матильда, — сказал он при расставании, — уверен: вы с Маргарет проявите к моей крошке заботу ничуть не меньшую, чем проявила бы терпеливая, любящая и ласковая мать». Когда он произносил эти слова, слезы градом лились у него по щекам. Воспоминания о той, что опозорила имя матери и бессовестно нарушила свои брачные обязательства, не позволили ему добавить что-то еще — он лишь обнял свое прелестное дитя и, помахав на прощание Матильде и мне, поспешно вышел, сел в экипаж и отправился в Абердин. Более благородного человека мир еще не видывал! Ах! Брак принес ему столько незаслуженных несчастий! Такой хороший муж и такая плохая жена! Ты ведь знаешь, дорогая моя Шарлотта, что эта ничтожная тварь несколько недель назад, пожертвовав своей репутацией и своим ребенком, променяла мужа на Денверса и бесчестье. А ведь не было, казалось, прелестнее лица, изящнее фигуры и

добрее сердца, чем у Луизы! Уже сейчас дочь ее обладает теми же очаровательными чертами, что отличали ее нерадивую мать! Пусть же от отца унаследует она здравый смысл! Лесли сейчас всего двадцать пять, а он уже предался меланхолии и отчаянию. Какая разница между ним и его отцом! Сэру Джорджу пятьдесят семь, а он по-прежнему ухажер и ветреник, веселый малый, молодой душой и телом. Таким, как он сейчас, его сын был пять лет назад и, если мне не изменяет память, всегда стремился быть. Пока отец наш в свои пятьдесят семь весело и беззаботно порхает по улицам Лондона, мы с Матильдой по-прежнему живем затворницами в нашем старом и покосившемся замке, возвышающемся в двух милях от Перта на крутой неприступной скале с великолепным видом на город и на его живописные окрестности. Несмотря на то что мы отрезаны от мира (мы ведь решительно ни с кем не общаемся за исключением Маклеодов, Маккензи, Макферсонов, Маккартни, Макдональдов, Маккиннонов, Маклелланов, Маккеев, Макбетов и Макдуфов), мы не грустим и не скучаем; напротив, на свете не было еще более радостных, беззаботных и остроумных девушек, чем мы. Время здесь летит незаметно: мы читаем, мы вышиваем, мы гуляем,

а когда устаем, либо напеваем веселую песню, либо пускаемся в пляс или отводим душу остроумной репликой или же колким bon mot[4]. Мы красивы, моя дорогая Шарлотта, очень красивы, и наше главное достоинство в том и состоит, что свои достоинства мы абсолютно не ощущаем. Что ж это я все о себе да о себе?! Давай-ка я лучше еще раз расхвалю нашу прелестную маленькую племянницу, крошку Луизу, что раскинулась сейчас на диване и чему-то улыбается во сне. Малышке только два года, а собой она уже хороша, как будто ей двадцать два. Она так разумна, словно ей тридцать два, и так же осторожна и предусмотрительна, как будто ей сорок два. Чтобы ты в этом убедилась, должна сообщить тебе, что у нее прелестный цвет лица, что она хороша собой, что она уже знает две первые буквы алфавита и никогда не рвет свои платьица… Если и сейчас я не убедила тебя в том, что она красива, умна и сообразительна, то добавить к вышесказанному мне больше нечего, и решить, права я или нет, ты сможешь, лишь приехав в Лесли и увидев Луизу собственными глазами. Ах, дорогая моя подруга, какое счастье было бы увидеть тебя в сих

---

[4] Notes: 4
Острота *(фр.)*.

древних стенах! Уже четыре года прошло с тех пор, как меня забрали из школы и нас разлучили. Как же горько сознавать, что два нежных сердца, связанных между собой тесными узами дружбы и взаимной симпатии, принуждены биться вдали друг от друга. Я живу в Пертшире, ты — в Сассексе. Мы могли бы встретиться в Лондоне, если бы мой отец согласился взять меня с собой, а твоя матушка оказалась там одновременно с ним. Могли бы мы увидеться и в Бате, и в Танбридже или в любом другом городе — какая, в сущности, разница! Остается лишь надеяться, что сей счастливый миг наконец наступит. Отец не вернется к нам до осени; брат же покинет Шотландию через несколько дней — ему не терпится поскорей отправиться в далекое путешествие. Наивный юноша! Он полагает, будто перемена климата излечит раны разбитого сердца! Уверена, дорогая Шарлотта, ты будешь вместе со мной молиться, чтобы наш бедный Лесли вновь обрел душевный покой, столь свойственный твоей любящей подруге

М. Лесли

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Мисс Ш. Латтрелл — мисс М. Лесли
Гленфорд, 12 февраля

Тысяча извинений, дорогая Пегги, за то, что так долго не отвечала на твое теплое письмо. Поверь, я ответила бы на него гораздо быстрее, если бы последний месяц не была настолько занята приготовлениями к свадьбе сестры, что ни на тебя, ни на себя времени у меня совершенно не оставалось. Самое обидное при этом, что свадьба, увы, расстроилась, и все мои труды потрачены впустую. Можешь представить мое разочарование: я трудилась без устали дни и ночи напролет, чтобы приготовить свадебный ужин ко времени; наготовила столько жареной говядины и телятины, столько тушеной баранины, что молодоженам хватило бы на весь медовый месяц, — и тут, к ужасу своему, вдруг узнаю, что жарила и парила совершенно зря, что напрасно убивала время и убивалась сама. В самом деле, моя дорогая, что-то не припомню, чтобы я испытывала досаду, равную той, какую ощутила в прошлый понедельник, когда сестра, белая как полотно, вбежала в кладовую, где я

находилась, и сообщила мне, что Генри упал с лошади, ударился головой, и врач считает, что долго он не протянет.

«Господи помилуй! — вскричала я. — Не может быть! Что же теперь будет со всем съестным, что я наготовила?! Мы и за год этого не съедим! А впрочем, пригласим доктора — он нам поможет. Я справлюсь с филейной частью, матушка доест суп, а уж вам с доктором придется подъесть все остальное».

Тут я вынуждена была замолчать, ибо увидела, что сестра упала без чувств на сундук, тот самый, где у нас хранятся скатерти. Не медля ни минуты, я позвала матушку и горничных, и спустя некоторое время нам удалось совместными усилиями привести ее в чувство. Стоило сестре прийти в себя, как она изъявила желание сию же минуту бежать к Генри, и решимость ее была столь велика, что нам лишь с величайшим трудом удалось ее отговорить. Наконец, скорее силой, нежели уговорами, мы убедили ее пойти к себе в комнату, уложили ее, и несколько часов она металась по постели в горячечном бреду. Все это время мы с матушкой просидели у ее изголовья и в минуты временного затишья предавались отчаянию из-за напрасно потраченных сил и скопившегося

съестного и обдумывали, как бы с этими запасами поскорей управиться. Мы договорились, что начать их поглощать необходимо немедленно, без отлагательств, и тут же распорядились подать нам прямо сюда, в комнату сестры, холодные окорока и птицу, каковые принялись уписывать с необычайным рвением. Мы попробовали уговорить и Элоизу съесть хотя бы крылышко цыпленка, однако сестра об этом даже слышать не хотела. Между тем она стала гораздо спокойнее: горячечный бред и судороги прекратились, сменившись почти полным бесчувствием. Чего только мы не делали, чтобы привести ее в сознание! Все было напрасно. И тогда я заговорила с ней о Генри.

«Дорогая Элоиза, — начала я, — охота тебе убиваться из-за таких пустяков. — (Чтобы ее утешить, я сделала вид, что не придаю случившемуся особого значения.) — Прошу тебя, не думай о том, что произошло. Видишь, даже я ничуть не раздосадована, а ведь больше всего досталось именно мне: теперь мне не только придется съесть все, что я наготовила, но и, если только Генри поправится (на что, впрочем, надежды мало), начинать жарить и парить сызнова. Если же он умрет (что, скорее всего, и произойдет),

мне так или иначе придется готовить свадебный ужин, ведь когда-нибудь ты все равно выйдешь замуж. А потому, даже если сейчас тебе тяжко думать о страданиях Генри, он, надо надеяться, скоро умрет, муки его прекратятся, и тебе полегчает — мои же невзгоды продлятся гораздо дольше, ибо, как бы много я ни ела, меньше чем за две недели очистить кладовую мне все равно не удастся».

Таким вот образом пыталась я ее утешить, но безо всякого успеха, и в конце концов, увидев, что сестра меня не слушает, я замолчала и, предоставив утешать ее матушке, справилась с остатками окорока и цыпленка, а затем послала Уильяма проведать, в каком состоянии Генри. Жить ему оставалось всего несколько часов — он скончался в тот же день. Мы сделали все возможное, чтобы подготовить Элоизу к этому печальному известию, однако смерть жениха столь сильно на нее подействовала, что она напрочь лишилась разума и вновь погрузилась в тяжкий бред, продолжавшийся много часов. Она и сейчас очень плоха, и врачи боятся, как бы не наступило ухудшение. Вот почему мы готовимся выехать в Бристоль, где собираемся пробыть всю следующую неделю. Ну а теперь, моя дорогая Маргарет,

давай немного поговорим о твоих делах. Должна под большим секретом сообщить тебе, что, по слухам, отец твой собирается жениться. С одной стороны, мне очень не хочется верить этим невеселым вестям, но с другой — отрицать их полностью я не могу. В этой связи я написала своей подруге Сьюзен Фицджеральд с просьбой сообщить мне все, что ей известно. Она сейчас в Лондоне и, несомненно, в курсе дела. Кто его избранница, мне неизвестно. Думаю, твой брат был совершенно прав, когда принял решение отправиться в далекое путешествие: путевые впечатления помогут ему выбросить из памяти те печальные события, что так его угнетали. Как я рада, что вы с Матильдой, хоть и живете затворницами, не скучаете и радуетесь жизни. И того и другого от души желает вам обеим любящая тебя

Ш. Л.

P. S. Только что пришел ответ от моей подруги Сьюзен. Вкладываю его в конверт с письмом тебе. Прочитай и сделай выводы.

ВЛОЖЕННОЕ ПИСЬМО

Дорогая Шарлотта, никто не даст вам более точных сведений о браке сэра Джорджа Лесли, чем я. Сэр Джордж женился — в этом нет ни малейших сомнений. Я принимала участие в свадебной церемонии, доказательством чему может служить моя подпись под этим письмом.

Любящая тебя Сьюзен Лесли

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Мисс Маргарет Лесли — мисс Ш. Латтрелл
Замок Лесли, 16 февраля

Я изучила записку, которую ты приложила к своему письму, моя дорогая Шарлотта, и вот какие мысли пришли мне в голову. Во-первых, я подумала, что если у сэра Джорджа и вторым браком будут дети, то наше наследство от этого больше не станет. Во-вторых, я подумала, что если его жена привыкла жить в свое удовольствие, то она будет поощрять в нем стремление и впредь вести рассеянный образ жизни, каковое

стремление, впрочем, в поощрении не нуждается и, боюсь, уже самым пагубным образом сказалось на его здоровье и денежных делах. В-третьих, я подумала, что теперь она завладеет теми драгоценностями, что некогда носила наша покойная матушка и сэр Джордж обещал оставить нам. Наконец, подумала я и о том, что, если они не приедут в Пертшир, я не смогу удовлетворить свое любопытство и увидеть мачеху собственными глазами; если же приедут, Матильда не будет больше сидеть за обедом во главе стола… Таковыми, дорогая моя Шарлотта, были печальные размышления, коим я предавалась, прочитав адресованную тебе записку Сьюзен. Сходным образом посетили эти размышления и Матильду, когда та в свою очередь с этой запиской ознакомилась. Сестра испытала те же сомнения и страхи, что и я, и трудно сказать, что расстроило ее больше: уменьшение причитающегося нам наследства или же утрата своего влиятельного положения. Нам обеим очень хотелось бы знать, красива ли леди Лесли и какого ты о ней мнения. Коль скоро ты оказываешь ей честь, называя своей подругой, мы очень надеемся, что она и впрямь мила и обходительна. Мой брат уже в Париже и через несколько дней собирается в Ита-

лию. Он весел, пишет, что французский климат идет ему на пользу, что о Луизе вспоминает без жалости и без любви и что даже благодарен ей за то, что она его бросила, ибо холостая жизнь пришлась ему по душе. Все это означает, что он вновь обрел тот беспечный нрав и живость ума, какие всегда его отличали. Когда три с лишним года назад он познакомился с Луизой, это был один из самых ярких и живых молодых людей своего возраста. Встретились они у нашего кузена полковника Драммонда, в чьем доме в Камберленде брат проводил Рождество. Тогда ему только исполнилось двадцать два года. Луиза Бертон была дочерью дальнего родственника миссис Драммонд, несколько месяцев перед тем умершего в нищете и оставившего свою единственную дочь, которой тогда не было и восемнадцати, на попечение тех своих родственников, что согласились бы о ней печься. Миссис Драммонд единственная пожалела бедную сироту — и Луиза сменила покосившийся домишко в Йоркшире на великолепный особняк в Камберленде, жизнь, полную лишений, на жизнь в достатке и роскоши… По природе Луиза отличалась дурным нравом и хитростью, однако отец, который прекрасно понимал, что от голодной смерти ее может спасти

только замужество, и льстил себя надеждой, что удивительная красота дочери в сочетании с обаянием и умением держать себя сможет привлечь какого-нибудь обеспеченного молодого человека, могущего позволить себе взять в жены девушку без единого гроша за душой, научил ее скрывать свой истинный нрав под видимостью нежности и добронравия. Луиза, полностью разделявшая мнение своего отца, преисполнилась решимости воплотить его планы в жизнь со всем тщанием, на какое только была способна. С усердием и настойчивостью она выучилась столь тщательно скрывать свой истинный характер под маской наивности и добросердечия, что вводила в заблуждение всякого, кто вследствие долгого и близкого знакомства с ней не обнаружил ее истинной сущности. Такова была Луиза, когда наш незадачливый Лесли впервые увидел ее у Драммондов. Его сердце, которое, как ты любишь выражаться, было нежнее французского паштета, не сумело воспротивиться ее чарам. Уже через несколько дней он почувствовал, что влюблен, вскоре и в самом деле влюбился без памяти, а еще через месяц сделал Луизе предложение. Поначалу батюшка был недоволен столь поспешным и безрассудным решением, но, убедившись, что

молодых людей это нисколько не смущает, совершенно с этим союзом примирился. Поместья под Абердином, которое досталось моему брату непосредственно от его двоюродного деда без всякого посредства сэра Джорджа, было вполне достаточно, чтобы Лесли с женой могли жить, ни в чем не нуждаясь. В продолжение первого года их брака не было никого счастливее Лесли и милее и обходительнее Луизы; ее поведение было столь благовидным и осмотрительным, что, хотя мы с Матильдой часто по нескольку недель кряду у них гостили, разглядеть под этой личиной ее истинное лицо ни я, ни сестра не сумели. Однако после рождения малютки Луизы, чье появление на свет должно было бы по идее еще больше укрепить их союз, маска, которую она так долго носила, была наконец сорвана, и, поскольку теперь она уже нисколько не сомневалась в любви своего мужа (каковая после рождения ребенка и в самом деле стала еще сильнее), она не считала себя обязанной способствовать укреплению этой любви и в дальнейшем. Как следствие, визиты наши в Данбит стали менее частыми и гораздо более обременительными. Наше отсутствие, впрочем, Луизу нисколько не смущало, ибо в обществе юного Денверса, с которым она по-

знакомилась в Абердине (он учился в одном из тамошних университетов), ей было не в пример веселее, чем с Матильдой и с твоей подругой, — и это при том, что приятнее девушек, чем мы, на свете не бывает. Чем кончается семейное счастье всех Лесли, тебе хорошо известно — повторяться не буду…

Прощай же, моя дорогая Шарлотта. Хотя я ни словом не обмолвилась о несчастье, постигшем твою сестру, надеюсь, ты поверишь, что я ей от всей души сочувствую и нисколько не сомневаюсь, что здоровый дух Бристоля навсегда вычеркнет Генри из ее памяти.

Любящая тебя М. Л.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Мисс Ш. Латтрелл — мисс М. Лесли
Бристоль, 27 февраля

Дорогая Пегги, только что получила твое письмо, которое долгое время пролежало в Сассексе и только теперь дошло сюда, в Бристоль. Очень благодарна тебе за подробный и обстоятельный

рассказ о том, как Лесли познакомился с Луизой, как полюбил ее и на ней женился. Всю эту историю я прочитала с большим удовольствием, хотя рассказываешь ты ее не впервые.

По счастью, кладовая наша уже почти опустела — мы дали распоряжение слугам есть как можно больше самим и вдобавок призвать на помощь еще двух-трех поденных работниц. С собой в Бристоль мы взяли холодный пирог с курятиной, холодную индейку, холодный язык, полдюжины студней и все это меньше чем за два дня после нашего приезда, с помощью нашей хозяйки, ее мужа и их троих детей, с аппетитом прикончили. Бедняжка Элоиза по-прежнему настолько ко всему безразлична, что, сдается мне, здоровый бристольский климат не сумел покамест вычеркнуть бедного Генри из ее памяти.

Ты спрашиваешь, хороша ли собой, мила ли твоя мачеха. Попробую тебе ее описать. Она весьма небольшого роста и очень хорошо сложена; бледна от природы, но сильно румянит щеки; у нее красивые глаза и красивые зубы, что она не преминет продемонстрировать, как только тебя увидит, — и вообще очень собой недурна. Она на редкость добронравна — особенно когда ей не перечат, и очень оживлена, когда не ханд-

рит. От природы она сумасбродна и не слишком жеманна; она никогда ничего не читает, кроме писем, которые получает от меня, и никогда ничего не пишет, кроме ответных писем мне же. Она играет, поет и танцует, однако никакого пристрастия ни к игре, ни к пению, ни к танцам не питает, хотя и утверждает, что любит все это до чрезвычайности. Ты, должно быть, удивлена, что та, о ком я говорю без особого чувства, является моей ближайшей подругой. Сказать по правде, дружба наша скорее следствие ее каприза, чем моего расположения. Мы провели вместе два или три дня в Беркшире у одной дамы, нашей общей знакомой… Быть может оттого, что погода стояла отвратительная, да и общество было на редкость скучным, она вдруг воспылала ко мне безумной симпатией, каковая вскоре переросла в настоящую дружбу, — с этой поры мы и вступили в переписку. Вполне возможно, сейчас я ей так же надоела, как и она мне, но, поскольку она слишком вежлива, а я слишком хорошо воспитана, чтобы в этом признаться, письма наши по-прежнему столь же регулярны и восторженны, как и прежде, а взаимная привязанность ничуть не менее искренна, чем в самом начале наших отношений. Коль скоро рассеянная жизнь

Лондона и Брайтхелмстоуна ей по душе, желание увидеть тебя с сестрой едва ли в скором времени подвигнет ее отказаться от светских удовольствий ради посещения старинного мрачного замка, в котором вы обитаете. Правда, если она сочтет, что слишком много развлечений дурно сказываются на ее самочувствии, она сможет, пожалуй, найти в себе силы совершить путешествие в Шотландию в надежде если не весело провести время, то хотя бы поправить пошатнувшееся здоровье. Боюсь, твои опасения, связанные с сумасбродством отца, наследством, драгоценностями твоей матушки и положением в семье старшей сестры, не лишены оснований. У моей подруги есть свои четыре тысячи фунтов, однако на наряды и развлечения она тратит ежегодно немногим меньше, да и рассчитывать на то, что она постарается уговорить сэра Джорджа переменить образ жизни, к которому он так привык, увы, не приходится. А стало быть, ты должна быть довольна, если получишь хоть что-нибудь. Что же до матушкиных драгоценностей, то они тоже, вне всяких сомнений, достанутся твоей мачехе, и есть все основания полагать, что отныне восседать во главе стола будет не твоя сестра, а леди Сьюзен. Боюсь, впрочем, разговор обо всем

этом тебя расстраивает, а потому не стану больше на эту тему распространяться…

Из-за недомогания Элоизы мы прибыли в Бристоль в самое неподходящее время года, и за все время, что мы здесь, видели лишь одну приличную семью. Мистер и миссис Марло и в самом деле люди очень приятные, приехали они сюда из-за слабого здоровья своего сына, и, поскольку больше общаться решительно не с кем, мы с ними, естественно, очень сблизились: видимся почти ежедневно, а вчера провели вместе замечательный день, после чего славно поужинали — вот только телятина была недожарена и соусу не хватало остроты. Весь вечер я думала о том, как жаль, что готовила его не я… Вместе с четой Марло находится в Бристоле брат миссис Марло, мистер Кливленд; это славный и очень неглупый молодой человек. Я сказала Элоизе, чтобы она обратила на него внимание, однако мое предложение, по-моему, оставило ее равнодушной. Очень бы хотелось поскорей выдать сестру замуж, тем более за такого состоятельного человека, как Кливленд. Быть может, тебя удивляет, отчего это я так пекусь о том, чтобы устроить жизнь сестры, а не свою собственную. Скажу тебе откровенно: свою роль я вижу лишь

в устройстве брачной церемонии и в подготовке свадебного ужина, а потому предпочитаю выдавать замуж других, ибо убеждена: когда настанет время идти замуж мне, у меня будет меньше времени на стряпню, чем теперь, когда женятся мои родственники и друзья.

Искренне твоя Ш. Л.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Мисс Маргарет Лесли — мисс Шарлотте Латтрелл

Замок Лесли, 18 марта

В тот же день, когда я получила твое последнее письмо, Матильде из Эдинбурга написал сэр Джордж. Он сообщил, что приезжает вечером следующего дня и будет иметь удовольствие лично представить нам леди Лесли. Известие это, как ты догадываешься, весьма нас удивило, ведь ты же писала, что ее светлость вряд ли отправится в Шотландию, тем более в разгар лондонского сезона. Так или иначе, наше дело — выразить восторг в связи с оказываемой нам честью, и мы решили

было написать ответное письмо о том, с каким нетерпением мы ждем их приезда, но тут вдруг сообразили, что, раз они приезжают вечером следующего дня, письмо наше сэра Джорджа в Эдинбурге уже не застанет. В таком случае (сказали мы себе) пусть думают, что отсутствие ответа означает, что мы, как и положено, томимся счастливым ожиданием. В девять вечера следующего дня они и в самом деле прибыли в сопровождении одного из братьев леди Лесли. Внешность ее милости ты описала на редкость точно — мне не кажется, правда, что она так уж хороша собой. Верно, личико у нее довольно смазливое, однако в ее крошечной, миниатюрной фигурке есть что-то на удивление жалкое и неприметное; в сравнении с Матильдой и со мной, девушками крупными и статными, смотрится она сущей карлицей. Теперь, когда ее любопытство (и любопытство немалое, раз она решилась проделать более четырехсот миль) наконец полностью удовлетворено, она уже говорит о возвращении в Лондон и, представь, хочет, чтобы с ней вместе ехали и мы. Ответить на ее просьбу отказом мы не можем, ибо того же требует от нас батюшка и умоляет мистер Фицджеральд — бесспорно, один из самых приятных молодых людей, ко-

торых мне приходилось видеть. Когда именно мы отправляемся в путь, еще не решено, но в любом случае непременно возьмем с собой нашу крошку Луизу.

Прощай, моя дорогая Шарлотта. Матильда шлет тебе и Элоизе свои лучшие пожелания.

Всегда твоя М. Л.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Леди Лесли — мисс Шарлотте Латтрелл
Замок Лесли, 20 марта

Мы прибыли сюда, бесценный друг, недели две назад, и я уже от души раскаиваюсь, что променяла наш прелестный дом на Портмен-сквер на этот ветхий, заброшенный, мрачный замок, где ощущаешь себя брошенной в темницу пленницей. Стоит он на скале, и вид у него столь неприступный, что когда я увидела его издали, то решила, что нас будут подымать вверх на веревке, и искренне пожалела, что, поддавшись любопытству наконец-то увидеть своих «дочерей», обрекаю себя на такой рискованный

и одновременно нелепый способ проникнуть в этот застенок. Однако, очутившись внутри столь жуткого сооружения, я стала утешать себя мыслью, что сейчас моему взору предстанут две очаровательные особы, какими мне описывали в Эдинбурге сестер Лесли, и ко мне вновь вернется хорошее настроение. Увы, разочарование поджидало меня и здесь. Матильда и Маргарет Лесли очень крупные, высокие, мужеподобные и довольно чудные девицы — таким, как они, только и жить в этом гигантском и нелепом замке. Жаль, моя дорогая Шарлотта, что ты не видела этих шотландских великанш, — уверена, они бы напугали тебя до полусмерти. Зато, по контрасту с ними, я смотрюсь еще лучше, поэтому пригласила их сопровождать меня в Лондон, где окажусь, вероятнее всего, недели через две. Кроме этих двух «очаровательных» особ живет здесь маленькая веселая обезьянка — по-видимому, их родственница. Они рассказали мне, кто она такая, и даже поведали длинную слезливую историю о ее отце и некой загадочной *мисс*, чье имя я в ту же минуту забыла. Терпеть не могу сплетен и на дух не переношу детей. С тех пор как я здесь, нам каждодневно наносят визиты какие-то местные недоумки с ужасающими труднопроизносимыми

шотландскими фамилиями. Они так любезны, так настойчиво приглашают к себе и обещают прийти снова, что я не удержалась и высказала им все, что о них думаю. Хочется надеяться, что больше я их не увижу. Впрочем, и в замке меня окружают личности столь нелепые, что просто ума не приложу, чем бы заняться. У этих девиц имеются ноты только шотландских мелодий, рисуют они только шотландские горы, читают только шотландские стихи — я же ненавижу все шотландское. В принципе, я могу полдня с удовольствием заниматься своим туалетом, но скажите, с какой стати мне наряжаться в этом доме, ведь здесь нет ни одного человека, которому бы я хотела понравиться?! Только что у меня произошел разговор с моим братом, в котором он грубо меня оскорбил и подробности которого, коль скоро писать больше не о чем, хочу вам сообщить. Знайте же, что уже дней пять назад я заподозрила Уильяма в том, что он проявляет несомненный интерес к моей старшей падчерице. Откровенно говоря, будь я мужчиной, я бы в жизни не влюбилась в такую, как Матильда Лесли, — что может быть хуже крупных женщин! Но коль скоро вкусы мужчин неисповедимы, да и сам Уильям без малого шести футов росту, нет

ничего удивительного в том, что девушка таких размеров пришлась ему по вкусу. А поскольку я прекрасно отношусь к своему брату и очень бы не хотела видеть его несчастным, каковым он наверняка будет себя считать, если не женится на Матильде, и, поскольку я знаю, что его обстоятельства не позволят ему жениться на девушке без наследства, Матильда же целиком зависит от своего отца, который, насколько мне известно, не намерен — во всяком случае, теперь и без моего разрешения — ничего ей давать, я сочла, что с моей стороны было бы благородно изложить брату все эти доводы, чтобы он сам решил, что ему лучше: подавить в себе эту страсть либо заплатить за любовь страданиями. И вот, оказавшись сегодня утром с ним наедине в одной из жутких старых комнат этого замка, я повела с ним откровенный разговор и начала так:

— Ну-с, мой дорогой Уильям, что ты думаешь об этих двух девицах? Они оказались гораздо миловиднее, чем я думала. Впрочем, ты сочтешь, что я пристрастна к дочерям своего мужа, и, наверно, будешь прав… Они и в самом деле так похожи на сэра Джорджа…

— Дорогая Сьюзен! — вскричал он, не скрывая своего изумления. — Неужели ты и в самом деле

полагаешь, что у них есть хотя бы малейшее сходство со своим отцом?! Он ведь так нехорош собой!.. Ой, прости меня… Я совершенно забыл, с кем говорю…

— Пожалуйста, не извиняйся, — ответила я. — Всему миру известно, что сэр Джордж чудовищно уродлив. Уверяю тебя, я тоже всегда считала его безобразным.

— В отношении сэра Джорджа и его дочерей, — возразил Уильям, — ты говоришь удивительные вещи. В самом деле, не можешь же ты и вправду считать своего мужа таким уродом? Не верится также, чтобы ты действительно усматривала сходство между ним и обеими мисс Лесли, — по-моему, они совершенно на него непохожи и замечательно красивы.

— Даже если ты считаешь сестер красавицами, это вовсе не доказательство того, что красив и их отец, ведь если они абсолютно на него непохожи и при этом очень красивы, то получается, что он крайне невзрачен, не так ли?

— Вовсе нет, — ответил Уильям. — Ведь то, что красиво в женщине, в мужчине может быть отталкивающим.

— Но ведь ты же сам, всего несколько минут назад сказал, что собой он очень дурен, — воз-

разила я.

— О мужской красоте мужчины судить не в состоянии! — воскликнул он.

— Нет на свете такого мужчины и такой женщины, которые сказали бы, что сэр Джордж хорош собой.

— Что ж, — сказал он, — не будем больше спорить о его внешности. То же, что ты думаешь о его дочерях, и в самом деле странно. Если я тебя правильно понял, ты сказала, что они оказались миловиднее, чем ты думала, не правда ли?

— А что, по-твоему, это не так?

— Мне кажется, что ты шутишь, когда говоришь о них такое. Неужели ты и впрямь не считаешь, что сестры Лесли очень красивые молодые женщины?

— О боже! Конечно, нет! — вскричала я. — Я считаю их ужасными дурнушками!

— Дурнушками? — искренне удивился он. — Моя дорогая Сьюзен, прости, но это сущий вздор! Скажи, что именно тебе не нравится в их внешности?

— Нет ничего проще, — ответила я. — Давай начнем со старшей, с Матильды. Ты не передумал, Уильям? — И я хитро посмотрела на него, ибо мне хотелось его пристыдить.

— Они так похожи друг на друга, — сказал он, — что, по всей видимости, недостатки одной являются недостатками обеих.

— Так вот, начну с того, что обе они несообразно высокого роста!

— Во всяком случае, *выше* тебя, — сказал он с ядовитой улыбочкой.

— Не знаю, — сказала я, — мне это не бросилось в глаза.

— Хотя они, — продолжил он, — и в самом деле выше среднего роста, и та и другая отлично сложены… И потом, ты не можешь не признать, глаза у них очень красивые.

— Про женщин подобных статей я бы никогда не сказала «отлично сложены». Что же до их глаз, то обе они такого исполинского роста, что мне пришлось бы встать на цыпочки, чтобы выяснить, красивые у них глаза или нет.

— Что ж, — ответил он, — может, и хорошо, что ты не стала вставать на цыпочки: блеск их глаз мог бы тебя ослепить.

— Не то слово, — сказала я недрогнувшим голосом, ибо, поверь мне, моя дорогая Шарлотта, я ничуть не обиделась, хотя из того, что последовало, можно заключить, что Уильям с самого начала делал все возможное, чтобы меня обидеть.

Подойдя ко мне и взяв меня за руку, он сказал:

— У тебя такой мрачный вид, Сьюзен, что мне кажется, я тебя обидел!

— Обидел?! Меня?! Дорогой брат, как только ты мог подумать такое?! — отпарировала я. — Вовсе нет! Уверяю, я ничуть не удивлена, что ты столь рьяный ценитель красоты этих девушек…

— Имей в виду, — перебил меня Уильям, — наш спор о них еще не закончился. Что, скажи на милость, тебя не устраивает в их цвете лица?

— Они обе бледны как привидения!

— Вот уж нет! Щеки у них всегда розовые, а после прогулки румянец еще ярче.

— Да, но когда идет дождь, а идет он в этой части света каждые полчаса, им остается лишь бегать взад-вперед по этим жутким ветхим галереям, отчего особенно не раскраснеешься.

— Что ж, — ответил мой братец, не скрывая раздражения и глядя на меня сверху вниз, — даже если им и *не хватает* румянца, тот, что есть, по крайней мере не искусственный.

Это было уж слишком, дорогая Шарлотта. Я сразу же поняла, на что он намекал. Но ты-то знаешь, ведь не раз была свидетелем, как я противилась румянам и сколько раз говорила, что терпеть их не могу. Я и сейчас отношусь к ним точно так же…

Так вот, не желая выслушивать всю эту клевету, я немедленно вышла из комнаты и, запершись в своей спальне, села писать тебе это письмо. Какое же оно получилось длинное! Когда я вернусь в Лондон, не жди от меня столь же пространных посланий: писать письма, пусть даже Шарлотте Латтрелл, есть время только в замке Лесли! Издевательский взгляд Уильяма стоял у меня перед глазами, поэтому я никак не могла заставить себя дать ему совет относительно его увлечения Матильдой, отчего, собственно, я и завела сегодня этот разговор. Теперь же у меня не осталось никаких сомнений, что он питает к ней безумную страсть, а потому я не стану впредь приставать с советами ни к нему, ни к его пассии.

Прощайте, моя дорогая.

Искренне ваша Сьюзен Л.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Мисс Ш. Латтрелл — мисс М. Лесли
Бристоль, 27 марта

Письма, которые я получила на этой неделе от

тебя и твоей мачехи, очень меня повеселили: вы обе, я вижу, ужасно завидуете красоте друг друга. Как странно, что две хорошенькие женщины, да еще мать и дочь, и дня не могут прожить под одной крышей, не испытывая взаимной ревности. Пойми: вы *обе* очень красивы, — и довольно об этом. Вероятно, письмо это следует послать по адресу: Портмен-сквер, — куда, надо полагать, вы уже приехали, о чем ты (как бы ни была велика твоя любовь к замку Лесли) наверняка ничуть не жалеешь. Что бы там ни говорили об изумрудной зелени полей и живописных сельских пейзажах, я всегда придерживалась того мнения, что Лондон с его развлечениями, должно быть, не так уж и плох, если оставаться в нем ненадолго, а потому была бы очень счастлива, если бы матушкин доход позволял привозить нас зимой в столицу. Больше же всего мне всегда хотелось попасть в Воксхолл, чтобы увидеть собственными глазами, в самом ли деле там, как нигде, умеют тонко нарезать холодную говядину. Сказать по правде, у меня есть подозрение, что мало кто умеет резать холодную говядину так, как это делаю я; а впрочем, было бы странно, если б после стольких усилий с моей стороны я этим искусством не овладела. Матушка всегда считала

своей лучшей ученицей меня; батюшка же, покуда был жив, предпочитал Элоизу. И то сказать: более разных характеров, чем у нас с сестрой, не бывает. Мы обе любили читать, однако она предпочитала труды по истории, а я — кулинарные рецепты. Она любила рисовать, а я — ощипывать кур. Никто не мог лучше спеть песню, чем она, точно так же, как никто не может лучше испечь пирог, чем я… И так продолжалось до тех пор, пока мы не повзрослели. Изменилось только одно: всегдашние споры о том, чьи занятия предпочтительнее, более не ведутся. Мы уже давно договорились восхищаться занятиями друг друга; я всегда с удовольствием слушаю *ее* пение, она с неменьшим удовольствием поедает мои пироги. Так, во всяком случае, обстояло дело до того дня, когда в Сассексе объявился Генри Гарви. Прежде чем его тетушка обосновалась в наших краях, куда она, как тебе известно, переехала около года назад, его визиты к ней случались не часто, да и продолжались не слишком долго. Когда же она переехала в Холл, который находится неподалеку от нашего дома, визиты эти сделались куда более частыми и продолжительными. Это, как ты догадываешься, не могло понравиться миссис Диане, которая является заклятым врагом

всего, что неблагопристойно и не соответствует правилам хорошего тона. Она была настолько недовольна поведением своего племянника, что я сама слышала, как она бросала ему в лицо такие обвинения, которые, не разговаривай он в эти минуты с Элоизой, наверняка бы очень его расстроили. В это время и произошли изменения в поведении моей сестры, о которых я вскользь упомянула. С этих пор она больше не соблюдала нашего с ней договора восхищаться трудами друг друга, и, хотя я, со своей стороны, с готовностью аплодировала любому сельскому танцу, который она исполняла, даже ее любимый пирог с голубятиной, мной испеченный, не вызывал у нее ни единого слова одобрения. Этого, конечно, было достаточно, чтобы вывести из себя любого, однако я оставалась хладнокровной, как заварной крем, и, замыслив отомстить, преисполнилась решимости молчать и ни в чем ее не упрекать. Мой план мести состоял в том, чтобы вести себя с сестрой точно так же, как и она со мной, и, даже если она напишет мой портрет или сыграет Мальбрука (единственную мелодию, которая мне по-настоящему нравилась), сказать ей всего лишь: «Спасибо, Элоиза». И это при том, что много лет подряд, что бы она ни играла, я то и

дело выкрикивала: «Bravo, Bravissimo[5], Encore[6], Da capo[7], Allegretto[8], Con expressione[9] и Poco presto»[10], — а также многие другие чужеземные слова, которые, как уверяет Элоиза, выражают восхищение. Вероятно, так оно и есть; некоторые из них я вижу на каждой странице нотных альбомов — в этих словах, надо полагать, выразились истинные чувства композитора.

Свой план я осуществляла со всей дотошностью. Не могу сказать, что с успехом, ибо (увы!) молчание мое, когда она играла, как видно, ничуть ее не огорчало; напротив, однажды она даже сказала мне: «Знаешь, Шарлотта, я очень рада, что ты наконец отказалась от странной привычки то и дело аплодировать, когда я играю на клавесине. У меня от твоих аплодисментов

---

[5] Notes: 5
Великолепно *(итал.)*.

[6] Notes: 6
Еще *(фр.)*.

[7] Notes: 7
Сначала *(итал.)*.

[8] Notes: 8
То есть умеренно быстро, оживленно *(итал.)*.

[9] Notes: 9
То есть выразительно, ярко, экспрессивно *(итал.)*.

[10] Notes: 10
То есть немного быстрее, указывает на ускорение темпа *(итал.)*.

и восторженных выкриков болит голова, да и у тебя самой начинает першить в горле. Очень тебе благодарна за то, что свое восхищение ты теперь держишь при себе».

Никогда не забуду своего весьма остроумного ответа. «Элоиза, — сказала я, — прошу тебя, не беспокойся. Впредь я всегда буду держать свое восхищение при себе и никогда не стану распространять его на тебя».

Это была самая резкая фраза из всех, какие я себе позволила. Нельзя сказать, что прежде я ни разу не испытывала желания съязвить, но тут — кажется, впервые в жизни — не сдержалась.

По-моему, не было еще на свете двух молодых людей, что испытывали друг к другу большее чувство, чем Генри и Элоиза. Любовь твоего брата к мисс Бертон, возможно, и была более страстной, но уж никак не более сильной. А потому можешь себе представить, в какое состояние пришла моя сестра, когда он сыграл с ней такую шутку. Бедняжка! Она до сих пор с удивительным постоянством оплакивает его смерть, а ведь прошло уже больше полутора месяцев! Что ж, бывают люди, которые переживают подобные невзгоды тяжелее других… Из-за потери любимого она сделалась так слаба и чувствительна,

что сегодня все утро проплакала только оттого, что расстается с миссис Марло, которая вместе со своим мужем, братом и сыном покидает Бристоль. Я, кстати, тоже огорчена, что они уезжают, ведь это единственная семья, с которой мы здесь сошлись, однако лить по этому поводу слезы у меня и в мыслях не было. Надо, впрочем, признать, что Элоиза и миссис Марло много времени проводили вместе, друг к другу привязались, а потому их слезы при расставании понять можно. Чета Марло направляется в Лондон, Кливленд их сопровождает. Ни я, ни Элоиза не можем за ними последовать — остается надеяться, что тебе и Матильде повезет больше. Когда придет наш черед покинуть Бристоль, сказать пока трудно: Элоиза по-прежнему хандрит и никуда ехать не хочет, — а между тем пребывание здесь не пошло ей впрок. Надеюсь, что через пару недель наши планы прояснятся.

Пока же остаюсь и проч.,
твоя Шарлотта Латтрелл

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Мисс Латтрелл — миссис Марло
Бристоль, 4 апреля

Очень обязана вам, моя дорогая Эмма, за предложение переписываться, каковое предложение, льщу себя надеждой, следует воспринимать как свидетельство вашей любви. Хочу вас заверить, что переписываться с вами для меня большая радость, и, насколько мне позволят здоровье и настроение, вы найдете во мне постоянного и надежного корреспондента. Обещать, однако, что мои письма вас развлекут, не могу: вы достаточно хорошо знаете мою ситуацию, чтобы понимать: веселье мое было бы сейчас неуместно, да и неестественно. Ожидать от меня новостей не приходится: мы никого не видим и мало чем интересуемся. Не ждите от меня и сплетен, ибо по той же самой причине они до нас не доходят, а сочинять их мы не умеем… Словом, ждать от меня можно лишь тоскливых излияний разбитого сердца, что постоянно вспоминает недолгое счастье, выпавшее на его долю, и тяжко переносит нынешнее свое прозябание. Возможность писать вам, говорить с вами о моем безвозвратно

потерянном Генри будет для меня несказанным счастьем — вы же, при вашей доброте, никогда, я знаю, не откажетесь прочесть те строки, написание которых так облегчило мое сердце. Прежде мне казалось, что заиметь друга, а вернее, подругу, которой я могла бы излить душу (моя сестра не в счет), никогда не будет предметом моих желаний. Как же я ошибалась! Шарлотта слишком поглощена перепиской сразу с двумя близкими подругами, чтобы уделить внимание мне, и, надеюсь, вы не сочтете мои слова по-девичьи восторженными, если я скажу, что уже давно мечтала завести ласковую и сострадательную подругу, которая бы выслушивала мои печальные истории, не пытаясь меня утешить, когда знакомство с вами, близость, которая воспоследовала и совершенно исключительное внимание, которое вы мне уделили, позволили мне тешить себя надеждой, что интерес ко мне со временем перерастет в дружбу, которая, если только я не обманусь в своих чаяниях, явится величайшим счастьем, выпавшим на мою долю. Обнаружить, что подобные надежды сбылись, — это и в самом деле огромная и, пожалуй, единственная на сегодняшний день радость моей жизни. Я так слаба, что, будь вы со мной, вы бы наверняка уговорили

меня прекратить писать, что, дабы на деле доказать вам свою любовь, я и делаю.

Остаюсь, моя дорогая Эмма, вашим искренним другом.

Э. Л.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Миссис Марло — мисс Латтрелл
Гроснор-стрит, 10 апреля

Нужно ли говорить, моя дорогая Элоиза, как рада была я вашему письму! Чтобы доказать, какое удовольствие я получила, читая его, а также в подтверждение своего самого искреннего желания сделать нашу переписку постоянной и регулярной, я отвечаю на ваше письмо еще до конца недели, чем, хочется надеяться, подаю вам пример… Не подумайте только, что скорый ответ — следствие моей пунктуальности и что я напрашиваюсь на комплимент. Вовсе нет, уверяю вас. Для меня куда большее удовольствие писать вам, чем провести вечер на концерте или на балу. Мистер Марло настаивает, чтобы я каждый вечер

появлялась в свете, и мне не хочется ему отказывать. Вместе с тем я так люблю сидеть по вечерам дома, что, помимо радости, какую я испытываю всякий раз, когда уделяю время моей дорогой Элоизе, любая возможность (которой, впрочем, я никогда не злоупотребляю) остаться дома под предлогом написания письма или общения с моим малышом является для меня огромным удовольствием. Что же до ваших писем, мрачных или веселых, то, если они заботят вас, они тем самым будут столь же интересны и мне. Поверьте, я вовсе не считаю, что если вы постоянно будете делиться со мной вашими горестями, то они от этого только преумножатся, и что с вашей стороны было бы благоразумнее избегать столь печальной темы. Больше того: зная, как никто другой, какое утешение и даже удовольствие вы испытываете, когда делитесь со мной своими грустными мыслями, я не вправе лишать вас этого отдохновения и хотела бы просить лишь об одном: не ждите, что в своих ответных письмах я буду настраивать вас на грустный лад, напротив: я намереваюсь наполнить их таким искрометным остроумием и непосредственным юмором, что надеюсь даже вызвать мимолетную улыбку на прелестном, хоть и печальном лике

моей Элоизы.

Довожу до вашего сведения, что уже дважды за время своего пребывания здесь я встречала трех приятельниц вашей сестры — леди Лесли и двух ее падчериц. Понимаю: вам не терпится поскорее узнать мое мнение о красоте трех дам, о которых вы столько слышали, — так вот, поскольку сейчас вы слишком больны и слишком несчастны, чтобы возгордиться, спешу сообщить вам, что ни одна из трех не сравнится с вами. При этом каждая из них по-своему красива. Леди Лесли я вижу не впервые; что же до дочерей ее мужа, то расхожее мнение света сочло бы, наверное, их более привлекательными. Вместе с тем, если принять во внимание прелестный цвет лица, некоторую претенциозность и отлично подвешенный язык (в чем леди Лесли, несомненно, имеет преимущество перед этими юными дамами), она, смею вас уверить, вправе рассчитывать на большее число поклонников, чем более хорошенькие Матильда и Маргарет. Думаю, вы со мной согласитесь, что ни одна из них не может считаться истинной красавицей, если я скажу вам, что обе юные леди гораздо выше нас с вами, тогда как их мачеха гораздо ниже. Несмотря на этот недостаток (а вернее, благодаря ему), в фи-

гурах обеих мисс Лесли есть что-то благородное и величественное, а в облике их хорошенькой миниатюрной мачехи — что-то удивительно живое и свежее. Однако при всем благородстве двух первых и живости последней в лицах всех трех не сыщешь поистине колдовского очарования, отличающего мою Элоизу, очарования, которое из-за ее нынешней вялости меньше отнюдь не становится. Интересно, что бы сказали о нас мой муж и брат, если б знали, сколько комплиментов я наговорила в этом письме? Если одна женщина говорит про другую, что та хороша собой, то мужчины почему-то подозревают, что женщина эта либо ее злейший враг, либо она пытается ей угодить. Насколько женщины в этом отношении добросердечнее мужчин! Один мужчина может сколько угодно расхваливать другого, а нам никогда даже в голову не придет, что ему за это платят, и, если только он отдает должное слабому полу, нам совершенно безразлично, как он ведет себя по отношению к сильному.

Мои самые лучшие пожелания миссис Латтрелл и моей дорогой Шарлотте. Вам же от всего сердца желаю поскорей поправиться и воспрять духом.

Любящая вас Е. Марло.

P. S. Боюсь, это письмо не может служить веским доказательством моего остроумия, и ваше мнение о моих способностях не станет более благосклонным, даже если я поклянусь, что развлекала вас изо всех сил.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Мисс Маргарет Лесли — мисс Шарлотте Латтрелл

Портмен-сквер, 13 апреля

Моя дорогая Шарлотта, 28 марта сего года мы покинули замок Лесли и спустя семь дней благополучно прибыли в Лондон. По приезде я обнаружила письмо от тебя, за что горячо тебе благодарна. Ах, дорогая моя подруга! С каждым днем я все больше тоскую по простым и скромным удовольствиям замка, который мы покинули ради сомнительных развлечений этого хваленого города. Я вовсе не хочу сделать вид, будто эти сомнительные развлечения мне крайне неприятны, напротив: мне они очень нравятся и понравились бы еще больше, не будь

я уверена, что всякое мое появление в свете еще больше смущает те несчастные существа, чья тайная страсть ко мне не может не вызвать у меня жалость, хотя и не в моей власти отвечать им взаимностью. Иными словами, моя дорогая Шарлотта, искреннее сочувствие страданиям столь многих молодых людей, неприятие того поистине безудержного восхищения, с каким я здесь сталкиваюсь и в свете, и в частных встречах, и в газетах, и в типографиях, не позволяют мне в полной мере наслаждаться многообразными и приятнейшими лондонскими развлечениями. Как часто приходилось мне жалеть о том, что я красивее тебя, что у меня лучше фигура, правильнее черты лица! Как часто мне хотелось, чтобы я была так же нехороша собой, как и ты! Но увы! Шансов подурнеть у меня мало. Я уже перенесла оспу, а потому приходится подчиняться своей несчастной судьбе!

А сейчас, дорогая моя Шарлотта, я должна посвятить тебя в тайну, которая уже давно нарушает мой покой и которую я буду просить тебя ни под каким видом никому не выдавать. В прошлый понедельник мы с Матильдой были приглашены вместе с леди Лесли на прием, который давала достопочтенная миссис Стой. Сопровождал нас

мистер Фицджеральд, в целом очень славный молодой человек, хотя и с некоторыми причудами — он влюблен в Матильду. Не успели мы поприветствовать хозяйку дома и сделать реверанс многочисленным гостям, когда внимание мое привлек совершенно обворожительный молодой человек, который в это самое время входил в зал вместе с джентльменом и леди. Стоило мне встретиться с ним глазами, как я сразу же поняла, что только от него зависит счастье всей моей жизни. Каково же было мое изумление, когда молодой человек представился Кливлендом, и я тут же признала в нем брата миссис Марло и бристольского знакомого моей Шарлотты. Джентльмен и леди, которые его сопровождали, и были мистером и миссис Марло. (Кстати, вы ведь не считаете миссис Марло красавицей, не правда ли?) Изящное обращение мистера Кливленда, его изысканные манеры и прелестный поклон подтвердили, что я в своих чаяниях нисколько не ошиблась. Он молчал, но я вообразила себе, что бы он сказал, если бы раскрыл рот. Я с легкостью представила себе блестящее воспитание, благородные чувства и ясность мысли, коими бы он блеснул, завяжись между нами беседа. Однако приближение сэра Джеймса Гоуэра (од-

ного из моих многочисленных поклонников) меня отвлекло, лишив тем самым возможности обнаружить в моем кумире все эти достоинства, ибо положило конец разговору, который так и не успел начаться. Ах, знала бы ты, сколь ничтожны достоинства сэра Джеймса в сравнении с его соперником, коего он мгновенно и мучительно ко мне приревновал. Сэр Джеймс — один из наших самых частых гостей, редко случается прием, на котором его нет. С того памятного вечера мы постоянно встречались с мистером и миссис Марло, однако Кливленда больше не видали ни разу — он, как назло, всякий раз оказывается ангажирован. Миссис Марло до смерти утомляет меня своими скучными разговорами о тебе и Элоизе. Она так глупа! Сегодня вечером мы идем к леди Фламбо: она дружит с семейством Марло, — и я живу надеждой встретить у нее неотразимого брата миссис Марло. Будут леди Лесли, Матильда, Фицджеральд, сэр Джеймс Гоуэр и я. Сэра Джорджа мы видим теперь редко — почти каждый вечер он просиживает за ломберным столом. Ах, бедная моя Фортуна! Где ты? Где искать тебя? Зато теперь мы гораздо чаще видим леди Л. — она неизменно появляется (сильно нарумяненная!) к ужину. Увы! Не хочется даже думать о том, в

каких изумительных украшениях она явится к леди Фламбо! И все же я не могу постичь, какое ей-то удовольствие от этих драгоценностей?! Не может же она сама не чувствовать, сколь нелепо выглядят огромные драгоценные камни на ее крошечной шейке! Неужто она не понимает, что даже самые роскошные украшения — ничто в сравнении с изысканной простотой?! Если б только она согласилась подарить эти бесценные драгоценности Матильде и мне! Как мы были бы ей обязаны! Как пошли бы бриллианты нашим статным, величественным фигурам! И как странно, что простая эта мысль не приходит ей в голову! Задумайся об этом я — и справедливость давно бы восторжествовала! Всякий раз, когда я вижу леди Лесли в этих драгоценностях, мне эти мысли непременно приходят в голову. А ведь это драгоценности моей покойной матушки! Но не буду больше об этом — слишком грустная материя! Давай-ка я лучше тебя повеселю. Сегодня утром Матильда получила письмо от Лесли: представь, он в Неаполе, стал католиком, сам папа своей буллой аннулировал его первый брак, и он женился на знатной и богатой неаполитанке. Он пишет, что примерно то же самое произошло с его первой женой, бессовестной Луизой. Она,

только вообрази, тоже в Неаполе, приняла, как и он, католичество и собирается замуж за неаполитанца благородной крови. Пишет, что они совершенно помирились, дружат, простили друг другу былые обиды и собираются в будущем стать добрыми соседями. Он приглашает Матильду и меня приехать к нему в Италию и просит привезти ему крошку Луизу, которую очень хотят увидеть и ее мать, и мачеха, и он сам. Примем мы его приглашение или нет, пока неизвестно. Леди Лесли советует нам ехать, не теряя времени. Фицджеральд предлагает нас сопровождать, однако у Матильды на этот счет есть кое-какие сомнения. Впрочем, и она признает, что путешествие может оказаться весьма приятным. Я убеждена: Фицджеральд ей нравится. Отец же не хочет, чтобы мы торопились: говорит, что, если мы подождем несколько месяцев, они с леди Лесли с удовольствием составят нам компанию. Леди Лесли, однако, ехать наотрез отказывается. Развлечения в Брайтхелмстоуне она никогда не променяет на путешествие в Италию. Да и было бы ради чего! «Нет, — говорит эта нехорошая женщина, — я уже однажды по глупости отправилась в путешествие за много сотен миль от Лондона, чтобы познакомиться со своими падчерицами, но они

мне, прямо скажем, не обрадовались. А потому пусть меня дьявол разберет, если я еще хоть раз совершу подобную глупость!» Так считает ее светлость, однако сэр Джордж по-прежнему твердит, что через месяц-другой они, возможно, к нам присоединятся.

Прощай же, моя дорогая Шарлотта.

Преданная тебе Маргарет Лесли

Над книгой работали

Руководитель редакционной группы *Дарья Калачева*
Ответственный редактор *Анна Лысянская*
Арт-директор *Галина Ересина*
Иллюстрация на обложке *DAFAQ*
Иллюстрации на форзаце и нахзаце *Чаки Чаки*
Иллюстрация на титуле *Вера Голосова*
Техническая корректура *Мария Топеха*

ООО «МИФ»
mann-ivanov-ferber.ru